

Министерство образования России
Центр развития образования
Московский городской педагогический университет
Самарский филиал

Т.И. Руднева

**НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ:
ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ**

Москва - Самара 2002

ББК 74.200.25

Р 83

ISBN: 5-243-00045-0

Печатается по решению редакционно-издательского совета Самарского филиала Московского городского педагогического университета

Руднева Т.И. Национальное воспитание: этнические традиции.
Москва - Самара: издательство МГПУ, 2002. - 132 с.

Не абсолютизируя своеобразие каждой конкретной культуры, материалы книги свидетельствуют о тождественности одной национальной культуры во всех ее проявлениях другим национальным культурам, что тесно связано с неповторимым своеобразием природной среды. Доминирующие в национальной культуре ценности влияют на воспитание в первую очередь. Автор рассматривает вопрос о взаимодействии национального и общечеловеческого, обращая внимание на то, что этнопедагогика не есть педагогика этноса, это педагогика единого небезнационального человечества. Через народные традиции личность воспроизводит национальную культуру.

На примере нескольких систем национального воспитания доказывается необходимость их сохранения для развития всего социума, так как все народы «равно ценны своей непохожестью и друг на друга, и как инструменты мирового оркестра Культуры» (Г.Д. Гачев).

Книга предназначена студентам, преподавателям педагогических вузов, учителям и организаторам воспитательной деятельности.

Рецензент: - Г.Н. Волков, доктор педагогических наук,
профессор, действительный член РАО, академик
Международной педагогической академии.

ISBN: 5-243-00045-0

© Руднева Т.И., 2002

ВВЕДЕНИЕ

Народ — «единственный и неиссякаемый источник ценностей духовных, первый по времени, красоте и гениальности творчества философ и поэт, создавший свои великие поэмы, все трагедии земли и величайшую из них — историю всемирной культуры». Им создана народная педагогика.

Термин «народная педагогика» используется для характеристики педагогической литературы, где освещаются идеи народа о воспитании. Если же в исследованиях используются этнографические данные, вводится научный термин «этнопедагогика». Этнопедагогика — это наука, предметом изучения которой является педагогическая культура рода, племени, народности, нации, складывающаяся в общности психического склада той или иной этнической группы (Г.Н. Волков). Эта наука занимается исследованием особенностей национального характера, которые возникли под влиянием исторических условий и сохранились благодаря национальной системе воспитания. Основными задачами этнопедагогики является изучение специфики народной педагогики; истории ее возникновения, развития и современного состояния; места этнопедагогики в жизни народа и ее роли в педагогической культуре человечества. Этнопедагогика позволяет использовать положительный педагогический опыт народа, утверждает роль семьи и ее ответственность в деле воспитания детей, показывает функции общественных воспитателей и их необходимость в современной жизни.

Невозможно дать объяснение национальным особенностям, если не принимать во внимание систему воспитания, которая складывалась под влиянием условий материальной жизни общества, так как образ жизни, практическая деятельность и другие факторы формируют национальный характер.

Народная педагогика — это совокупность накопленных и проверенных практикой эмпирических знаний, сведений, умений и навыков, передаваемых из поколения в поколение преимущественно в устной форме, продукт исторического и социального опыта народных масс. Она зародилась в глубокой древности и складывалась под

воздействием исторических, социально-экономических, культурных и демографических условий жизни каждого народа. В ней находят отражение идеалы, воззрения, представления народа о человеке, семье и детях, их воспитании.

Народную педагогику называют также дописьменной педагогикой, так как педагогические идеи передавались в произведениях устного народного творчества, в которых сохранялась и распространялась совокупность целей и задач, путей и средств воспитания и обучения в их взаимосвязи, а также педагогических навыков и приемов. Народное педагогическое творчество представляет собой важную сторону многовекового развития культуры народа, основываясь на опыте и наблюдениях народных философов, психологов, педагогов. Известно, что значение устного педагогического творчества было различным в определенные исторические эпохи. В древности оно являлось единственной формой духовной культуры народов. В родовом обществе обычаи и традиции воспитания были всеобщими. Педагогика, возникающая в процессе трудовой деятельности членов общины, являлась единственной и поэтому «народной». Позднее, в классовом обществе, с возникновением письменности и профессиональной педагогики разнообразные формы народного творчества являлись созданием народных масс. Но народная педагогика с самого начала противостояла официальной. Она исходила из интересов народа, знала особенности его психологии, постоянно испытывала влияние официальной педагогики, которая обогащала ее отдельными научными положениями.

Основой народной педагогики является наивно-реалистическое воззрение народной философии. Народ верно представлял материальность мира, взаимосвязь явлений в природе и обществе, борьбу противоположностей и пытался осмыслить окружающую действительность. Народная философия является основой народной педагогики: она направлена на то, чтобы помочь детям разобраться в жизни. Огромное значение имеют и знания психологии, так как без них невозможно эффективно использовать различные педагогические приемы, понять методы и средства воздействия на ребенка. Во многих произведениях устного народного творчества содержится оценка значения силы любви и попытка раскрыть человеческие характеры. На основе психологических наблюдений детского возраста были созданы колыбельные песни, частушки.

В народной педагогике много оригинальных идей, терминология народной мудрости несет на себе отпечаток местного диалекта, типичных народных примет и выражений. Особый психический склад, присущий каждой нации, накладывает специфический отпечаток и на ее педагогическую культуру. Так, музыкальность, поэтичность, певучесть — этнические черты характера народов Средней Азии. Народная педагогика — это средоточие духовной жизни народа, в ней раскрываются особенности национального характера, лицо народа. Важная черта народной педагогики — коллективность, воспитание поколений в духе единства, тесной связи с народом. Все богатство фольклора, афоризмов о воспитании — это «коллективное творчество всего народа, а не личное мышление одного человека». Самая действенная черта народной педагогики — ее связь с жизнью, практикой обучения и воспитания. В каких-то аспектах народная педагогика может обходиться интуицией, догадкой, случайными фрагментарными сведениями или отдельными практическими советами, но ее сила — в практических действиях.

Следует отметить, что народная педагогика подвержена взаимовлиянию и взаимообогащению. Одинаковые условия жизни, сходные обычаи и традиции рождают близкие по форме и содержанию сказки, пословицы, загадки. В результате накапливался и передавался новым поколениям опыт воспитания детей, развивалась педагогическая мысль народа. К.Д.Ушинский отмечал, что «воспитание, созданное самим народом и основанное на народных началах, имеет ту воспитательную силу, которой нет в самых лучших системах, основанных на абстрактных идеях».

Система народного воспитания включает в себя два процесса: процесс самостоятельного наследования культурных ценностей молодым поколением; процесс целенаправленной передачи культурного наследия старшим поколением.

Сила народной педагогики заключается в многообразии идей, подходов, форм, действий, приемов, методов. Движущими силами народного воспитания являются слово (мысль), дело (деятельность), природа, быт, религия, общение, традиции.

«Воспитание — это деятельность по приобщению человека к социальному опыту во всех его формах (знания, эмоции, этические, эстетические нормы) и по развитию внутренних своеобразных возможностей и склонностей индивида» (О.Н. Козлова).

Создание и развитие систем национального воспитания и образования — важный шаг к демократизации современного общества и сближению, уважительным отношениям разных народов друг к другу: «Все народы равноценны именно своей непохожестью друг на друга как инструменты мирового оркестра культуры...» (Г.Д. Гачев).

Все национальные системы воспитания, устанавливая разные приоритеты в целях и средствах воспитания, являются не равноценными, но одинаково необходимыми для развития всего социума через оптимизацию отношений личности и общества. Нельзя игнорировать факты, на которые акцентирует внимание исследователь этнических процессов, академик Г.Н. Волков: многие государственные деятели называются богами судьбы народа, так как они признавали воспитание потомков наиглавнейшей заботой государства. Чингис Хан, вошедший в эпос народа саха, в первом пункте своей конституции утверждает: «То племя без порядка, без смысла, в котором дети не слушали нравоучительных мыслей отцов, большие не воспитывали малых, а малые не соблюдали наставлений старших».

Национальные особенности — это только некоторые акценты, а не качества, отсутствующие у других. «Национальные особенности сближают, заинтересовывают людей других национальностей, а не изымают их из национального окружения других народов, не замыкают народы в себе. Народы — это не окруженные стенами сообщества, а гармонично согласованные между собой ассоциации» (Д.С. Лихачев).

Особое значение для национального воспитания имеет учет такого явления как социализация: «Социализация — процесс, в рамках которого общество влияет на личность. Состояние этого процесса зависит от общества, образующего социальную сферу». В высокоразвитом обществе среда, через которую осуществляется социализация человека, отражает влияние очень многих социальных явлений, функций, субъектов, которые чаще всего представлены группами. Среди социальных групп основными являются семья, поколение, нация (этнос на той или иной стадии развития). Деятельность малых социальных групп играет огромную роль в социализации человека. Но нельзя не учитывать и большие социальные группы — нацию, класс. «Восстановление адекватного национального сознания личности, формирующейся в ходе социализации, возможно лишь после отказа от насаждения уравнивающих форм саморазвития и от навязывания

неравенства, неоправданного директивного сужения форм самореализации этноса, национальных групп» (О.Н. Козлова).

Политика нивелирования этнических начал в образовании, подавления национального существовала десятки лет. Г.Н. Волков приводит «скорбную» хронологию («Вестник университета российской академии образования», 1999, №1): 1917-1924 гг. — насильственное внедрение идеи о единой трудовой школе; 1924-1927 — игнорирование ранее провозглашенных лозунгов о национальном самоопределении; 1927-1930 — жесткая централизация решения национального вопроса проведения школьной политики, уничтожение лучшей части национального крестьянства, разрушение национально-общинных свойств, репрессивные меры по отношению к исконным крестьянским традициям, вплоть до запрещения национальных праздников; 1931-1939 — постановления о школе, культуре, повсеместном обязательном изучении русского языка; 1937-1938 — разгул государственного шовинизма, массовые аресты учителей, учащихся, студентов; 1941-1945 — массовая депортация народов, этноцид; 1946-1953 — принуждения к миграции; 1958-1964 — депортация народов севера в русскоязычные поселки, разрушение их традиционного уклада жизни; 1985-1992 — военное подавление национально-освободительного движения; 1992-1994 — национальный подъем.

В условиях такой политики народная педагогика выполняла спасительную миссию: она сохраняла многовековую культуру воспитания народов, то есть естественность, действенность, непрерывность, раннее начало, комбинированность воздействия, индивидуализация, дифференциализация, богатство средств воздействия на чувство и поведение. В национальном проявляется межнациональное, общечеловеческое. Чем внимательнее сегодня мы отнесемся к национальному, тем ближе будем к общечеловеческому.

*Милая моя земля,
Реки сладкие, поля,
Березняк и чернотал,
В небо вздыбленный Урал.
Я одну мечту таю:
Родину воспеть мою.*

*Высоко летает в небе ворон,
Еще выше сокол ввысь взмывает,
Еще выше сокола могучий
Беркут, птичий государь, летает.*

*Будь как этот беркут, славный воин,
Будь друзьям опорой стальной,
Выходи на бой с врагом отважно,
Жизни не щадя, бросайся в бой!*

Салават Юлаев (поэт XVIII века)

Педагогика в Башкирии имеет своеобразную историю, особенно в дореволюционный период. В конце XIX — начале XX века Башкирия, как и другие республики, уже входила в состав России, страны, в которой в то время лишь пятая часть детей соответствующего возраста училась в школе. Но в наихудшем положении в области просвещения находились нерусские народы. Грамотность башкирского населения тогда не превышала пяти процентов, а среди женщин-башкирок грамотных почти не было. Количество школ в национальных окраинах было ничтожным. В них обучались, как правило, дети зажиточных башкир, так как образование было платным и не все могли оплатить учёбу в таких школах.

Невозможность получения светского образования вынуждала башкир и татар отдавать своих детей в мусульманские школы: мектебы и медресе при мечетях.

По данным уфимского губернского земства в 1912/13 учебном году школ такого типа было 1168 [14]. Цели и задачи образования и воспитания полностью отвечали политике местных религиозных кругов.

В мектебах обучение вели муллы и хэльфэ. Руководителем выступало местное духовенство. Возрастной состав учащихся (шакирдов) был очень разнородным: среди них можно было встретить маленьких детей и взрослых мужчин. Общежитий не было, учащиеся жили в помещениях самих мектебов, где занятия начинались в октябре и заканчивались в апреле. В обучение входило заучивание наизусть текстов Корана и других религиозных книг на арабском языке. Также учили читать и писать, но этому уделялось очень мало времени. Так как отсутствовали специальные методики обучения чтению и письму, то дети читали очень медленно и писали очень плохо. В мектебы принимались только лица мужского пола. Женщины имели возможность учиться на дому у жён мулл.

В отличие от мектебов обучение в медресе продолжалось несколько лет. Многие из них содержались на благотворительные средства местных богачей.

В 80-х годах XIX века медресе были подвергнуты некоторым реформам. В частности, в программу обучения было включено преподавание отдельных общеобразовательных предметов на татарском языке (у башкир не было своей письменности). Но, несмотря на проведённые реформы, медресе остались учебными заведениями религиозного характера.

Значительные изменения в башкирской педагогике произошли в годы Советской власти. Были введены основные принципы единой советской школы: «Полное осуществление принципов трудовой школы с преподаванием на родном языке, с совместным обучением детей обоего пола, безусловно, светской, то есть свободной от какого бы то ни было религиозного влияния, проводящей тесную связь обучения с общественно производственным трудом» [15, 104].

В 1922 году VI Башкирская конференция отметила важность народного просвещения. Началась ликвидация неграмотности, охватившая 6532 человека.

Большие трудности испытывала республика в организации школьного образования. Создавались начальные и средние школы на родном языке. Для них требовались учителя и учебники на родном языке. Именно в это время открылось много педагогических техникумов. А в 1929 году был организован первый Башкирский педагогический институт.

В 1922/23 учебном году впервые были изданы букварь и отдельные учебники на башкирском языке. С созданием башкирской письменности на основе арабского алфавита с 1924/25 учебного года по мере роста учителей-башкир и выпуска учебников башкирские школы повсеместно переходят на родной язык.

Начинается большая работа по переводу учебников с русского языка и изданию их по другим предметам.

Приоритетность родного языка в обучении и воспитании в национальной школе признается безоговорочно. Это вытекает из естественного характера воспитания. Влияние родного языка на развитие ребенка всеобъемлюще. Школа, в которой игнорируется родной язык, антидемократична. Через родной язык из поколения в поколение передается многовековой опыт народа, его нравственные устои, которые позволяют противостоять деградации подрастающего поколения, разлагающему влиянию чуждых народу псевдокультурных традиций.

Большое значение для развития башкирских школ имел принятый в 1959 году закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в РСФСР». 15-я статья закона установила право самих родителей свободно определять язык обучения в школе для своих детей [15, 114].

В большинстве школ преподавание на родном языке велось в начальных классах. Повсеместно возникали национальные школы с обучением русскому языку с 1 класса.

Башкирские национальные школы с обучением на родном языке с 1-го по 10-й класс существовали вплоть до 70-х годов. Действовали они преимущественно в сельской местности, в городах таких школ насчитывалось единицы [13, 8]. В 70-е годы Руководство Министерства обороны СССР потребовало, чтобы обучение в 9-10 классах велось на русском языке: возникли трудности с призывниками из национальных районов страны.

К началу 90-х годов в республике изучалось 7 языков: русский, башкирский, татарский, марийский, чувашский, удмуртский, немецкий.

Манифестом дружбы с русским народом, единства стало стихотворение башкирского поэта Мустая Карима.

*Не русский я, но россиянин. Ныне
Я говорю, свободен и силен:
Я рос как дуб зеленый на вершине,
Водою рек российских напоен.
Свою жизнью я гордиться вправе —
Нам с русскими одна судьба дана.
Четыре века в подвигах и славе!
Сплелись корнями наши племена.*

Восстановление национальной школы в многонациональной Башкирии началось в 1989 году с крупной республиканской конференции по возрождению родных языков. Затем была разработана на основе концепции Министерства образования России своя «Концепция развития национальной школы в РБ». Тогда же было решено создавать все условия для изучения родного языка всеми желающими.

Село сохраняло традиции национальной культуры: в школах создавались музеи, краеведческие уголки, фольклорные ансамбли.

В многонациональном государстве двуязычие — явление закономерное и необходимое, так как без языка — посредника невозможна нормальная жизнь людей ни в Российской Федерации в целом, ни во входящей в её состав многонациональной Башкирии. Исторически сложилось, что общим средством общения в стране стал русский язык, который был признан государственным на всей территории бывшего СССР.

Двуязычие предполагает владение двумя языками. Существует понятие «гармоничное двуязычие», которое даёт политическое равноправие языков и равные условия для свободного овладения и пользования ими.

«Национально-русский билингвизм не всегда гармоничен, потому что, во-первых, очень низок уровень владения русским языком коренного населения, особенно в сельской местности, где русскоязычное речевое окружение отсутствует. Национальная школа здесь — основной источник формирования у детей речевых навыков на русском языке. Во-вторых, нерусские жители городов и рабочих посёлков, обычно живущие среди русскоязычных соседей, хорошо владеют русским, но слабо или совсем не знают своего родного языка» [8, 74]. В последние полвека в Башкирии (и не только) ущемлялись

общественные функции национального языка, снижался его социальный престиж. Родной язык в лучшем случае преподавали как предмет. А то и вовсе исключали из учебного процесса. Появилось новое понятие «русский язык как второй родной». Искazилось содержание двуязычия: оно сводилось к овладению русским независимо от того, владеет ли человек своим родным языком. По существу, сформировалось «однoязычие — русскоязычие нерусских народов, которое воспринималось как билингвизм, что фактически лишило национальные языки сферы употребления» [9, 75]. Это вызывало у отдельных представителей той или иной национальности ощущение ущербности родного языка и в конечном счёте приводило к отказу от него и оторванности от своих корней. Утрачивались исконные традиции и обычаи, нерусское население активно русифицировалось.

Начиная с 90-х годов положение изменилось: возрождение национальной школы с родным языком обучения осуществляется на основе концепции национальной школы.

«Язык является одним из существеннейших признаков нации, тесно связан с национальной психологией, с самосознанием и самобытностью народа. За каждым языком стоит целая культура, оригинальное видение мира, которые язык хранит» [9, 75]. Судьба языка — это судьба народа, потеря языка равнозначна потере нации.

Формирование гармонического двуязычия обуславливает необходимость определения оптимальных пропорций изучения языков и руководства следующими методическими установками:

- родной язык психологически доминирует над русским, то есть дошкольное и хотя бы начальное обучение обязательно осуществляется на родном языке;
- степень владения родным языком если не выше, то во всяком случае не ниже, чем русским;
- чётко определены сферы функционирования родного и русского языков.

Народное творчество башкир отличается патриотичностью, гордостью за свой народ, что отражается в именах, названиях рек, городов и поселков. Известно предание, передаваемое жителями деревни Имелеевки Большечерниговского района Самарской области: «Гулистан — предводительница отряда, воевавшего с царизмом. Однажды ее племя собралось переправиться через реку. Но долгое время никто

не решался это сделать — слишком сильное было течение. Первой переправилась Гулистан, за ней последовали воодушевленные ее решимостью башкиры. Эту реку называли в честь Гулистан Иргизом — «девушка-богатырь».

ЛИТЕРАТУРА

1. Алмазов Б. Тихая траектория «малоценных людей» // Народное образование. - 1998. - № 2.
2. Башкирское народное творчество. — Уфа, 1987.
3. Бондарев П. Умственный облик народа // Народное образование. - 1996. - № 2.
4. Волков Г. Н. Чувашская народная педагогика. — Чебоксары, 1958.
5. Воспитание культуры межнациональных отношений. Сб. статей. — Алма-Ата, 1988.
6. Гайфуллин В. Образование в Татарстане: проблемы и перспективы // Народное образование. - 1995. - № 7.
7. Гафури М. Черноликие / Ступени жизни. — Уфа, 1986.
8. Закирьянов К. Двухязычие и интерференция. — Уфа: БГУ, 1986.
9. Закирьянов К. В условиях активного билингвизма // Народное образование. - 1998. - № 5. — С. 74-76.
10. Косенок С. Оценка проекта культурно-антропологической школы // Народное образование, 1998, № 3. — С. 47-52.
11. К проблеме нации и национальных отношений. — Уфа: БГУ, 1971.
12. Леонтьев А. А. Язык. Речь. Речевая деятельность. — М: Просвещение, 1969.
13. Мудрые годы Башкирии // Учительская газета. - 1997. - № 46 (18 ноября).
14. Мустафина Р. Х. Расцвет народного образования в БАССР. — Уфа, 1968.
15. Народное образование в РСФСР / Под ред. М. П. Кашина и Е.М. Чехарина. — М: Просвещение, 1969.
16. Народные сказки, легенды, предания Башкирии. — Уфа, 1969.
17. Народные университеты Башкирии. — Уфа, 1970.
18. Ситник А. Проблемы вечные // Народное образование. - 1995. - №1. — С. 54-60.
19. Учитель и школьная реформа на Среднем Урале: общественное мнение. — Свердловск, 1991.

20. Хренова Е. Городская школа для сельских ребят // Народное образование. - 1996. - № 1. — С. 92-94.
21. Шаповалов В. Этнокультурная направленность российского образования. - М., 1997.

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ КАЗАХСКОГО НАРОДА

*Вы о прошлом просите рассказать, -
Так с чего мне повесть начать?
Высоки Кара-Тау хребты.
На шелках алеют цветы, -
Но истлеют ведь и они.
Соберется лебедь в полет,
Крылья белые распахнет.
Коль у родича мясо есть,
К вам в котел оно попадет.*

Сказание «Камбар-батыр»

Национальная школа в Казахстане

Темнота и невежество, религиозный дурман и почти полная безграмотность — прошлое казахского народа. Во второй половине XIX века в Казахстане организуются первые светские школы. Грамотного казаха можно было найти лишь среди представителей господствующих классов. Из 50 казахских детей до революции только один обучался грамоте. Девочки почти полностью были лишены возможности посещать школы, представлявшие собой убогие лачуги, где полуграмотные муллы скорее мучили, чем учили детей. Конфессиональные школы — мектебы и медресе — готовили в основном служителей религиозного культа. Обучение в них велось на древнеарабском языке. Вот так характеризуется эта школа в донесении копальского уездно-

го начальника: «Они (казахи) резко разделяются на две категории: бай — богатые и именитые и букара. Первые стараются обучать детей грамоте и сами грамотны, преимущественно по-мусульмански. Учебных заведений у казахов немного. В каждой области есть мектеб, но мектеб, имеющая вид школы, лишь одна в Арасанской волости. Остальные школы носят подвижной характер, и учителя в них те же грамотные казахи или из мулл волости, или з научившихся грамоте в татарских школах» [5].

Лучшие представители казахского народа, просветители XIX века Чокан Валиханов, Ибрай Алтынсарин настойчиво выступали за воспитание гармонически целостной личности в атмосфере разума, науки, совести и чести. Абай писал, что настоящее образование может дать лишь школа, где молодёжь получает широкие, разносторонние знания. Среди казахских школ того времени он не видел такой школы.

Первые попытки распространения светского образования среди казахского народа связаны с началом присоединения Казахстана к России. Вместе с тем традиции народной педагогики продолжали жить, так как в них концентрированно представлены общечеловеческие ценности. Общечеловеческое в народной педагогике проявляет себя во многом, в том числе — в особой тональности. Чем внимательнее человек относится к национальному, тем мы всё ближе подходим к общечеловеческому.

Исторические условия, сложившиеся в Казахстане к середине XIX века, вызвали необходимость овладения местным населением русской грамотой и разговорной речью. В свою очередь, царское правительство было заинтересовано в том, чтобы в органах местного управления были «свои люди» из казахов, хорошо знавшие русский язык и готовые верой и правдой служить царю и престолу. Именно с этой целью губернские власти Казахстана стали открывать школы для подготовки из казахов верноподданных царю чиновников.

Вопрос о народном образовании в Казахстане при проведении реформ 1867-68 гг. решался с позиций усиления русификаторской политики царизма, а также в целях борьбы с антирусским влиянием мусульманского духовенства. Исходя из этого, царизм пошёл на узаконение существовавших русско-казахских и русско-туземных школ.

Последняя четверть XIX века и начало XX века явились периодом значительного роста количества различных типов начальных

школ: русско-казахских, волостных и аульных; одноклассных участковых и старшинских; русско-туземных.

Как новый тип массовой школы, аульные школы более широко развивались в тех местностях, где имелась благоприятная обстановка для культурного сближения между русским и казахским народами.

В результате деятельности русских учёных и помощи со стороны русских научно-педагогических центров в конце XIX века заметное развитие получила разработка педагогических вопросов и учебно-методической литературы для русско-казахских и русско-туземных школ. Благодаря усилиям передовых русских учителей и русских учёных происходит заметное улучшение их работы, совершенствуется система преподавания и методы обучения, появляются новые учебники, лучше приспособленные к обучению казахских детей.

В развитии педагогической мысли в Казахстане важное значение имел первый казахский журнал «Айкап», издававшийся в городе Троицке в 1911-15 гг. На его страницах много внимания уделялось вопросам культуры, просвещения, содержанию и методам обучения в различных типах школ, раскрепощения женщин-казашек, языка, литературы и истории казахского народа. Вокруг этого журнала объединялись передовые педагогические силы Казахстана. При освещении проблем обучения и воспитания журнал «Айкап» настойчиво пропагандировал лучшие достижения русской прогрессивной педагогической мысли. Вопросы содержания и методов обучения он рассматривал в их видимой связи. Сотрудники и авторы «Айкапа», в особенности учителя аульных школ, решительно выступали против мулл и других представителей мусульманского духовенства, пытавшихся подчинить школу и учащихся своему влиянию.

Подготовка педагогических кадров для Казахстана осуществлялась учительскими семинариями, Оренбургской, Казахской учительской школой и педагогическими классами. Первая учительская семинария в Казахстане была открыта в 1903 г. Учительские семинарии приравнивались к средним учебным заведениям, хотя объём образовательной подготовки учащихся в них был меньше, чем в гимназиях.

Педагогические классы начинают появляться в конце XIX века. В 1897 г. такой класс был открыт при Кустанайском двухклассном русско-казахском училище. Он предназначался для подготовки учителей аульных школ. В педагогические классы могли поступать выпускники городских училищ, но наблюдались отступления от этих

правил. В педагогические классы здесь принимали выпускников двух-классных русских и русско-казахских училищ. В учебный план двух-годичных педагогических классов входили следующие предметы: закон божий (для православных), русская история (в связи с изучением всеобщей истории), география, педагогика, методика русского языка и чистописания, методика арифметики. В учебный план как обязательный предмет входил казахский язык. Несмотря на отдельные недостатки, педагогические классы сыграли важную роль в развитии народного образования в Казахстане, так как именно из них вышли учителя для начальных школ.

С 1921 по 1927 год в республике было обучено грамоте около 200 тысяч человек. И тем не менее к концу 1928 года грамотность населения в Казахстане достигала лишь 25%.

В дореволюционном Казахстане не было ни одного среднего профессионально-технического учебного заведения. Ремесленные и торговые школы, существовавшие в то время, не занимались образованием рабочей молодёжи, в них обучались в основном дети мелких предпринимателей, торговцев, купцов. В послеоктябрьский период профессионально-технические училища стали первыми учебными заведениями, в которых готовились рабочие кадры. В первые же после-революционные годы республика приступила к организации среднего профессионального образования. Уже в 1924-25 учебном году на её территории действовало 6 сельскохозяйственных техникумов, 2 лесных, 1 медицинский и 1 промышленно-экономический. 1 марта 1927 года в Алма-Ате было открыто первое казахское высшее учебное заведение — педагогический институт.

Важной вехой в истории народного образования в Казахстане явилось введение с 1930-31 учебного года всеобщего обязательного начального обучения. В августе 1931 года было принято постановление о введении всеобщего обязательного семилетнего обучения.

Созданный в 1934 году Казахский государственный университет, в котором уже в 1940 году действовало 15 кафедр по различным областям наук, стал центром научно-исследовательской работы, а всего в двадцати высших учебных заведениях в 1940 году обучалось 10419 студентов. Развитие сети высших и средних педагогических учебных заведений дало возможность подготовить квалифицированные кадры учителей как для казахских, так и для русских школ всех типов.

После завершения Великой Отечественной войны в Казахстане продолжалось осуществление всеобщего семилетнего обучения. Укреплялись связи обучения с жизнью, с практикой. С 1954-55 учебного года были введены новые учебные планы, обеспечивающие трудовое воспитание и политехническое обучение школьников.

Общее среднее образование на основе соединения обучения с общественно полезным трудом обеспечивалось средними общеобразовательными трудовыми политехническими школами с производственным обучением.

В 1962-63 учебном году перевод школ с семилетнего на восьмилетнее обучение был полностью завершён.

Развитие сети школ в Казахстане (1914 – 1967 гг.)

Типы школ	1914-15	1927-28	1940-41	1950-51	1960-61	1966-67
Общее число школ	2006	3927	7962	9451	9695	10588
Начальные	1953	3744	5289	5971	4752	4290
Восьмилетние (семилетние)	41	122	1770	2447	3218	3223
Средние	12	47	698	659	1206	1962

Обучение двум языкам, сложность политики приоритетности государственного, русского языка несколько снизили роль народной педагогики в воспитании детей. Но традиции семьи сохраняли аулы (сёла), их хранители — старшее поколение.

Традиции казахского воспитания

В.Г. Белинский, глубоко интересуясь самобытностью педагогической культуры народов, ставил вопрос: «В чём состоит самобытность каждого народа?» - и отвечал: «В основном, одному ему принадлежащем образе мыслей и взглядов на предметы, в религии, языке и более всего в обычаях. Эти обычай состоят в образе одежды, прототип которой находится в климате страны, в формах домашней и общественной жизни, причина коих скрывается в верованиях, поверьях».

ях, понятиях народа... Все эти обычаи укрепляются... и переходят из рода в род, от поколения к поколению как наследие потомкам от предков. Они составляют физиономию народа, и без них народ есть образ без лица, мечта небывалая и несбыточная» [1, 83-84].

Таковыми самобытными чертами обладает и народная педагогика — обычаи и традиции воспитания народов Средней Азии и Казахстана.

Главное в народной педагогике — это процесс воспитания и обучения молодого поколения, и наиболее важным вопросом, привлекающим внимание исследователей, является трудовое воспитание. Трудовые традиции народов Востока, как и других народов, самые распространённые, устойчивые и многообразные. Уже к 5 годам дети приобретали первоначальные трудовые навыки: убирать игрушки, кормить домашних птиц и животных, поливать цветы. В 10-15 лет дети непосредственно включались в производительный труд совместно со взрослыми. Мальчики ухаживали за скотом, работали на полях. Девочки учились катать войлок, выделывать кожи, стричь овец. Взрослые — хлопкоробы, хлеборобы, чабаны и табунщики — передавали свой опыт детям. Так постепенно создавались потомственные династии тружеников определённой профессии.

В каждой казахской семье ребёнка с детства приучали к труду, прививали ему соответствующие знания и навыки. «В 5 лет он должен был уметь взобраться и сесть в седло лошади, в 7-8 лет участвовать в скачках, в 14-15 лет считался уже наездником. Дети привлекались к скотоводческому, к бытовому труду, к домашним промыслам... В семьях, где были знакомы со столярным, кузнечно-слесарным и другими промыслами, дети привлекались к ремеслу» [11, 28].

Казахский народ всегда стремился привить молодому поколению любовь к Родине, правдивость, честность, скромность, коллективизм, чувство дружбы, товарищества. Народный кодекс воспитания казахов на первый план выдвигает служение народу, своей стране: «В моральный облик «героя своей страны» народ включает такие черты, как доброта и отзывчивость, почтение к родителям и старшим. Народный герой-защитник сирот и вдов, заступник бедноты и угнетённых, он отважен и храбр, беспредельно любит Родину» [4, 51]. Не случайно казахи говорят: «Не будь сыном отца, а будь сыном народа». Казахи придают огромное значение формированию у ребёнка чувства справедливости. Справедливым считается только тот, кто может даже волосок разделить по справедливости на две части. Справедливость це-

нится казахами как высокое моральное качество, а справедливый человек - как настоящий герой: «Правдивое слово приводит к истине, лживое слово — только к его хозяину». Чувство гражданственности, стремление добровольно служить родной стране ярко выражены в казахской народной педагогике.

Уважение к старшим — ещё одна извечная черта, воспеваемая народной педагогикой. Исторически «культ старшего» в семье, несколько гипертрофированное понимание почтения к старшим сложились в условиях патриархального уклада жизни казахской семьи.

Уважение к родителям, к пожилым людям, к соседям, ко всем окружающим по традиции с раннего детства культивировалось в казахской семье: «Уважение к старшему выражается в желании оказать услугу, проявить внимание, быть чем-то полезным. Например, отец приходит с работы, и 4-5 летний сын берёт у него из рук вещи, приносит воду, чтобы полить отцу на руки, подаёт полотенце. Для отца, для любого из старших ребёнок удобно подстелит одеяло, подложит под спину подушку. Большое внимание проявляют дети по отношению к соседям, пожилым людям» [11, 30].

Важным элементом культуры поведения народ считал вежливость и отзывчивость детей в общении с окружающими. Можно быть холодно вежливым, официально вежливым. На Востоке учили детей быть приветливо вежливыми, почтительно вежливыми.

Провожая детей в далёкий путь, на учёбу или в гости, родители напутствовали их: «Не урони честь своей семьи, «веди себя скромно и прилично». Взрослые проявляли доброжелательность и такт по отношению к ребёнку. По традиции, если ребёнок случайно заберётся в чужой дом, хозяин дома непременно должен был преподнести ему скромный подарок.

Воспитание в детях чувства гостеприимства каждая семья считала своей первейшей обязанностью. О бескорыстном гостеприимстве народов Туркестанского края в один голос говорили путешественники, учёные, деятели русской культуры. Идеи бескорыстного гостеприимства нашли своё выражение в многочисленных поговорках и пословицах: «Если тебе нечем угостить гостя, хоть говори с ним ласково».

Народ, считая гостеприимство одним из признаков гуманности, а в самом приходе гостя видя доброе предзнаменование, выработал определённый ритуал гостеприимства. Во-первых, даётся совет не злоупот-

реблять гостеприимством. Во-вторых, каждый стремится показать гостю свою семью с хорошей стороны. Казахи верно подметили: «Гость хоть мало сидит, да много видит». Поэтому гостеприимный хозяин стремится, чтобы вся обстановка в доме оставила у гостя приятное впечатление. Народ учитывает также психологическое состояние гостя, который по тем или иным причинам может смущаться, робеть, тем более если он впервые в этом доме. Проявление гостеприимства как выражение сердечности казахи оценивали афоризмами: «Слово хорошего человека лучше, чем угощение плохого», «если тебя угостили, не забудь поблагодарить», «за одно угощение сорок самемов».

В казахской народной педагогике много внимания уделяется эстетике быта и воспитанию у детей любви к прекрасному. Исследуя эстетические традиции казахского народа, учёные отмечают: «Почти в каждом казахском доме и сейчас можно увидеть яркие войлочные ковры на полу и расшитые тускнизы на стенах. Они придают жилищу казахов национальный колорит» [4, 53]. Домашние промыслы и художественное ремесло казахов зародилось в глубокой древности. Предметы быта кочевников-скотоводов (седла, кожаная сбруя, изделия из дерева, кости и металла) богато украшались орнаментом. Обычно изображались луна, звёзды, солнце, геометрические фигуры, цветы, бараний рог. Искусные мастера — ювелиры (зергеры) делали кольца, браслеты, серьги, пуговицы, украшая их вставными полудрагоценными камнями или плетением из тонкой серебряной проволоки. Женские головные уборы, платья, сумки, ковры, чепраки для седла отличались красивой вышивкой.

Исследователи культуры народов Туркестанского края всегда отмечали их поэтичность и музыкальность. Не было дома без таких музыкальных инструментов, как домбра, камуз, дойра (бубен). Дети постоянно слушали песни, инструментальные пьесы (кюи), трудовые, обрядовые и лирические песни, сами учились петь, танцевать, играть на народных инструментах. В своих танцах и играх они изображали трудовые и бытовые традиции семьи: подражали чабанам, дояркам, охотникам. Девочки имитировали домохозяйек: принимали гостей, шили одежду куклам.

Система эстетического воспитания подрастающего поколения включала в себя и умение создавать предметы декоративного и прикладного искусства: чеканка по металлу, резьба по дереву, плетение

циновок. Эти умения и навыки эстетической культуры не потеряли своей актуальности и в наши дни.

Природосообразность воспитания с древнейших времён была ядром казахской педагогики. Народ учил молодое поколение жить в природе, любить её, хорошо ориентироваться в окружающей среде, знать приметы погоды, повадки животных и птиц. Вот как характеризует эти особенности казахского быта народный учитель К.Ж.Ахметов: «Дети, вырастая на просторе и приволье степей, хотя и не имели книжных сведений об окружающем их мире, но никогда не чувствовали себя гостями в природе и даже в самые тёмные ночи находили нужные им направления по звёздам и по другим ориентирам. С малых лет они обладали острым слухом, зорким глазом, наблюдательностью, знали о том, какая будет погода, какие животные, травы им встречаются в степи, мастерски ловили птиц и метко стреляли... Они были прекрасными знатоками повадок и привычек домашних животных и в шести-семилетнем возрасте бывали смелыми наездниками» [6,15].

Особыми были отношения с детьми и к детству. Рождение ребёнка рассматривалось как особо радостное и счастливое событие и, по традиции, облакалось в определённый ритуал. По этому случаю собираются гости. Человек, первым сообщивший отцу о рождении ребёнка, получает подарок. Такой обычай сохранился во многих сёлах и в настоящее время. На этой основе возникли народные напутствия и присловья: «Пусть будет у вас детей больше и больше», «желаем вам увидеть свадьбу ваших детей».

Традиционно отмечались и такие события в жизни малышки, как укладывание в колыбель, первые шаги ребёнка. В сопровождении песни ребёнка укладывали в колыбель, давали имя, и, когда он делал первые шаги, родственники, приглашённые профессионалы — акыны — импровизаторы давали наставления малышу расти здоровым, счастливым, достойным своей семьи. Народ учитывал легкоранимость малыша, неустойчивость его нервной системы. Было принято, как правило, не кричать на ребёнка, не грозить ему пальцем, пока он не научится говорить.

Усыновление детей — ещё одна добрая традиция казахов. Приятно усыновлять детей даже здравствующих родителей. Как правило, это малыши многодетных родственников и друзей. Не случайно в народе говорится: «Приёмный ребёнок особенно тёплым кажется». Издав-

на существует обычай: если мать прижмёт приёмного ребёнка к груди, он становится родным, как вскормленный собственной грудью.

В понимании народов поговорки и пословицы выступают как источник разума, как пример для подражания, добрый советчик и верный наставник, как поучительное наследие прежних поколений и как пример образного мышления и красноречия. Поэтому опытные педагоги «подбирали наиболее ценные по содержанию пословицы и поговорки и вольно или невольно превращали их в правила благопристойного поведения молодёжи в обществе» (Г.Н. Волков).

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года / Педагогическое наследие. — М.: Педагогика. 1988.
2. Бержанов К. Русско-казахское содружество в развитии просвещения. — Алма-Ата, 1966.
3. Бультрикова Б.Б. Школа Казахстана в девятой пятилетке. — Алма-Ата, 1972.
4. Бультрикова Б.Б. Общеобразовательная школа Казахстана на новом этапе. — Алма-Ата, 1974.
5. Васильцова З.П. Мудрые заповеди народной педагогики. — М., 1967.
6. Задорожный Г.К. Школы Казахстана. — Алма-Ата, 1975.
7. Измайлов А.Э. Народная педагогика: педагогические воззрения народов Средней Азии и Казахстана. — М., 1991.
8. Кунангаева К.К. К вершинам знаний. — Алма-Ата, 1978.
9. Развитие народного образования и педагогической науки в Казахстане за 40 лет. — Алма-Ата, 1962.
10. Развитие высшего и среднего специального образования в Казахстане в годы Советской власти. — Алма-Ата, 1964.
11. Развитие женского образования в Казахстане. — Алма-Ата, 1969.
12. Сарсекбаева Т. У. Национальные традиции в семейном воспитании // Советская педагогика. — 1984. — № 9. — С. 28-30.
13. Сембаева А. И. Очерки по истории школ Казахстана (1901 — 1917 гг). — Алма-Ата, 1972.
14. Храпченков Г. М. Научно-педагогические вопросы народного образования в Казахстане. — Алма-Ата, 1976.

*Славу героям мы воздаем,
Сотни лет о батыре Манасе поем!
С тех пор как жил батыр Манас,
Много минуло веков.
Именно с той стародавней поры
Любит джамбу наш киргизский народ!
Праздник она для наших стрелков.
Такой обычай есть у нас:
Когда игра в джамбу идет,
Когда ружье стрелок берет,
Имя «Манас» произносит он,
Манасовой помощи просит он.
Действительно был такой Манас:
Он был грозой для врагов,
Щитом стране киргизской был,
Сияньем своим одарял бедняков Манас.*

Эпическая трилогия «Манас»

Киргизский народ, один из древнейших тюркских этносов, длительное время существовал в своеобразных исторических условиях: вёл кочевой образ жизни, отстаивал свободу в борьбе с сильными соседними государствами. На протяжении веков он не имел своей, распространённой в народе письменности. И народ вложил в создание устного, прежде всего эпического, художественного творчества то,

что многие другие народы отобразили в различных видах культуры: свою историю, своё видение мира, систему своих воззрений, своё этническое самосознание. Педагогика у киргизов долго не выделялась в самостоятельную область знания, однако она пронизывала всю культуру народа, составляя один из важнейших аспектов киргизского поэтического образа мира.

«Наука — источник знания (учения), знание — светоч жизни», — это глубокое убеждение народа нашло воплощение во всех жанрах киргизского фольклора: пословицах, поговорках, стихотворных афоризмах, загадках, мифопоэтических сказаниях и легендах, многообразной народной лирике, сказках, героических поэмах.

Из истории Киргизии

Киргизский народ сложился из племён и народов, населявших в далёком прошлом Тянь-Шань и верховье Енисея. Предки современных киргизов в VII-III веках до нашей эры входили в сакский племенной союз. С VI века население территории современной Киргизии входило в Тюркский каганат. В начале VIII века на смену тюркским каганам приходят тюрешши, затем в VIII-X веках — Карлуки, а в X-XII веках территория Киргизии входит в состав государства Караханидов. В начале XIII века киргизские племена оказываются в составе Монгольского государства Могомитана. Созданное впоследствии казахско-киргизское ханство во второй половине XVII века потерпело поражение от ойротского хана, и в Тянь-Шане установилось государство ойротских феодалов. Неоднократные опустошительные набеги иноземных феодалов, жестокие репрессии вынудили многих киргизов в конце XVII века переселиться в Кашгар, Алай, на Памир и другие территории. В 60-годах XVIII века Ойротско-Джунгарское государство было уничтожено войсками Китая. Киргизы снова вернулись на свои земли, но в этот период они попали в зависимость от китайской военно-феодальной династии.

В экономическом отношении Киргизия представляла собой отсталую страну. Основным занятием населения являлось кочевое и полукочевое скотоводство, а также земледелие, характеризовавшееся отсталыми приёмами обработки почвы. В социально-экономическом отношении в Киргизии господствовал феодализм со всеми присущими ему особенностями.

Но специфической чертой феодализма в Киргизии являлось его сочетание и переплетение с пережитками патриархально-родовых отношений доклассового общества — внешне замаскированный контраст между условиями жизни феодалов и трудовых масс. Родовые члены рода и племени — бедные и средние скотоводы, именуемые общим названием «букара», земледельцы и кустари — находились в зависимом положении от феодалов. Крупные феодалы имели неограниченную власть над своими сородичами — подданными. Они могли распоряжаться личным имуществом бедняков, отбирать у них в порядке «тартуу» (подарка) всё то хорошее, что им нравилось. Манапы могли распоряжаться личной жизнью бедняков и их семьёй как своей собственностью.

Однако классовая борьба эксплуатируемых масс в условиях феодально-патриархального общественного строя Киргизии долгое время носила локальный и скрытый характер.

Экономическая слабость и раздробленность племён и родов, внутренние раздоры между киргизской знатью способствовали тому, что в 20-30-е годы XIX века Киргизия была завоевана Кокандским ханством, являвшимся одним из наиболее отсталых феодальных государств Средней Азии. Тяжёлым гнётом ложилась на трудящихся киргизов уплата кокандскому ханству различных налогов, количество и размеры которых возрастали из года в год. Этот период был самым тяжёлым в истории киргизского народа: «Господство кокандского ханства не принесло киргизскому народу ничего прогрессивного ни в экономическом, ни в культурном, ни в политическом отношениях». Наоборот, оно задержало развитие Киргизии и отбросило её на несколько десятилетий назад.

Киргизский народ неоднократно поднимал восстания против бесчинства и насилия киргизских палачей. Стихийный протест порою выливался в вооружённую борьбу с колонизаторами. Народ искал защиты, неоднократно обращаясь за помощью к более прогрессивному Русскому государству, посылая туда своих представителей и гонцов. Поддержка России укрепляла дружественные чувства народа Киргизии к русскому народу.

В 60-х годах XIX века Киргизия добровольно вошла в состав России. Это вхождение имело исключительно прогрессивное значение в истории развития киргизского народа. Важнейшим его непосред-

редственным результатом явилось, прежде всего, то, что киргизский народ избавился от жестокого ига кокандского ханства. А в 1917 году в Киргизии установилась советская власть.

Национальная педагогическая культура

«Воспитание и обучение существуют в народе столько же веков, сколько существует сам народ, - с ним родилось, с ним выросло, отразило в себе всю историю, все его лучшие качества» [19, 195]. Ещё в глубокой древности у народа были определённые взгляды на воспитание и обучение подрастающего поколения, цели воспитания и обучения, обусловленные жизненными задачами содержания обучения и образования, а также средствами воздействия на юное поколение для формирования его в направлении, желательном народу. Народная педагогика — «это совокупность эмпирических знаний и сведений по вопросам воспитания, которыми пользовались трудящиеся массы, лишённые возможности обучать своих детей в школе» [3, 12]. В педагогической энциклопедии читаем следующее определение: «Народная педагогика — область эмпирических педагогических знаний и опыта народных масс, выражающаяся в господствующих в народе воззрениях на цели и задачи воспитания, в совокупности народных средств, умений и навыков воспитания и обучения. Источниками изучения народной педагогики являются произведения фольклора с педагогическим содержанием и направленностью, этнографические материалы, народно-воспитательные традиции, игры и игрушки, народные и молодёжные праздники, опыт семейного воспитания и другие» [17, 35]. Термин «народная педагогика» употребляется в значении педагогических сведений, распространявшихся устно. Он понимается, с одной стороны, как устное педагогическое творчество народа, с другой - как практическая деятельность по воспитанию подрастающего поколения. Народное педагогическое творчество представляет собой творческое наследие десятков, может быть, и сотен поколений неизвестных народных философов, психологов, педагогов, искусных мастеров воспитания. В устном народном поэтическом творчестве воплощена мудрость народа. Это «особая область поэтического искусства, которое создаётся коллективно трудовым народом, отражает многовековой исторический опыт и мировоззрение народа на

разных этапах его исторического развития, воплощает лучшие национальные качества народного характера, имеет свои специфические эстетические нормы и выполняет воспитательную функцию, развивая народное самосознание» [19, 201].

Народное творчество отражает обобщённый опыт народа в области воспитания, раскрывает основы народной теории и практики воспитания. Ещё в глубокой древности у киргизских племён появились зачатки педагогической мысли, представлявшей совокупность житейских правил. Эти педагогические идеи развивали народные мыслители, певцы-импровизаторы, воины-богатыри, которые передавали свой опыт, умение и навыки в области воспитания младшим поколениям.

Национальная педагогическая культура многое определяла в повседневной жизни киргизов: в бытовых традициях, обычаях, обрядах. Каждый жанр богатого киргизского фольклора (пословицы и поговорки, загадки, санаты, насыаты, детские, колыбельные, игровые песни, сказки, эпические поэмы, айтыши) несёт определённую воспитательную и познавательную функцию, каждый жанр интересен по истории возникновения и композиции. «Высшее искусство - красноречие», - так народ издревле оценивал искусство слова. Большая часть произведений, составляющих педагогическое наследие киргизского народа, - это создания словесно-образные, художественные. Язык был главным носителем мудрости народной, воззрений на обучение и воспитание детей и молодёжи: «Язык — хранилище (сокровищница) мысли», «у мысли нет дна, у слова нет предела». Через свои художественные творения народ воспитывал в молодом поколении любовь к родине, к её природе, человечность, смелость и отвагу, почитание старших, правдивость и честность, уважение к труду и к людям труда, тягу к науке и знаниям, языку и искусству.

На протяжении истории киргизы накопили свой опыт воспитания подрастающего поколения. Это опыт, уходящий в далёкое прошлое, составлял основы норм поведения, охранял труд и жизнь людей от разрушения сложившегося порядка, передавался от поколения к поколению. Киргизов характеризует большая любовь и привязанность к детям. Иметь много детей всегда была заветной мечтой каждой киргизской семьи. Забота о ребёнке начиналась ещё до его рождения. В устных народных произведениях встречается ряд наставлений о том, как должна вести себя будущая мать: не нервничать, быть спокойной, избегать различных житейских неприятностей.

Родители, черпая советы из фольклора, беря примеры из практики самой жизни, обращали особое внимание на физическое воспитание и закаливание младенца. Принимая новорождённого, «акушерки»-эмчи сразу купали его в чуть тёплой воде, при этом приговаривая: «Терпи холод; терпи стужу — стерпишь стужу». Игры киргизских детей целиком отражают их вкусы и наклонности, они ведут в мирок детских мыслей и желаний. У киргизов существовало возрастное деление: до 7 лет — младенческий возраст (бала), от 7 до 15 лет — юношеский возраст (боз бала), от 15 до 25 лет — молодой человек (джигит). В связи с возрастными особенностями детей старшего возраста игры у них принимали более сложный творческий характер. По эпосам, воспитание будущего воина начиналось рано. Ребёнок только делает первые шаги, как его уже ведут к мудрому старцу, который должен дать указания его родителям. Мальшей учили ловкости, вёрткости, выносливости, семи «рыцарским добродетелям». Умению воевать ребят систематически обучали с семилетнего возраста. Когда юноша достигал совершеннолетия, его подвергали как бы экзамену на смелость («джамбы»). Из народных игр наибольшей популярностью пользовались: «ку-реш» (борьба двух молодых мужчин); «улак тартыш» (скачки с козлом); «джамбы атмай» (на скаку стрелой, пущенной из лука, требуется перебить ремешок, на котором к шести подвешивался слиток серебра-джамбы); «ат-чабыш» (скачки на лошадях на дистанцию до 50 км); «кыз куумай» (всадник-юноша должен догнать девушку, которая начала скачку первой).

В условиях кочевого образа жизни домашний семейный очаг, являвшийся обычно и своего рода народной школой для детей, постоянно находился в движении. В данных условиях особенно значительной оказывалась роль основных носителей традиционного народного творчества — сказителей (комоччу), исполнителей эпоса (манас), певцов-импровизаторов (акынов), странствующих музыкантов (комузчи). Массовое творчество народа как бы переплеталось с импровизацией акынов, которые зачастую были и великолепными исполнителями общенародных произведений. И то и другое составляло основу киргизской народной педагогики. Произведения традиционного устного народного творчества с раннего детства служили средством преднамеренного воспитательного воздействия на сознание, чувство, поведение детей. В ряду различных жанров устного народного творчества большой популярностью пользовались пословицы и

поговорок. В них были сконцентрированы педагогические взгляды народа на воспитание нравственных качеств молодёжи, в частности, трудолюбия, мужества, уважительного отношения к старшим. Вовремя сказанное мудрое слово глубоко западало в душу детей, запоминалось на долгие годы и оказывало на них сильное воспитательное воздействие, потому что «в простоте слова — самая великая мудрость, пословицы и песни всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги» [4, 114].

Народ исключительно высоко ценил роль воспитания в жизни человека: «Человек без воспитания — тело без души». Воспитание ребёнка начинается в семье, и от того, куда и как оно будет направлено, зависит будущее детей. Вот поэтому народная педагогика на первое место среди воспитателей ставит отца и мать, оценивает их прежде всего по тому, как они растят детей: «Не тот отец и мать, кто родил, а тот, кто воспитал, вскормил да в люди вывел». Народная мудрость верно подмечает, что главное условие успеха семейного воспитания — дружба и согласие в семье: «Где в семье лад, там и детей хорошо растят». Пословицы осуждают баловство детей, потакание их капризам, излишнее нянченье: «Засиженное яйцо — всегда болтун, занянный сынок — всегда шалун». Только разумная требовательность может воспитать настоящего человека. Ребёнок тем охотнее выполняет требование родителя, чем больше его любят и уважают.

Строгость в воспитании не означает суровость, запугивание детей. Главное — влиять на душу ребёнка, на его нравственные чувства: «Дитя словом стыди, умом расти». Народная педагогика подчёркивает огромную силу воздействия словом, призывает к бережному обращению с ним: «Плохое слово не забывается». Вековой опыт воспитания убедительно доказывает силу родительского воспитания. Но условия, в которых протекает воспитание, часто противоречивы и могут свести на нет влияние родительского примера. К тому же сами дети разные и требуют разного подхода.

В области нравственного воспитания народная педагогика особое внимание обращает на приучение детей к правдивости и честности. Пословицы и поговорки советуют молодёжи помнить: «Кто ошибку заметив, исправил её, тот не ошибся»; «И верные слова лгуна кажутся ложными».

Ещё одним из основных в народной педагогике был вопрос о трудовом воспитании, передаче подрастающему поколению производ-

ственных знаний, умений и навыков. В этих целях применялись практическое приучение, упражнения в элементарных трудовых операциях, подражание, пример, режим, одобрение и осуждение. Одной из тенденций народной педагогики было воспитание у детей коллективизма, дружбы и товарищества. Мысли о великой силе единства нашли отражение в пословицах: «Два человека возьмутся — гору с места сдвинут»; «Лучше уж вместе с друзьями сбиться с пути, чем в одиночку верной дорогой идти».

Одной из характерных черт традиционной народной педагогики киргизов является влияние исламской религии на воспитание детей. Ещё ортодоксальные мусульманские авторы XVI-XVII веков характеризовали киргизов как «полуязычников», подразумевая под «язычеством» не столько приверженность к шаманизму, сколько отсутствие религиозного фанатизма, весьма поверхностное знакомство с мусульманскими ритуалами и догматикой. Это объясняется, в частности, тем, что в прошлом киргизы вели кочевой образ жизни. Интенсивному распространению религии в горном крае препятствовала отдалённость киргизов от религиозных центров. Догмы ислама здесь были малоизвестны. Поэтому мусульманские религиозные обязанности исполнялись, главным образом, представителями господствующей верхушки. Что касается народных масс, то религиозные обряды соблюдались далеко не всеми. Своё отношение к мусульманской религии трудовой народ выражал в пословицах: «Законов множество на белом свете от бога, но тех, кто следует законам этим, немного»; «Если надеешься ты только на бога, то от надежды твоей толку немного».

В воспитании детей большую роль играли киргизские сказки, в которых отражены мечты народа о лучшей жизни, о социальной справедливости, победе над угнетателями. По ним народ узнаёт своё прошлое, и поэтому они пользовались большой популярностью, особенно среди молодёжи. В сказках народ высмеивает жестокость и жадность баев, манапов, создаёт идеальный образ народного героя. «Специфика киргизских сказок, прежде всего, в их назидательном характере» [8, 36]. «Проси совета у мудрого человека» - эта идея лежит в основе сказки «Благо, полученное от мудрых советов». Неопытному, начинающему жить юноше отец советует: «Породнись с хорошими людьми, подружись с ними, наберись ума-разума». Юноша уходит в люди. Первый встречный мудрый человек ему советует: «Если тебе придётся выбирать между двумя женщинами и тебя спросят, которая красивее, отвечай:

«Не та красавица, которая красива, а та, которую любишь». Другой спутник в назидание ему говорит: «У кого отведаль хлеба-соли, не будь ему соперником». Юноша с благодарностью принимает и другие советы умудрённых житейским опытом стариков. Следуя в жизни назиданиям старших, умным и невредимым возвращается юноша домой к отцу, испытав блага, полученные от мудрых советов.

Киргизский народ по своей природе оптимистичен: он верит в могущество человеческого разума. В представлении народа человек сильнее всех существ на земле. Даже самое сильное животное, царь зверей - лев, самое страшное чудовище - дракон — бессильны перед человеческим разумом.

В киргизских сказках часто в качестве главных персонажей действуют лошади, верблюды, овцы, ловчие птицы и другие, что связано с условием быта киргиза-животновода. В образах домашних животных, которые, как правило, очеловечены, народ в аллегорической форме высмеивает и осуждает людские пороки и недостатки.

Среди произведений киргизского фольклора, несущих в себе педагогическое содержание, исключительно важное место занимают эпические памятники героического и лирико-романтического характера. К их числу прежде всего относятся героический эпос «Манас» и так называемые малые эпосы, в которых нашли отражение важнейшие этапы развития киргизского общества с древнейших времён до XVIII века. Эпос «Манас» содействовал воспитанию у молодёжи мужества, патриотизма, честности, трудолюбия и других нравственных качеств. В образе Манаса киргизские племена, в течение многих веков страдавшие от отсутствия единства, хотели видеть того идеального вождя, который мог бы стать во главе всех киргизов, сплотить их в силу, способную противостоять всем внешним врагам. В условиях отсутствия у киргизов письменности «Манас», содержащий древние легенды, предания и сказания, был своеобразным учебником истории народа. В эпосе «Манас» отражены многовековая жизнь киргизского народа, его обычаи, нравы, педагогические, медицинские, географические и другие знания.

Классик киргизской литературы, великий акын-демократ и музыкант, выдающийся импровизатор Токтогул прожил героическую жизнь. Ему не суждено было получить даже элементарного школьного образования. Он не был педагогом-профессионалом, он не создал специальных педагогических произведений, но, странствуя по

обширной территории Киргизии, пел свои песни, исполнял музыкальные произведения, которые заменяли молодёжи школу, куда её не допускали, книгу, которой она была лишена.

Произведения Токтогула — общепризнанное в киргизском быту средство воспитания детей в духе трудолюбия, честности и правдивости. Почти все его песни так глубоко близки по духу и форме народному творчеству, что порою их трудно отличить от фольклорных поговорок и пословиц. Песни, поэмы, афоризмы и крылатые слова акына являются, таким образом, подлинными наставниками родителей по вопросам воспитания детей в семье.

Токтогул видел истинный смысл воспитания молодого поколения в подготовке его к труду во имя интереса народа. Труд, по мнению Токтогула, — это «источник всех радостей, всего лучшего в мире». Только человек труда может быть подлинным героем. Сознывая общественную ценность труда, Токтогул учит ценить человека по его роду, по тому, как он помогает своему народу: «Труд людской всегда уважает, а бездельников избегает» [9, 87].

В основу трудового воспитания Токтогул положил интересы народа, а не отдельной личности. Трудовое воспитание он считал необходимым условием нормального умственного и нравственного развития будущих граждан общества, средством подготовки физически здоровых, закалённых борцов. Трудовое воспитание, по мнению Токтогула, необходимо проводить не только через наставление, но и путём непосредственного участия детей и молодёжи в труде. Воздействие положительного примера взрослых на детей он считал сильным воспитательным средством, но воспитатель сам должен быть трудолюбивым и не гнушаться никакой работы:

Работай! — Не кричи.
Сам делай дело толком,
А потом мальчика учи.

В трудовом воспитании не должно быть принуждения. Принуждённая работа, подчёркивает Токтогул, даёт меньше плода, и наоборот, «всё, что мы делаем без принуждения, делаем с прилежанием, хорошо». Труд для Токтогула был мерилем в определении ценности человека для общества. Он считал по-настоящему свободным лишь того, кто любит труд и людей труда, того, кто сам умеет с воодушевлением трудиться на благо общества. Система трудового воспитания

носила примитивный характер: уметь водить соху, обращаться с ручным инструментом, ухаживать за скотом — делать то, что составляло главное в общественно-полезной деятельности того времени. Такая программа трудового воспитания была обусловлена уровнем производительных сил в Киргизии.

Под нравственностью Токтогул понимал любовь к Родине и своему народу, ненависть к врагам, предателям Родины, дружбу и товарищество, любовь к труду, а также честность, правдивость, чуткость в обращении, порядочность в быту и другие положительные качества человека. При решении вопросов нравственного воспитания Токтогул исходил из принципов гуманности, человеколюбия и чувства уважения к достоинствам человека. Он не представлял жизни без справедливости и человечности, так как мир, по его мнению, создан для добрых дел, и требовал от молодёжи быть добрыми, чуткими, внимательными к людям, оказывать помощь попавшим в беду. Говоря о нравственном воспитании детей, Токтогул особое внимание обращает на организацию их досуга. Он наставительно обращается к родителям, чтобы они удерживали своих детей от дурных привычек, озорных игр. В своей поэме «Балалык» («Детство») пишет: «Не приучай дитя к шумным играм: озорной привыкает вольничать, тогда от него не жди добра». Уважение, почитание родителей Токтогул считал лучшими нравственными качествами человека. Он учил: «Человек должен иметь цель в жизни. Без цели нет деятельности, а без деятельности нет жизни. Каждый обязан воспитывать себя, если хочет быть действительным, а не призрачным человеком». Силу человека Токтогул видел в его разуме. Он хотел, чтобы «народ жил в дружбе и уважении человеческого достоинства».

Резкой критике подвергал старую школу и её «учителей» Тоголоко Молдо. Он обрушивается и на всю систему обучения и воспитания, характерную для феодально-родового строя за то, что она носила схоластический характер и не давала детям реальных знаний о мире. Основная цель обучения состояла в том, чтобы научить детей механическому чтению мусульманской религиозной литературы. Приёмы «преподавания» были глубоко схоластичными. Оно начиналось с того, что муллы, без всякого объяснения, без обращения к отдельно звучащим словам и словосочетаниям, заставляли детей заучивать подряд все буквы арабского алфавита. Ученикам приходилось затрачивать немало времени, чтобы вы зубрить названия и запомнить изображения арабских букв, которые давали различные начертания в начале, в

середине и в конце слова, а также в сочетании с другими буквами. После запоминания азбуки ученик мог приступить к чтению сначала из «Хафтъяна», а потом и из самого Корана. В этих условиях дети тратили 4 года, а иногда и целых 7-8 лет только на то, чтобы научиться читать. Воздействие учителей на учащихся сводилось к заучиванию, к проповеди покорности богу и его земным представителям. Обучение и воспитание в старой школе не развивало интересов детей, а подавляло их самостоятельное мышление, оказывало вредное влияние на их развитие. Тоголоко Молдо осуждал широкое применение в школах палочных методов воспитания и традицию преподносить многочисленные «дары», которые, по его словам, мусульманские вероучителя вымогали у своих учеников и их родителей. За обучение в мектебах надо было платить не только деньгами, но и продуктами питания, живым скотом, а также тяжёлым трудом, обработкой на земельных участках муллы.

По мнению Тоголоко Молдо, новая школа должна быть свободна от религиозных учений. Она должна давать детям глубокие знания, способствовать интересу детей к учению и развивать у них навыки самостоятельного мышления. В школе должны быть ликвидированы старые бесчеловечные приёмы воспитания, палочная дисциплина, физическое наказание детей. Также он хотел, чтобы в школах осуществлялось совместное обучение мальчиков и девочек. Им подчёркивалась важность умственного воспитания детей, под которым он понимал приобретение знаний, умений и навыков о природе и обществе, об основах сельского хозяйства, обучение какому-либо ремеслу, а также развитие навыков мышления. Акын не только говорил о необходимости умственного воспитания, но и сам составил ряд дидактических рассказов и поэтических произведений, включающих основы элементарных знаний о природе, о хозяйственной деятельности человека. Большие усилия он приложил к тому, чтобы практически внедрить их в народную среду, распространить среди детей.

В рассказах и стихах, баснях и поэмах на основе многолетних наблюдений и богатого народного опыта, он поэтически излагает элементарные знания о домашних животных, об уходе за ними, о жизни и условиях обитания диких зверей и птиц, их пользе или вредности для человека, о растительном и животном мире родного края, об его реках и озёрах. Они написаны простым народным языком и дают элементарные сведения по многим областям знаний.

Воспевая работу земледельца-крестьянина, ремесленника-кузнеца и смельчака охотника как общественно полезный и производительный труд, Тоголоко Молдо выдвигает идею о том, что детей и молодёжь следует приобщать именно к такому труду, который приносит бы пользу всем членам общества, поэтому трудовое воспитание необходимо проводить с детства.

Во многих произведениях Тоголока Молдо содержатся мысли о нравственном воспитании молодёжи. Он считал, что беспредельная любовь к Родине и честное служение своему народу, благородный труд для общества, дружба и товарищество, правдивость и честность, скромность и простота являются лучшими качествами, характеризующими моральный облик человека. Следует особо отметить, что Тоголоко Молдо не только высказывал идеи о значении правдивости и честности, но и пытался показать формы и приёмы воспитания этих качеств у молодёжи.

По мысли поэта, правильное умственное воспитание, систематическое обучение наукам, приобщение к добросовестному труду для общества, беседы с ребёнком должны предотвратить лживость и хвастливость и способствовать воспитанию честности и правдивости, скромности и простоты.

Важное место в творчестве Тоголока Молдо занимают мысли об эстетическом воспитании молодёжи. Свободный труд на пользу общества он считал источником всего прекрасного, источником самого высокого эстетического наслаждения. Он с воодушевлением воспевал горы и ущелья, реки и озёра, плодородные долины и высокогорные пастбища родного края, считая природу важным источником эстетического воспитания.

Неоценимую роль в нравственном воспитании подрастающего поколения Киргизии играли насыты (назидания) Калыка Акыева, в которых содержатся первоначальные истоки педагогической мысли киргизского народа, отражены вековые традиции, дана своеобразная трактовка социальных и воспитательных проблем.

Калык, киргизский акын, сказитель народного эпоса, народный артист Киргизской ССР, с двенадцати лет помогал отцу, батрачил у богатеев-баев. Примерно в это же время начал разучивать песни акынов и сам стал пробовать сочинять стихи. Следуя народнопоэтическим традициям своего народа, акын в айтышах, назиданиях, гимнах,

поэмах утверждает идеи народной педагогики. Акын, один из самых прогрессивных просветителей киргизского народа, создал много поэтических произведений, посвящённых проблемам воспитания. С его слов было записано немало народнопоэтических произведений, заключавших в себе идеи народного воспитания. В созданных по мотивам народных эпосов поэмах «Курманбек», «Джаныш-Байыш» Калык Акыев воспеваает такие нравственные качества человека, как героизм, храбрость, преданность своему народу, бережно передаёт подлинно народные идеи воспитания.

Киргизская школа

К моменту добровольного присоединения к России в Средней Азии существовала сложившаяся издавна система мусульманских школ, наиболее распространёнными типами которых были мектебы и медресе, находившиеся под контролем духовенства, сохраняющие средневековой характер.

Система религиозного воспитания в этих школах имела своей целью внедрение в сознание народа идеи покорности богу, судьбе и непротivления власти. Образовательное значение даже лучших мектебов и медресе было ничтожно, так они совершенно игнорировали развитие науки. На территории Киргизии существовали также конфессиональные, религиозные школы. Появление их относится к первой половине XIX века, когда Киргизия оказалась под властью Кокандского ханства, идеологическим оплотом которого была мусульманская религия. В целях духовного порабощения киргизов Кокандское ханство усиленно насаждало ислам, прежде всего через конфессиональные школы-мектебы.

Условия обучения в мектебах были чрезвычайно тяжёлыми, а здание школы заменяла юрта. В осёдлых поселениях мектебы размещались в зданиях, не имевших самых минимальных удобств. «Мебелью» служили лежащие на полу камышовые или войлочные подстилки. В одном из училищ Семиреченской области говорилось о Пржевальском мектебе: «Отделений и классов нет. Дети занимаются на полу. Учитель определённого жалованья не получает. Ученики каждую неделю приносят учителю 2-3 копейки» [16, 199]. По мере присоединения к Российской империи частей средней Азии здесь стали появ-

ляться русские поселения, а в них и русские школы. Попытки обучения детей коренного населения в русских школах общероссийского типа были малоэффективны. Население под влиянием мусульманского духовенства опасалось посылать сыновей в интернаты при этих школах. В связи с этим в конце 1884 года краевые власти открыли первую русско-туземную школу, где обучали русскому языку детей, не говоривших по-русски. В этой школе, кроме русского учителя, был и мусульманский законоучитель.

Русско-туземные школы состояли из двух классов — русского и «туземного». Попутно с изучением русского языка не возбранялось сообщать ученикам элементарные сведения по истории и географии «предпочтительно Российского государства». Отдельные русско-туземные школы практически знакомили детей с элементами сельского хозяйства в элементарной форме. Все занятия в русском классе велись исключительно на русском языке. В «туземном» классе не было никаких других занятий, кроме обучения грамоте и основам мусульманского вероучения под руководством муллы. Царская администрация края опасалась, «как бы не сообщать туземцам слишком много сведений на их языке и не содействовать этим упрочению местной литературы и местных культурных особенностей в ущерб обрусению». Подчёркивая русификаторские цели, первый генерал-губернатор Туркестанского края Кауфман писал: «Совместное обучение детей разных национальностей одного и того же государства представляет такие существенные мотивы в деле ассимилирования завоёванного края, что отказаться от них было бы вредной ошибкой» [15, 356]. Окончившие школу, как правило, назначались на должности в низовую сельскую администрацию. По своему характеру кое в чём русско-туземные школы напоминали русские приходские школы: и здесь, и там имел место трёхлетний срок обучения. Развитие русско-туземных школ тормозилось слабой материальной базой для их организации, а также недоверчивым, порой и враждебным отношением к ним местного населения. Количество учащихся в русско-туземных школах было крайне незначительным; редко оно доходило до 25-30 человек, причём многие из них лишь числились в списках и плохо посещали школу. Велик был и отсев учеников. В связи с этим Управление учебными заведениями Туркестанского края в 90-х годах отказалось от расширения сети русско-туземных школ в кишлаках и решило открывать их только в городах, но и здесь они долгое время пустовали.

Положение изменилось лишь к концу XIX века, когда местное население стало остро ощущать потребность в знании русского языка.

Рост количества учащихся из местных национальностей в русских школах задерживала колонизаторская политика царизма, которая отпугивала местное население от русских школ. Отсталость мусульманских школ к концу XIX столетия осознавалось уже всеми, что вызвало движение за пересмотр средневекового содержания и методов обучения в них. Это движение нашло своё выражение в открытии мусульманских школ нового типа, получивших название новометодных мектебов. Они были детищем джадидистов (представителей движения «Усул-и-джадид») и служили в первую очередь интересам зарождающейся буржуазии. Новометодные школы были почти недоступны детям киргизских кочевников-бедняков. Здесь обучались в основном дети привилегированных слоёв населения — баев, манапов, духовенства и торговой буржуазии. Трудовое население оставалось неграмотным.

В новометодных мектебах, в отличие от традиционных, наряду с обучением основам мусульманского вероучения, было введено чтение и письмо на родном языке учащихся, преподавание арифметики и элементарных сведений из географии, естествознания и истории. Обучение грамоте проводилось по звуковому методу в противоположность буквослагательному, царившему в старых мектебах.

В конце XIX века на территории Киргизии организуются также светские школы для населения. Первая русская начальная школа открылась в 1874 году в городе Караколе (город Пржевальск). Затем такие школы появляются в Оше, Бишкеке (город Фрунзе), Токмаке и в других населённых пунктах. В 80-годы XIX века возникают русско-туземные школы, в которых обучались местные мальчики. Школы повышенного типа были организованы только в конце прошлого столетия в городах Караколе, Бишкеке. Это были первые прогимназии с четырёх- или шестиклассным обучением. Что касается средней школы, то её вплоть до начала XX века в Киргизии вообще не было. Единственная на всей территории мужская гимназия была открыта в городе Бишкеке лишь в 1910 году; в 1914 году здесь обучалось всего около 100 человек. В том же году на 864 тысячи населения, проживавшего на территории Киргизии, было всего лишь 107 общеобразовательных школ с русским языком обучения, в которых обучалось 7641 человек, в том числе киргизских детей — 574 человека.

Правительство Туркестанской республики 14 мая 1918 года торжественно провозгласило: «Единственным условием для поступления в любой класс любой школы Туркестанской Советской республики отныне является только желание учиться» [8, 20]. К середине 1918 года Советская власть была установлена на всей территории Киргизии. В августе 1918 года, руководствуясь декретом «Об учреждении государственной комиссии по просвещению», ЦИК Туркестанской республики, в состав которого входила Киргизия, утвердил «Положение об организации дела народного образования в Туркестанском крае». Советы всех уездов Киргизии при активном участии трудового населения создавали школы, двери которых теперь были открыты для всех желающих учиться. К 1923 году в Киргизии функционировало уже 327 школ с общим контингентом учащихся свыше 20 тысяч человек. Вводится совместное обучение мальчиков и девочек. Отменяется калым, хотя на юге Киргизии всё же приходится открывать специальные школы для девочек киргизок и узбечек. В конце 1918 года в Киргизии функционировало уже 8 специальных школ для девочек местных национальностей.

Встал вопрос об отделении церкви от государства и школы от церкви. Однако в Туркестанском крае и, в частности, в Киргизии в результате сильного влияния мусульманского духовенства органы народного образования недостаточно решительно боролись против религиозного обучения. 23 августа 1922 года местным работникам было дано указание о том, что «в некоторых учреждениях Главсоцво-са можно допустить преподавание вероучения по желанию населения». Ставилась задача осуществления обучения на родном языке.

Дальнейшее развитие народного просвещения и методической работы в школах Киргизстана было сопряжено со значительными трудностями. Они заключались прежде всего в отсутствии национальной письменности у киргизов. В 1924 году была создана собственная письменность киргизского народа на основе арабского алфавита; в том году, 7 ноября, увидел свет первый номер еженедельной киргизской газеты на родном языке «Эркин Тоо». Первое время, являясь единственным в автономной области печатным изданием, эта газета заменяла букварь, книгу для чтения и пособия для внеклассной работы. В начале 1926 года в городе Фрунзе организуется издательство, которое в первую очередь приступает к печатанию учебников. За весьма короткое время (1925-26) издательство выпускает на киргизском языке ряд учебни-

ков и учебных пособий. Среди них «Букварь», «Книга для чтения», «Арифметика», «Начальная география» и другие. В 1928 году было издано уже 100 названий книг тиражом 500 тысяч экземпляров.

В интересах ускоренного развития народного образования и издательской работы в республике киргизская письменность переводится с арабского алфавита на латинизированный, который способствовал быстрейшему распространению грамотности среди местного населения. Были созданы необходимые предпосылки для полной ликвидации неграмотности среди взрослого населения в ближайшие годы, а также для введения всеобщего обучения детей и подростков.

Решив указанную задачу за короткое время, необходимо было переходить к осуществлению обязательного семилетнего, а затем и среднего образования и обеспечить подготовку специалистов средней и высшей квалификации. Важнейшими задачами осуществления всеобщего семилетнего образования было повышение качества обучения, усиление политехнической направленности преподавания учебных предметов, особенно математики, физики, биологии, химии и других предметов. Для того чтобы решить эти задачи, школам республики были необходимы учебники и учебные пособия, прежде всего для старших классов. В создании новых учебников по родному языку и литературе и в методическом руководстве работой школ большую роль сыграл Научно-исследовательский институт киргизского языка и письменности, организованный в 1936 году. Этот институт подготовил и выпустил учебник грамматики киргизского языка (морфология и синтаксис), составил киргизско-русский словарь по таким общеобразовательным предметам, как арифметика, алгебра, геометрия, география, физика.

В решении задачи распространения научно-педагогических знаний среди киргизских учителей большую роль сыграли основанный в 1928 году научно-методический журнал Наркомпроса Киргизской АССР «Жаны маданият жолунда» и Академический центр — первое в Киргизии научное учреждение, основанное ещё в конце 1924 года. Академический центр занимался, прежде всего, разработкой киргизского литературного языка, общественно-политических и научно-технических терминов, составлением учебников, учебных пособий, программ и методических указаний в помощь учителям киргизских школ. Журнал «Жаны маданият жолунда» на протяжении длительного времени являлся единственным в республике специальным, регулярно выходящим

шим педагогическим, а поначалу и культурно-просветительским изданием. Он публиковал материалы о работе школ, освещал общие вопросы педагогики и частных методик, опыт политехнического образования и трудового воспитания учащихся в школах Киргизии, помещал на своих страницах указания по руководству к использованию учебников, учебно-методических пособий. Журнал фактически стал организующим центром педагогической мысли Киргизстана. Что касается учебных программ, то первые из них по своему содержанию были весьма примитивны, а в некоторых из них допускались грубые методические и фактические ошибки. Некоторые программы не учитывали возрастных особенностей детей. Недостатком учебных планов была перегрузка учащихся начальных классов, многопредметность в школах второй ступени (предлагалось одновременное изучение трёх иностранных языков, психологии, геологии и минералогии). Продолжительность учебного года в осёдлых районах Киргизии составляла 130 дней, а в кочевых — только 95 дней. В некоторых школах, по свидетельству инспекторов, детишки в наказание ставились в угол, оставались без обеда. Нередко учителя придерживались метода зубрёжки. В этот период новая школа росла больше вширь, чем вглубь. Многие вопросы теории и практики обучения и воспитания ещё не были разработаны. В поисках новых методов работы и в пылу борьбы против отрицательных черт старой школы работники Наркомпроса Туркестанской республики иногда перегибали палку, давали неправильные установки: указание об отмене балльной системы оценки знаний учащихся, об отстранении представителей родительской общественности от работы педагогического совета школ, о переходе на полевые условия работы в ущерб классно-урочным занятиям.

Однако ценные экспериментальные исследования были проведены, в частности, по содержанию, методам и средствам обучения детей-шестилеток родному и русскому языкам. По этим вопросам были опубликованы учебные и методические пособия, которые широко использовали в киргизских школах и детских садах, ведущих обучение с шестилетнего возраста.

Начиная с 1933 года, в школах Киргизии широко практиковалось социальное соревнование между классами и отдельными учащимися за лучшую успеваемость и примерное поведение. В некоторых школах вводилась «чёрная и красная доска», на которую заносились целые классы и отдельные учащиеся по результатам их успеваемости и дисциплины.

После 1938 года в школах Киргизии значительно улучшается преподавание русского языка в киргизских и других нерусских школах. Были изданы русско-киргизский словарь, руководство по методике преподавания русского языка в киргизской школе, орфографические таблицы, была создана широкая сеть курсов по подготовке учителей русского языка для киргизских школ. По учебному плану изучение русского языка было введено со второго полугодия первого года обучения. В каждом классе для этой цели отводилось 4-5 часов в неделю.

В Киргизии ранее, нежели в других республиках, начали действовать подготовительные классы. Основоположителем методики обучения русской речи нерусских детей в них был В.П. Петров. В соавторстве с Н.И. Моренко в 1956-66 годах им были разработаны основы учебно-методических документов для подготовительных классов с многонациональным составом учащихся в Киргизии, которые составили в совокупности то, что в настоящее время в педагогике именуется учебно-методическим комплексом:

- 1) Перечень материального оснащения подготовительного класса (97 названий);
- 2) «Положение о подготовительных классах»;
- 3) Учебный план и «Программа для подготовительных классов» (проект);
- 4) Методические указания к проекту «Программы для подготовительных классов».

Одним из первых методистов в стране он составил лексический минимум русского языка для 1-8-х классов киргизской школы. В монографиях «Приёмы начального обучения русской орфографии в киргизской школе» и «Первоначальное обучение произношению и письму» он пытался разработать лингвистические, психологические основы обучения русскому языку, произношению и грамоте как явлениям тесно взаимосвязанным.

В условиях интернационального единства и дружбы с русским народом назрела необходимость перевода киргизской письменности с латинского алфавита, сыгравшего в своё время положительную роль в повышении грамотности населения, на новый алфавит, в основу которого была положена русская графика. Новый алфавит был введён с 1940-41 учебного года.

В этот период в организационном и методическом отношении работа школы Киргизии значительно улучшается. Однако внимание целиком переключается на подготовку учащихся к успешному обучению в вузах и техникумах. Школа ограничивается преимущественно словесными методами обучения, что обусловило серьёзные недостатки и в воспитательной работе. В годы Великой отечественной войны, несмотря на суровые испытания, выпавшие на долю народа, учебные заведения работали бесперебойно. Недостаток в учебных зданиях, оборудовании, учебниках восполнялся за счёт небывалого патриотического подъёма, энтузиазма преподавателей, учащихся и студентов. В связи с уходом большого количества квалифицированных специалистов на фронт отрасли народного хозяйства стали испытывать серьёзные трудности в кадрах. Следовательно, в республике была организована широкая сеть производственного обучения: кружки технического минимума, краткосрочные курсы и школы. Паиза Сайназаровна Дадабаева, педагог и психолог, автор ряда трудов по вопросам воспитания школьников, считала, что умения и навыки учащихся следует прививать, прежде всего, в порядке изготовления действительно полезных для школы и мастерской предметов. Вначале, особенно в младших классах, изделия следует выбирать с тем расчётом, чтобы учащиеся могли самостоятельно выполнить их от начала до конца. Надо, чтобы, работая над этими изделиями, учащиеся получали технологические сведения о дереве, металле и вырабатывали систему навыков в обращении с инструментами. В послевоенные годы в школах Киргизии сложилась стройная система трудового воспитания детей как обязательная и составная часть единого учебно-воспитательного процесса, в котором важное место занимал общественно полезный труд. П.С. Дадабаева указывала, что учащиеся всегда должны видеть положительные результаты своего труда; труд учащихся должен быть посильным, соответствовать физическим и возрастным возможностям школьников.

Основная задача послевоенных лет в области народного образования состояла в том, чтобы в кратчайший срок охватить школами всех детей школьного возраста, расширить сеть начальных, семилетних и средних школ, увеличить подготовку высококвалифицированных педагогических кадров через педагогические техникумы и институты, обеспечить каждого ученика учебниками, а школы — учебными наглядными пособиями и оборудованием.

Авторитет учителя в киргизской школе был исключительно высок. Киргизские школьники в качестве обращения к учителю пользовались словом «агай» (дословно — старший брат), а к учительнице — «эмеке» (старшая сестра).

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология педагогической мысли Киргизской ССР. — М., 1988.
2. Балбатыев М. Осуществление всеобщего обязательного восьмилетнего обучения в Советской Киргизии. — Фрунзе, 1966.
3. Волков Г. Н. Чувашская народная педагогика. — М., 1961.
4. Горький М. Материалы и исследования. Т.1. — Л., 1934.
5. Измайлов А. Э. История Советской школы в Киргизии 1917-57 г. — М., 1959.
6. Измайлов А. Э. Народная педагогика: педагогические воззрения народов Средней Азии. — М., 1991.
7. Измайлов А. Э. Очерки по истории Советской школы в Киргизии за 40 лет - Фрунзе, 1957.
8. Имаева Н. И. Идеи воспитания в творческом наследии Токтогула. — Фрунзе, 1971.
9. История Киргизии. Т.1. — Фрунзе, 1963.
10. Каниметов А. Народное образование Советской Киргизии за полвека. — Фрунзе, 1972.
11. Койчуманов Д. И. Идеи воспитания в творчестве Тоголока Молдо. — Фрунзе, 1972.
12. Очерки истории педагогической науки в СССР (1917-1980). — М., 1986.
13. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1961-1986). — М., 1987.
14. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина 19 века. — М., 1976.
15. Очерки по истории Киргизской ССР. — Фрунзе, 1952.
16. Педагогическая энциклопедия. Т.3. — М., 1966.
17. Рахимова М. В. Очерки по истории дошкольного воспитания в Киргизии. — Фрунзе, 1967.
18. Русское народное поэтическое творчество. Т.1. — М., -Л., 1953.
19. Ушинский К. Д. О народности в общественном воспитании. Пед. соч. Т 1. — М.: педагогика, 1988.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА

*Пять важных правил в жизни соблюдай,
И на земле увидишь светлый рай:
В делах мирских не возмущай покой,
Зря не рискуй своею головой,
Здоровье береги, как редкий клад,
Живи в достатке, но не будь богат,
И пусть приходит разделить досуг
К тебе надежный и сердечный друг...*

А. Джами

Таджикский народ имеет самобытную и богатую историю. Предки таджиков — согдийцы, бактрийцы — еще в первые века нашей эры имели свою государственность, высокоразвитое сельское хозяйство и ремесленное производство, поддерживали тесные торгово-экономические и культурные связи со многими странами. Вполне понятно, что для таджикского народа проблемы воспитания молодежи всегда были актуальны и имели огромное значение, что получило свое отражение в устном народном творчестве, представляющем в обобщенном виде многовековой опыт народа по подготовке молодого поколения к суровой трудовой жизни.

В устном народном поэтическом творчестве воплощена вся мудрость народа; это своего рода народная теория воспитания.

*Коль знаньем овладеть ты смог, дари его другим;
Костру, что сам в душе зажег, не дай растаять в дым!
Людей подводит нрав дурной, а добрым поведеньем
Того достигнешь, что иной не купит и за деньги.
Добро безмерно, как вода бездонного колодца;
Будь добрым к людям, и всегда добро к тебе вернется.
Любого встречного в пути в знакомство не бери,
С любым знакомым не сиди до утренней зари...
Свободно ты живешь иль раб, прими совет один:*

Без знаний ты как муха слаб, со знаньем властелин.

Не будь невежей, не сиди на шее у отца,

Трудом и знаньем превзойди любого молодца!

Коль честен будешь ты, то, вопреки наветам,

Спасешься от лихой беды в греховном мире этом.

Когда о подданных своих правитель не радуется,

Он по миру пускает их, а трон его слабеет.

Абдурахман Джами

Традиции таджикского воспитания

Для таджиков характерна большая патриархальная семья: в родовой общине в одном доме жили представители нескольких поколений общего отца с их женами, детьми, внуками и правнуками, которые вместе вели хозяйство, владели доходом. Только глава семьи, старейшина, распоряжался семейной собственностью (личной собственности у членов семьи не было). Замкнутость и косность быта поддерживалась авторитарным строем семьи, часто подавлялась воля ее младших членов. Существовало два вида сложной семьи: отцовская и братская. Преобладание первого типа объясняется авторитетом отца как представителя старшего поколения, который старался не допускать возникновения конфликтов в семье, в то время как они были частыми в братских семьях, что и приводило к их распаду.

Современная таджикская семья состоит из 6-10 человек, а иногда и более. Еще в древности многодетность являлась условием существования рода, от численности которого зависел престиж и безопасность.

Существовал сговор народившихся или малолетних детей. По традиции поддерживалось знакомство между девушкой и юношей через третье лицо (друг, подруга). Инициатива знакомства принадлежала юноше. В период ухаживания шла переписка. Письма передавались через посредников или посылались по почте.

Длительное время сохранялась традиция брака по сватовству или «похищением». Сватовство, как этап свадебного церемониала, соблюдалось со всеми обрядами: вышивание невестой покрывала на постель (чойшаб), покрывала на подушки и простыней, употребляемых при ритуальных омовениях (поккун), мешочков для чая (чай халта) и зеркала (айна-халта).

Сватами были находчивые люди, которые, приходя к отцу девушки, говорили: «Мы хотели бы отдать вам в дети своего джигита». Через 3-4 месяца после предварительного согласия родителей молодых устраивалась церемония токуз (дев тка), которая включала подготовку девяти необходимых молодоженам предметов. После угощения гости давали назидание: «Пусть молодожены в паре состарятся». Проводились смотрины лица невестки (рубинон), при этом говорили: «Запачкаем руки невестки тестом, пусть ее руки всегда будут в масле, чтобы она жила в достатке». Жених при встрече с невестой приносил подарки: жевательную серу (сакич), мыло (самун), духи (атр), зеркальце (айна), иглу (сузан) и кольцо (чала). Молодым подавали напиток — шербет и желали, чтобы жизнь была такая же сладкая, как этот напиток. В вопросах женитьбы не проявляли поспешности; невесту подбирали по душе, проверяли свои чувства временем: «Девушку выбирают глазом старика, а лошадь — глазом молодого». Важным считалось знакомство с родителями: «Хочешь жениться на девушке — сначала познакомься с ее матерью». Мать оказывала большое влияние на взгляды, вкусы и манеры дочери. Уделяли внимание репутации девушки: «При хорошем соседе и хромая девушка замуж выйдет». У таджиков до сих пор заключаются эндогамные, родственные браки. При вступлении в брак по-прежнему выплачивается калым. Большинство материальных затрат требует проведение свадебного тоя (праздника) и традиционного свадебного дарообмена между двумя семьями. Как правило, это обременяет семьи долговыми обязательствами. Проведение свадебных торжеств по традиции считается обязательным. После свадьбы принято было жить в доме отца мужа. И если последний сын в семье не женат, то новая семья отделяется и живет самостоятельно.

По традиции дети беспрекословно подчинялись воле родителей, заботились о них, почитали. Главой семьи являлся мужчина. В народе существовало мнение: «Муж-работник — жена-каменщик, муж кирпич носит, жена строит»; «Муж в семье — подмастерье, жена — мастер». Высоко ценилось такое качество, как домовитость, осуждалась сварливость и лень: «Лучше ходить холостым, чем на сварливой жениться»; «Коль жена неряха, сам нитку в иголку вдевай». Мужчина выступал руководителем и воспитателем членов семьи, распорядителем семейного бюджета. Труд делился на «мужской» и «женский».

Супругам запрещалось называть друг друга по имени, муж всегда шел один впереди, а позади него — жена с ребенком. Жена ухаживает за супругом, подает и убирает еду. По традиции чаепитие проходит в мужской компании, за беседой.

Характерной традиционной чертой таджикского народа является культ матери. Материнство рассматривается как высшая социальная ценность. В народе говорят: «Если сын на ладони изжарит яичницу для матери, то и тогда он останется перед ней в долгу»; «Ласка матери и до камня доходит»; «Из уст матери и проклятье благословенно». Мать является организатором всего семейного быта.

В понимании народа счастливая семья — это добровольный союз молодых людей, объединенных по любви. Сохраняется одна из главных нравственных ценностей: любовь старших членов семьи к детям, ориентация на многодетность: «Богат не тот, у кого много денег, а тот, у кого много детей». В многодетных семьях старшие дети ухаживают за младшими. Младшие выполняют указания и поручения старших братьев и сестер, сохраняют уважение и привязанность на всю жизнь. Старшие дети следят за опрятностью малышей, их поведением, осуждаются драки и сквернословие. Старшие являются примером. Дружба между братьями и сестрами — традиционная черта взаимоотношений в таджикской семье.

Во многих афоризмах, песнях и сказках выражено чувство любви к детям: «Без ребенка в семье нет счастья»; «Украшение дома — ребенок, украшение стола — гость»; «От рождения ребенка и от дождя еще никто не разорился». Ребенок таджиками оценивается как бесценное сокровище, так как он «дорог как сердце».

В комнате, где рожала женщина, во все четыре угла прикрепляли по кусочку ваты, так как белый цвет считается цветом счастья. Под подушку роженицы клали обереги. Сразу после рождения ребенка купали в теплой воде, куда клали кусочек соли или глины, золотые или серебряные кольца, по преданию это способствовало тому, чтобы ребенок рос здоровым. Верили в передачу качеств личности посредством телесного соприкосновения, через вещи: новорожденного заворачивали в халат бабушки, это, якобы, способствовало долголетию ребенка.

Рождение ребенка воспринималось в семье как самое радостное и важное событие и традиционно облакалось в ритуал. Несколько

человек верхом на конях разносили по селению весть о рождении ребенка всем родным и получали за радостную весть подарки. Друзья и родные произносили напутствия: «Да не иссякнет ваш род»; «Пусть из поколения в поколение потомство ваше множится».

Семейный праздник «гаворабандон» устраивали на 7-10 день после рождения ребенка, когда его впервые укладывали в колыбель. Пожилые люди прятали под подушку малыша кусок хлеба и книгу одного из таджикско-персидских поэтов. Эта традиция имеет глубокий смысл: аромат хлеба позволит ребенку осознать ценность этого продукта и потом научиться его добывать. В сопровождении песни ребенка укладывали в колыбель, давали имя.

Когда у ребенка прорезался первый зуб, тоже устраивали праздник, где главным угощением являлся суп из головы барана, так как считается, что баран оберегает от несчастных случаев. Праздник первой стрижки волос проводили в период от 1-3 лет. Когда малыш делал первые шаги, давали ему наставления расти здоровым, счастливым и достойным своей семьи.

Особым праздником являлось заплетение кос девочкам 9-10 лет. С этого момента одежда девочки менялась: надевались чапан (вид платья) и украшения. Девочка старалась вести себя скромно, уже не играла с маленькими детьми. Воспитанием девочек занимались оба родителя: внушались понятия благопристойности и чести, скромности. В характере девушек привлекательными считались застенчивость, порядочность, честность, внимательность.

Трудовое воспитание в семье начиналось с привития навыков будничного труда. Вне труда нет ни физического, ни нравственного, ни умственного воспитания. Таджики говорят: «Без труда не достигнешь и цели»; «Не учишь нежностям, учишь трудностям»; «Лишнее ремесло голову не кружит». Лентяи высмеивались: «У бездельника три больших дела — есть, спать да умело ругаться»; «Один прилежный стоит трех лентяев».

Дети в играх пытались подражать взрослым, копировали некоторые трудовые операции. В качестве игрушек использовались предметы домашнего обихода. Часто игрушки изготавливали сами дети в процессе игры, позднее вместе со взрослыми делали игрушечные орудия труда, постепенно от игрушечных орудий труда осуществлялся переход к настоящим. В народе всегда поощрялись игры, в которых игро-

вые элементы сочетались с трудовыми. С 6-7 лет детей уже начинали привлекать к домашнему труду. Приучение к труду строилось на постепенном усложнении занятий. Труд был связан с животноводством, хлопководством, земледелием, садоводством. Матери обучали девочек рукоделию, шитью, вышивке, изготовлению праздничной одежды, украшений. Отцы обучали мальчиков видам сельскохозяйственных работ, умению держаться в седле и ухаживать за скотом.

Учили культуре общения: «Кому скажешь «добрый день», тот не забудет сказать «доброй ночи»». Осуждались безнравственные поступки, пьянство, зависть, болтливость: «Плохой оратор многословен», «Зависть никогда не успокаивается». Высмеивались те, кто не выполнял обещаний: «Кто обещал и сделал — человек, не обещал, но сделал — орел, обещал и не сделал — осел».

*Лучше впасть в нищету, голодать или красть,
Чем в число блюдолизов презренных попасть.
Лучше кости глотать, чем прельститься сладостями
За столом у мерзавцев, имеющих власть.
Общаясь с дураком, не оберешься срама.
Поэтому совет ты выслушай Хайяма:
Яд, мудрецом тебе предложенный, прими.
Из рук же дурака не принимай бальзама.*

Омар Хайям

Умственное воспитание было предметом первой заботы: «Ум — одежда, которая никогда не изнашивается, знание — родник, который никогда не исчерпаешь».

Наиболее популярными были конно-спортивные игры: скачки, джигитовка, единоборство всадников, стрельба из лука.

Таджики убеждены, что «способности от рождения — только половина, другая половина — воспитание», что «сын достойного отца может быть ничтожеством, сын ничтожного — достойным».

Народом была выработана целая система методов воспитания: осуждались физические меры воздействия, грубость: «Если крикнуть в кувшин, то и кувшин на тебя крикнет». Таджики большое внимание уделяли личному примеру родителей: «У отца учится ездить и мастерить, у матери — халаты кроить».

Источники воспитания таджикского народа

В устном народном творчестве таджикского народа, как и в фольклоре других народов, преобладающее место занимают вопросы морали: осуждается мораль эксплуататорских классов и пропагандируется воспитание в молодом поколении самых лучших моральных качеств, характерных для достойного человека. Основными и необходимыми качествами, которыми должен обладать такой человек, считалось трудолюбие и умение жить своим собственным трудом, патриотизм и мужество в борьбе за независимость своего народа и страны, честность и правдивость.

Во многих сказках качествами бесстрашных героев наделяются не только мужчины, но и женщины. Устное народное творчество дает сведения о том, как воспитывались в детях трудолюбие и ненависть к тунеядцам. В представлении народа нет жизни без труда. Всеми благами жизни имеет право пользоваться только тот, кто трудится. Одновременно с воспитанием у детей трудовых навыков происходило их физическое и нравственное развитие.

Особое внимание уделялось физической закалке, при помощи различных подвижных игр развивались ловкость и проворство. Одной из наиболее популярных игр была борьба, в которой принимали участие не только дети, но и взрослые.

Для умственного развития детей в народе широко использовались разные игры на сообразительность и особенно загадки. Народная мудрость заставляла детей думать, учила выделять существенные признаки отдельных предметов и явлений, развивала у них наблюдательность.

В своей основе педагогические идеи народа являются не только передовыми, но и, во многих случаях, истоком передовых тенденций педагогической мысли таджикского народа.

*Не завидуй тому, кто силен и богат,
За рассветом всегда наступает закат.
С этой жизнью короткою, равною вздоху,
Обращайся как с данной тебе напрокат.*

Омар Хайям

С развитием производительных сил общества, накоплением жизненного и производственного опыта людей и обогащением их духов-

ного мира расширялось содержание воспитания и сложнее становилось его осуществление, возникает потребность в системе воспитания — школе, а вместе с ней появляется и общественный воспитатель — учитель.

Еще до прихода арабов согдийцы (предки таджиков) имели свои школы, где учились мальчики с пятилетнего возраста. Школы в основном открывались в городах, а обучение в них велось на согдийском языке. В это время у таджиков уже существовали как переводные, так и оригинальные произведения педагогического характера, которые, к сожалению, вместе с другими культурными ценностями почти полностью были уничтожены завоевателями.

Педагогическая мысль таджикского народа формируется, с одной стороны, на основе устного народного творчества, а с другой — на основе передовых и оригинальных педагогических памятников. Основоположником педагогической мысли таджикского народа следует считать родоначальника таджикской классической литературы Абулхасана Рудаки.

Освобождение таджикского народа от ига арабских завоевателей и создание таджикского централизованного государства способствовали развитию экономики и культуры страны, что, в свою очередь, в огромной степени повлияло на развитие педагогической мысли. Передовые люди той эпохи, желая разрешить проблему воспитания, выступали со своими, порой оригинальными взглядами, соответствующими их классовым интересам. Например, автор «Книги просветления» и «Книги о счастье» Носир Хисрав исходил из интересов крестьянства и ремесленников; Кей-Кавус, автор «Кабус-намэ», и Низамальмульк, автор «Книги политики», соблюдали интересы аристократов, а имам Газали в своей книге «Эликсир счастья» защищал интересы ортодоксального мусульманского духовенства.

Таким образом, в XI веке появился ряд произведений педагогического характера на таджикском языке, авторы которых отражали две основных тенденции в развитии педагогической мысли — народной и религиозно-аристократической.

По некоторым вопросам воспитания в этот период наблюдается общность мнений, обоснованных, однако, разными целями и задачами. Например, это сказалось на решении вопроса о значении и необходимости овладения знаниями, о значении воспитания и формирования личности человека, о воспитании честности, мужества, гуманного от-

ношения к людям, о разумном действии в жизни и в быту, об отношении к дружбе.

XIII век выдвинул крупного представителя педагогической мысли таджикского и персидского народов — Муслихиддина Саади, педагогические воззрения которого формировались под влиянием педагогических взглядов его предшественников. Но основным источником его мудрости была жизнь со всей ее глубиной и сложностью. Эта особенность сделала Саади близким народу, а его высказывания о воспитании стали народными и вошли в арсенал народной мудрости. Саади резко отличается как от представителей ортодоксально-религиозной, так и от аристократической тенденции именно этой стороной своих педагогических взглядов, а также мыслями о сочетании любви к своему народу с любовью ко всем людям, признанием равенства всех людей на земле, несмотря на их вероисповедание, национальность, расу; призывом к молодому поколению приносить своим трудом пользу обществу, признанием воспитательного значения дружбы, требованием воспитания такой человеческой морали, которая превращается в убеждение и проявляется в действиях человека. Саади стал образцом для подражания многим представителям последующих поколений педагогов.

После опустошительного нашествия и походов Чингисхана и Тимура вопрос нравственного воспитания стал одним из важнейших социальных вопросов времени. В произведениях поэтов и писателей этого периода содержатся советы и наставления о том, как быть честным, правдивым, скромным, чутким и как сохранить свое человеческое достоинство.

XV век характеризуется значительным развитием литературы и науки, а вместе с ними и педагогической мысли таджикского народа. В этот период появились такие произведения: «Джалолова этика» Джалалиддина Давони, «Мухсинова этика» и «Сияние Конопуса» Хусейна Воиза Кошифа. Книги эти посвящены вопросам воспитания молодых принцев в духе гуманизма и справедливости, чтобы они могли разумно управлять государством. Авторы этих книг были твердо убеждены, что справедливость может быть осуществлена только благодаря деятельности справедливого царя. Они жаждали увидеть свой народ свободным. Абдурахман Джами — самый крупный представитель педагогической мысли таджикского народа этой эпохи — обогатил науку своими идеями об овладении знаниями, о связи знания с практикой, о книге как источнике знания.

С XV века по ряду исторических причин начинается отставание Средней Азии от других стран в политическом, экономическом и культурном развитии. Однако во второй половине XV века происходят заметные сдвиги в развитии образования и культуры. Увеличивается количество школ повышенного типа — медресе. В это время Комолиддин Бинон в своей книге «Берхуз и Бахром» высказывает интересные мысли о правильном использовании времени при овладении знаниями, о любознательности, о любви к книге, уважении к учителю.

Период XVII — XVIII в.в. для Бухарского ханства характерен усилением феодальной раздробленности. Междоусобные войны ханов-правителей отдельных областей привели к разрушению хозяйства страны, обнищанию крестьянства и ремесленников, что стало причиной народных восстаний. Эти события оказали влияние на многих мыслителей-педагогов таджикского народа, передовая часть которых прямо выступала с критикой господствующих классов. Видным представителем педагогической мысли этого периода был Сайидо Насафи, автор книги «Весенняя пора».

В XIX веке, особенно в первой его половине, разложение феодализма усиливается, обостряются внутренние противоречия, и положение народа становится еще более тяжелым.

Присоединение Средней Азии к России объективно явилось исторически прогрессивным явлением: создались условия для приобщения среднеазиатских народов к русской культуре. По инициативе передовых представителей педагогической общественности России велась оживленная культурно-просветительская работа, которая сыграла важную роль в пробуждении у народов Средней Азии интереса к русской науке и культуре, способствовала возникновению просветительского движения в Средней Азии.

Основоположником просветительского движения в Таджикистане является ученый, мыслитель, педагог Ахмад Дониш, который внес свой вклад в педагогическую мысль таджикского народа, обогатив ее новыми идеями по вопросам умственного и нравственного развития молодого

поколения. Призыв к человеколюбию, вера в силу человеческого разума, понимание общественной значимости труда, рекомендации к изучению светских наук и русского языка, попытка определить психологические основы страсти к наживе и пути её предупреждения — все это является ценным вкладом просветителя в педагогическую мысль таджикского народа.

Таким образом, на протяжении всей истории развития передовые представители педагогической мысли мечтали о равенстве и справедливости, о воспитании молодого поколения в духе гуманности и трудолюбия, о распространении светских знаний среди народа.

История образования таджикского народа

Предки таджиков — согдийцы, бактрийцы — имели свою письменность, о чём свидетельствуют археологические находки на горе Муг в Айнинском районе Таджикистана. Здесь были обнаружены остатки архива согдийского правителя Диваштича. Некоторые из этих документов относятся к началу VIII века нашей эры.

Арабы после завоевания Средней Азии в VIII веке в целях ассимиляции местного населения навязывали жителям захваченных территорий свою религию (ислам) и письменность. Все книги, написанные древними алфавитами и связывавшиеся в представлении ортодоксальных мусульман со старыми, противными исламу верованиями, подвергались безжалостному уничтожению. Арабский язык был объявлен государственным языком, и обучение детей в школах также стало вестись на арабском языке.

В Средней Азии в целом, в том числе и в Таджикистане, сложилась в это время следующая система конфессиональной мусульманской школы:

- 1) мактаб — начальная религиозная школа грамотности;
- 2) далиял-хона, где учащихся, обыкновенно совершенно не знакомых с языком, заставляли заучивать наизусть особые молитвы — даляиль и хайрат, написанные на арабском языке, вследствие чего содержание их для большинства учащихся оставалось малопонятным;
- 3) кары-хона представляла собой столь же школу, сколько и особый вид приюта для слепых, ибо ее учениками и постоянными обитателями в подавляющем большинстве случаев являлись слепцы, большей частью взрослые, занимающиеся здесь исключительно заучиванием наизусть Корана;

4) медресе — средняя и высшая мусульманская школа.

Мактаб — школа первоначальной грамотности — существовала при каждой мечети, а иногда занятия проводились в доме учителя (мактабдора). Основной задачей мактабов было обучение детей молитвам, обрядам и чтению религиозных книг. Это было связано с тем, что духовенство монополизировало всю систему обучения, оно определяло содержание обучения.

Учителями в старой таджикской школе были служители религиозного культа: имам (возглавляющий общую для всех в мечети молитву) или суфи (созывающий мусульман на молитву).

За свою работу жалование учителя не получали, и их вознаграждение складывалось из приношений. Еще до поступления ребенка в школу родители делали учителю подарки, особый подарок делался по поводу первого прихода ребенка в школу, а затем подарок делался ежедневно и особо — в дни религиозных праздников. Размеры подаяния зависели от состоятельности родителей.

Учебный год в мактабе начинался в конце сентября или начале октября и заканчивался весной в зависимости от начала полевых работ. Дети не учились в дни религиозных праздников и по пятницам. Так как в мактабах не существовало коллективной работы и обучение велось индивидуально, дети могли поступить учиться в любое время.

Обучение начиналось с того, что ученик вызубривал молитву на непонятном ему арабском языке, затем приступал к изучению арабского алфавита. Первой книгой, по которой детей учили читать, была «Хавтияк» («Одна седьмая часть») Корана на арабском языке. При чтении от учащихся не требовалось понимания прочитанного. Основное внимание уделялось произношению и интонации. На эту работу уходило 2-3 года, после чего лучшие ученики овладевали механизмом чтения, но содержание прочитанного по-прежнему оставалось для них недоступным.

Затем переходили к чтению «Чорхитоба» (четверокнижие), который был написан уже на таджикском языке. Затем дети переходили к чтению избранных произведений классиков таджикской и узбекской литературы (Саади, Хазифа). Произведения классиков литературы возбуждали любовь и уважение к мастерски созданным образам народных вождей и героев, способствовали выработке у детей смелости, решительности, настойчивости, гуманизма.

Обучение письму в мактабах считалось необязательным, но в качестве руководства использовалась книга «Муфрадот», написанная

на таджикском языке, где давались правила написания букв, образцы каллиграфического письма, а также стихи о значении прилежания, о значении письма в жизни человека и упражнения для выработки красивого почерка. Обучение письму завершалось переписыванием книг и требовало много времени и терпения. Главное внимание обращалось на выработку красивого почерка. Самостоятельному изложению мыслей не уделялось внимания, не проверялась степень грамотности учащегося, поэтому окончившие мактаб не могли самостоятельно излагать свои мысли в письменном виде.

Кроме мужских, в городах открывались женские мактабы, где обучались девочки преимущественно из состоятельных семей. Учительницей женского мактаба (биби-халифа) обычно была жена имама или муллы, которая обучала девочек грамоте, основам вероучения, знакомила со сказаниями о жизни святых, а также с некоторыми произведениями таджикской и узбекской поэзии, что по своему содержанию могло не соответствовать возрасту учениц. В женском мактабе Коран не читали, молитвы, необходимые для совершения религиозных обрядов, обычно заучивали со слов учительницы.

До революции мусульманское духовенство стремилось организовать мактабы при каждой мечети, обязывая каждого мусульманина отдавать в них своих детей. Конфессиональные таджикские мактабы ставили задачу готовить убежденных мусульман, хорошо знающих и точно выполняющих предписания ислама.

Медресе — духовные школы повышенного типа — начали появляться с X века и также получили распространение на территории Таджикистана. Открывались они, главным образом, в больших городах и крупных населенных пунктах религиозными общинами и отдельными лицами. Строительство и содержание медресе считалось «савебом», то есть богоугодным делом. Во главе медресе стоял главный мударриш, руководивший всем учебным процессом. Он вел преподавание только в старших группах; в младших под его руководством занимались его ассистенты — муккариды. В медресе могли поступить юноши, окончившие мактаб. Единственным условием для поступления было материальное обеспечение себя в течение длительного периода и приобретение худжры (кельи).

Основной задачей медресе была подготовка знатоков мусульманского богословия и права (шариат). Срок обучения не был установлен и зависел от способностей и прилежания учащегося. Учебный год

начинался с середины сентября и завершался в конце марта. Учебные занятия здесь носили совершенно иной характер, чем в мактабе: не было ежедневного затверживания уроков под непосредственным наблюдением учителя. Каждый самостоятельно изучал ту или иную книгу у себя в худжере, а в дни занятий (их было четыре: суббота, воскресенье, понедельник, вторник) собирались вместе только для того, чтобы послушать толкование мударрисом изучаемых книг. Муллабачи совместно готовились к предстоящим занятиям и спорили по тому или иному поводу. Занятия начинались рано утром, после завершения утреннего намаза, и продолжались до позднего вечера. Вначале слушатели медресе занимались преимущественно арабским языком. Затем углублялись их знания в области арабской грамматики. На этой же ступени обучения читали ряд других книг — учебники по логике и религиозный трактат «Догмы Насафи», в котором излагались догмы мусульманской религии. Затем читали «Тахзиб», посвященный вопросам логики и схоластической философии, и книгу о естествознании и метафизике. После всего этого изучалось богословское сочинение под названием «Мулло Джалол».

Характер учебных занятий в медресе, как и номенклатура изучавшихся книг, оставались неизменными, начиная с XII — XIII веков и до самой революции. Факультативно изучалась математика. Цель ее изучения состояла в том, чтобы окончившие медресе, во-первых, могли преподавать математику; во-вторых, могли стать «таракачи» (т.е. одним из служащих главного казая — судьи, ведавшего разделом имущества); в-третьих, могли проводить землемерные работы. Математика преподавалась индивидуально.

На овладение всей средневековой религиозно-схоластической премудростью слушателю медресе требовалось 17-19 лет. Причиной такого длительного пребывания учащихся в медресе было несовершенство методов преподавания, а также то, что обучение велось преимущественно не на родном, а на арабском языке, изучение которого само по себе требовало много лет.

Однако отсюда выходили иногда образованные для своего времени люди, одаренные от природы, которые при благоприятных условиях изучали таджикский и арабский языки, много читали и благодаря неустанному труду смогли расширить и обогатить свои знания.

Под влиянием сближения Средней Азии с Россией, в связи с развитием капиталистических отношений и разложения феодального строя,

медресе начинают терять свой авторитет. Передовые люди того времени начинают выступать против схоластического религиозного образования, требуя реформы школ. Таджикский просветитель А. Дониш противопоставлял схоластическому религиозному учению светскую науку, особенно резко критикуя пороки мактабов и медресе. После знакомства с Россией он выступал с требованием провести реформу государственного управления и школьного обучения в своей стране по образцу российской системы.

Однако, несмотря на все требования передовых людей того времени, никаких изменений в системе школьного образования не произошло вплоть до революции, когда стали создаваться русско-туземные школы.

Речь здесь шла, конечно, не о том, чтобы дать образование широким массам коренного населения. Русско-туземная школа должна была готовить из местных национальностей кадры переводчиков, низших служащих для государственных учреждений Туркестанского края.

Всего на территории Таджикистана было открыто 10 русско-туземных школ, где использовались лучшие русские учебники: «Родное слово» К.Д. Ушинского, «Мир в рассказах для детей» В.П. Вахтерова.

В 1884 г. в городах и крупных населенных пунктах, имевших важное торгово-промышленное значение, появились новометодные мактабы.

С приходом советской власти на территорию Средней Азии, и в том числе Таджикистана, первым шагом на пути реформирования школы явилось постановление о введении совместного обучения для учащихся обо-его пола. Для народов национальных окраин оно имело огромное, принципиальное значение — способствовало раскрепощению женщин.

В Таджикистане школа создавалась заново: «До сих пор туркестанские школы носили многотипный характер, делясь на русские, русско-туземные, европейские и пр. Все эти названия заменить новыми — училище первой ступени». [3].

Кроме обычных школ, на территории Таджикистана были организованы трудовые коммуны и школы-коммуны. Школы-коммуны с интернатами организовывались в основном для детей-сирот, потерявших родителей в годы гражданской войны. Туда также принимались дети бедных дехан. Срок обучения в них был четыре года. Учащиеся занимались по программе школ первой ступени, кроме того, они включались в производительный труд. В коммунах учащиеся объединялись в

одну трудовую семью, где все вопросы, касающиеся жизни и деятельности трудовых коммун, обсуждались и решались в школьных организациях, создаваемых на выборных началах. Для выполнения трудовых заданий создавались бригады, из которых каждая выполняла отдельные хозяйственные работы. При этом учитывались склонности и желания учащихся. В целях художественного воспитания детей организовывались разного рода кружки, секции, открывались библиотеки.

Большинство учителей пришли работать после окончания мактабов и медресе, имея недостаточную общеобразовательную подготовку. Вставал вопрос о подготовке педагогических кадров. Организовывались педагогические курсы, где главное внимание уделялось подготовке учителей к преподаванию родного языка и арифметики. Курсы давали минимум знаний, необходимых для работы в начальной школе, и удовлетворяли только острую нужду национальных школ в учительских кадрах. Институт просвещения был сложным по своей структуре учебным заведением. При нем существовали опытная школа, интернат и курсы по переподготовке учителей. Учащиеся здесь получали знания в объеме школы второй ступени и специальную педагогическую подготовку по профилю школы первой ступени.

Наряду с переводными учебниками, появлялись оригинальные учебные пособия. Их содержание резко отличалось от содержания тех книг, по которым учились дети в старометодных мактабах. В букварях были помещены стихи и рассказы классиков таджикской литературы, где говорилось о долге, трудолюбии, уважении к старшим, о хорошем воспитании, народной мудрости. Во всех букварях использовался народный фольклор. В учебных планах новых школ главное место заняли общеобразовательные предметы: родной язык, математика, история, география, естествознание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арипов М. Из истории педагогической мысли таджикского народа. — Душанбе, 1962.
2. Волков Н. Этнопедагогика. — Чебоксары, 1974.
3. Волков Н. Педагогика жизни. — Чебоксары, 1989.
4. Кисляков Н. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии. — Л., 1969.
5. Кисляков Н. Семья и брак у таджиков 19 — 20 в. — М.-Л., 1959.

Смелей твори добро, - придет пора,
 И ты узнаешь тоже вкус добра.
 Торгуя, не зови саман зерном.
 Кто зло творит — тому воздастся злом.

Ты совершай добро — в нем польза есть.
 Кто зло творит - того постигнет месть.
 Тому дай руку, кто устал в борьбе,
 Когда-нибудь он руку даст тебе.

Не говори: «Не сделает добра
 Мой старый враг», - ведь завтра не вчера!

Когда увидишь в клетках певчих птиц,
 Освободи бедняжек от темниц.
 Они оценят доброты порыв,
 За все добром посильным отплатив.

Мухамедъяр (поэт XVI века)

Традиции народной педагогики настолько древние, как и сам народ. К.Д.Ушинский писал, что «воспитание возникло вместе с человечеством, у народа — вместе с языком, родное слово — великий народный педагог». С незапамятных времён у народов сложилась своя

система взглядов на воспитание и обучение, их цели и задачи, определилось их содержание, а также пути и средства воздействия на подрастающее поколение, чтобы формировать его в направлении, желательном народу.

Народная педагогическая культура была выработана тысячелетним опытом человечества, она старше педагогической науки, образовательно-воспитательных учреждений и первоначально существовала независимо от них: «Только народное воспитание является живым органом в историческом процессе народного развития».

Народная педагогика скорее располагается в сфере искусства, нежели научной системы, хотя и является основным и главным предметом науки, именуемой этнопедагогикой.

Основные задачи этнопедагогики — это изучение специфики народной педагогики, её возникновения, развития и современного состояния; её места в жизни народа и её роли в развитии педагогической культуры человечества. Наряду с этим, этнопедагогика имеет и важные научно-практические задачи: на основе изучения живых педагогических процессов в народной сфере, особенно в семье, выработать средства воздействия на эти процессы, а также способствовать пропаганде наиболее ценного педагогического наследия, его усвоению и переработке в педагогической науке и применению всего этого в педагогической практике.

Воспитательные традиции разных народов имеют много общих черт. Наибольшее сходство можно найти в сфере труда, трудового обучения и воспитания. Этнические различия в трудовом воспитании касаются только некоторых частных деталей — видов труда, приёмов трудового обучения и некоторых конкретных организационных форм труда. Исторический и педагогический опыт народа подсказывал, что труд — это решающее условие нравственного, умственного и физического развития личности. В процессе труда вырабатываются такие качества, как чувство человеческого достоинства, трудолюбие, настойчивость, чувство долга и ответственность.

У народа была своя система художественного воспитания. Её характерная особенность — тесная связь эстетического воспитания с трудовым. Народная педагогика ставила задачи умственного развития детей, доминирующим средством которого являлись загадки. Они призваны были развивать мышление детей, приучая их анализировать предметы и явления из разных областей окружающей действительности,

причём большое количество загадок об одном и том же предмете позволяло давать ему всестороннюю характеристику. Ум ребёнка обогащался не только мыслями умными, но и мыслями добрыми, красивыми, причём в тесной связи с первыми и в подчинении им.

Пословицы с древнейших времён выступали как педагогические средства. Они несут на себе образовательные функции в сфере идей и опыта воспитания: повествуют о средствах воспитательного влияния, содержат призыв к воспитанию, самовоспитанию и перевоспитанию. В пословицах много практического образовательного материала: житейские советы, пожелания в труде. Традиционные формы советов, угроз, осуждений, намёков, упрёков, укоров, благопожеланий также воплощены в народных пословицах. Пословицы содержат огромный образовательно-познавательный материал по вопросам воспитания.

Наиболее распространённой формой пословиц являются наставления. С педагогической точки зрения интересны наставления трёх категорий: поучения, наставляющие молодёжь в добрых нравах; поучения, призывающие взрослых к благопристойному поведению; поучения особого рода, содержащие советы по воспитанию детей.

Пословицы — авторитетное мнение народа, поддерживаемое мудрыми старцами. Я. Коменский видел в пословицах своего народа тысячулетнюю мудрость чехов и могучее средство воздействия на сознание народа. «Мудростью старых чехов» назвал он пословицы. Пословицы прочно ложатся в память. Их запоминание облегчается игрой слов, разными созвучиями, рифмами, ритмикой. В данном случае поэзия выступает как форма сохранения и распространения мудрости, опыта познавательной деятельности.

Сказки К. Д. Ушинский назвал «первыми и блестящими попытками русской народной педагогики». Это же следует сказать о сказках и других народов.

Народная педагогика ставила целью воспитание в ребёнке черт, желательных народу. В этом отношении большое значение имеет идея совершенного человека, которая не является этнической. Она возникла как общечеловеческая идея, этническая специфика этой идеи касается только конкретных деталей программы человеческого совершенства. В то же время конкретная программа национального воспитания имеет не только национальные, но и общечеловеческие ценности.

Таким образом, в процессе воспитания ребёнка народная педагогика стремилась максимально приблизить его характер к чертам идеала, используя для этого различные методы.

Традиции воспитания детей

Среди турко-язычного населения бывшего Союза есть несколько народов с самоназванием «татары». Самыми многочисленными из них являются татары Среднего Поволжья и Приуралья (почти 5 млн. человек).

Основной ячейкой татарского общества была большая патриархальная семья, объединяющая 3-4 поколения ближайших родственников, связанных единством территории и коллективным хозяйством. У всех народов огромную роль в процессе воспитания играли старики — бабушки и дедушки. У татарского народа культ предков очень силен. Первоначально он был религиозным культом из домусульманских верований, но в последующем он из религиозного стал морально-педагогическим. Уважительное отношение к старым было отличительной чертой многих народов, особенно на Востоке, где религиозный культ мёртвых предков, как правило, сочетался с педагогическим культом живых дедов и прадедов. Без стариков у татар не обходился ни один праздник, они наблюдали за порядком, определяли и награждали победителей. На первое место среди воспитателей народная педагогика ставит родителей и прежде всего мать. В культе матери преобладает морально-педагогический элемент.

У татар беременная женщина пользуется большим почётом. Для татарина самая лучшая жена — это та, которая рождает много здоровых детей. Однако основной ролью матери считается не столько рождение, сколько воспитание. Народная педагогика оценивает родителей прежде всего по тому, как они растят своих детей: «Об отце судят по его сыну»; «Умей дитя родить, умей и воспитать». Поговорки и пословицы предупреждают родителей, что воспитание детей нужно начинать как можно раньше, с ранних лет: «Дерево гнётся, когда молодо».

Татары с трепетной любовью относятся к детям: ребёнок в народных загадках сравнивается с бабочкой, с соловьём. Так, о ребёнке в колыбели говорят:

Наверх — круглое,
Вниз — круглое,
В середине бабочка.

Наверх вай-вай,
Внизу вай-вай,
В середине соловей.

Татарки никогда не оставляли грудных детей дома, когда работали в поле: возили их с собой в специальных тележках (бала арбасы) с подушкой и мягкой подстилкой. Эти традиции ухода за детьми —

положительное явление, влияющее на нормальное физическое развитие детей. У татар существовала целая система мер ухода за ребёнком с первых дней его жизни. Но этим не ограничивалось его воспитание.

Этнографический материал и произведения устного народного творчества позволяют прийти к заключению, что у татар была продуманная организация физического воспитания подрастающего поколения. Татарская народная педагогика большое значение в физическом воспитании молодёжи придаёт словесным методам: убеждение через пословицы, поговорки, сказки. В народной традиции идеал физически развитого человека отражён в пословицах: «Джигит должен быть как лев»; «Молодец, кровь с молоком, здоровый и сильный». В народе не любят полусонных, вялых людей, ценя бодрость духа и силу. В татарских семьях дети с малых лет тренировались в беге, прыжках, в преодолении естественных препятствий. Особое внимание обращалось на воспитание силы, ловкости, быстроты, выносливости, зоркости. Убеждение осуществлялось и через сказку, где герои показывают образцы силы и здоровья. Лениость, физическая слабость и вялость критикуются в традиционных образах татарского детского фольклора Плешивого и Бестолкового. Плешивый безынициативен в своей лени и нежелании упражняться; Бестолковый физически беспомощный, ленивый человек, трусливый, вялый. Сосредоточив в себе всевозможные отрицательные качества и пороки, они учат детей, какими не следует быть.

В детском фольклоре также воспеваются физическая сила, отвага и находчивость в противовес слабости, бессилию и несообразительности. Детская сатира высмеивает лежебок, тех, кто боится холода, чистого воздуха:

Кривой Гиляди
Лёг прямо в печке —
Всё равно не согрелся;
Изогнулся — взопрел.

Шими, шими,
Не слезает с печки,
Не слезает с печки —
Как только не исчечётся!

Наиболее эффективными и результативными средствами физического воспитания детей и молодёжи в народной педагогике были физические упражнения, игры, состязания, праздники сабантуй и джиен. Ежегодное проведение этих праздников, в которых могли принять участие все желающие, служило для детей и молодёжи стимулом к занятиям физическими упражнениями и играми.

Во время этих праздников происходили состязания в беге, борьбе, скачках, прыжках. Участвовать могли и взрослые, и дети. Очень популярна была татарская национальная борьба на поясах (кураш). Победитель объявлялся батыром, богатырём. Победа на соревнованиях по борьбе была очень почётной.

Игры и гуляния во время сабантуя и джиена были похожи, но во время джиена было больше музыки, песен. У каждого народа в любую историческую эпоху существовала потребность в прекрасном. Материальная и духовная культура всегда включала в себя эстетическое отношение к действительности, складывались свои приёмы ее отражения, свои методы и средства эстетического воспитания подрастающего поколения.

Одновременно с созданием высокохудожественных произведений фольклора и декоративно-прикладного искусства татарский народ стихийно искал и находил устойчивые методы эстетического воспитания и художественного обучения. Через различные жанры устного народного творчества народ вырабатывал эстетический вкус, взгляды, идеалы, развивал понимание прекрасного в жизни, возбуждал эстетическую активность молодёжи и пробуждал у неё стремление к практической художественной деятельности.

Народные песни, как эмоциональный язык народа, являются действенным средством эстетического воспитания. Высоко оценивал их роль для эстетического воспитания Г. Тукай, когда писал, что народные песни — это самое дорогое и ценное наследие предков. Татарский народ очень музыкален, татары всегда любили петь и сохранили богатейшее песенное наследие, хотя ортодоксальный ислам крайне отрицательно относился к занятиям музыкой. Воспитательная сила татарской песни определяется глубиной и содержательностью поэтических образов, которые создавались под непосредственным впечатлением событий общественной жизни, картин быта и родной природы. В татарских народных песнях поётся об исторических событиях, о жизни и быте народа, о родной стране («Ямле Агыдейл буйлары» - «Прекрасны берега Белой»), о тяжёлой женской доле, о любви (о красоте этого прекрасного человеческого чувства поётся в песнях «Зобержэт», «Сандугач» («Соловей»). Песня сопровождает всю жизнь: песни поют младенцу в колыбели, песней-плачем провожают умершего старика. Вызывает восхищение мудрое внимание народа к воспитанию детей с самого раннего возраста: слова колыбельных пе-

сен маленьким детям ещё непонятны, но нежность, вложенная в мелодию, слова и манера исполнения не проходят бесследно, они как бы готовят почву для последующего воспитания.

Для детей более старшего возраста, для молодёжи предназначены хороводно-игровые и плясовые песни («Бишле бию», «Бас кызым эпипа»). Другую группу составляют лирические протяжные песни: «Кара урман» («Тёмный лес»), «Каз канаты» («Крылья гуся»), «Казан селгесе» («Казанское полотенце»). И хотя эти песни прямо не ставят проблем воспитания, они воспитывают мелодией, чувствами, примерами воспеваемых героев, событиями из народной жизни. Эстетическое воздействие песен на молодёжь и детей усиливается сочетанием красивых мелодий, прекрасной поэзии, возвышенных мыслей и чувств, красотой содержания.

Песня — сложная форма народного поэтического творчества. Главное назначение песен — эстетическое воспитание, но они имеют целью осуществление формирования и других сторон личности, являясь комбинированным средством воздействия на личность. Многие песни имеют морально-этическое содержание, воспевая не только внешнюю, но и внутреннюю красоту людей, красоту человеческих чувств: любви, дружбы.

Такое единство эстетического и нравственного идеала характерно не только для песен, это заметно и в других видах устного народного творчества, например, в сказках.

Сказки, «блестящие попытки народной педагогики», являются комбинированными средствами интеллектуального, эмоционального и морального воздействия. В них решаются морально-нравственные проблемы: татарские сказки учат героизму, честности и великодушию («Камыр батыр» - «Богатырь из теста»), высмеивают жадность и подлость, прививают любовь к труду («Уги кыз» - «Падчерица»), учат ценить опыт старших, уважать стариков («Оч кыз» - «Три дочери»). Художественность и образность татарских сказок облегчает эстетическое восприятие их детьми.

На эстетическое и нравственное воспитание татарских детей большое влияние оказывают афористические жанры устного народного творчества: пословицы, поговорки, загадки, являющиеся выражением народной мудрости, народной философии. В них отражаются представления татарского народа о жизни, о нормах человеческого поведения, об истинном и ложном, о добре и зле, о прекрасном и безобразном.

В татарских пословицах нашли отражение такие качества, как любовь к Родине, родной земле («Герой рождается для себя, но умирает за родину»), любовь и уважение к труду, ненависть ко всякого рода несправедливости, протест против власти денег, лени, эгоизма («Если сосед твой богат, пусть будут закрыты твои ворота»), честность, доброта, гостеприимство («Ачык ишек — ой бизэгэ, ачык чырай — ир бизэгэ» - «Открытая дверь украшает дом, приветливость украшает человека»), опрятность и аккуратность.

Большое количество пословиц говорит о пользе знаний, учёбы, книг: «Без книги мир тёмнен» («Киталсыз донья карангы»), «Силой рук можно одолеть одного, силой знания - тысячи» («Белэге юан берне егар, белемле менне егар»).

Народные пословицы направлены на воспитание в детях мужества, смелости, доброты и других качеств: «Батырлык - матурлык» («Мужество - красота»), «Сабартобе — сары алтын» («Терпение - золото») — в этих пословицах особенно проявляется единство нравственного и эстетического идеала.

Сила эстетического воздействия народных пословиц не только в их смысловом содержании, но и в художественности их форм как поэтических произведений. Они учат любить выразительность краткой образной речи.

По своей тематике и функциям близки к пословицам загадки. Загадки знакомят детей с созданными народом поэтическими образами окружающей действительности, различных предметов и явлений, людей, животных и т. д. Загадки прежде всего развивают образное мышление и память детей, но в то же время и обогащают их сознание эстетическими представлениями об этих предметах и явлениях, воспитывают эстетический вкус. Татарские загадки очень поэтичны: «Полная печь перемячей, посередине один калач» (Звёзды и луна). В сказках загадки часто употребляются в виде соревнования в остроумии и находчивости («Богач - хвостун»), в этой функции они переходят в детский фольклор.

В татарской народной педагогике большое значение для воспитания художественного вкуса молодёжи имело декоративно-прикладное искусство: вышивка, узорное ткачество, мозаика по коже, резьба по дереву и камню, искусство каллиграфии. Самый распространённый и древний вид народного творчества — вышивка тамбуром. Занимались вышивкой, а также узорным ткачеством, в основном девушки. Украшали предметы

домашнего обихода: полотенца, занавески (пәрде), молитвенные коврики (намазлык), головные уборы, обувь. Мальчики учились резьбе по дереву, изготовлению орудий труда, домашней утвари.

Интенсивное развитие получило искусство каллиграфии, которое широко применялось в разрисовке **шаманей** (настенных картин с изречениями из Корана). Все виды декоративно-прикладного искусства у татар связаны с украшением бытовых предметов.

В татарской народной педагогике, как и у всех народов, эстетическое воспитание тесно переплетается с нравственным и трудовым. При обучении детей навыкам изготовления различных предметов их учили, что труд — это мастерство, он требует умения, наблюдательности, тонкого вкуса. Настоящий творческий труд приносит радость, делает жизнь человека красивой и счастливой. «Радость человека — труд», — говорит татарская пословица.

Родители стремились воспитать детей как хороших тружеников, с детского возраста помогающих родителям и способных самостоятельно выполнять все виды работ в поле и дома. То обстоятельство, что в основе воспитания детей лежал труд, определяло роль и распределение обязанностей между родителями в воспитательном процессе. С малых лет сыновья преимущественно находились рядом с отцом и другими старшими мужчинами в семье, приобщаясь к мужскому труду. Дочери в меру своих возможностей помогали матери и остальным родственникам.

В татарской народной педагогике гармонично сочетались различные методы и средства для воспитания детей в соответствии с идеалами и желаниями народа. Однако народная педагогика многих восточных народов, в том числе и татар, вступала в чрезвычайно сложные отношения с исламом. С одной стороны, ислам давал нравственные нормы поведения, вносил в народную педагогику много поучений нравственного содержания. С другой стороны, ортодоксальный ислам ограничивал развитие ряда жанров народного творчества: музыки, живописи. Принятие татарами ислама способствовало развитию преклонения перед арабским языком как языком Корана, вследствие чего татарский язык рассматривался как язык «грубый», «мужицкий».

Поскольку до XIX века существовали только религиозные школы, народная педагогика практически не находила отражения в школьном образовании.

История татарской школы и педагогической мысли

Начало просвещения и грамотности у татар уходят в глубь веков и связаны с историей Булгарского государства и Казанского ханства.

Булгарское государство достигло высокого для своего времени уровня материальной и духовной культуры. Прочные культурные связи со странами Востока привели к распространению среди булгар арабской письменности и школьного образования. В Булгарии были свои писатели, поэты, учёные. Одним из дошедших до нас образцов письменной литературы является поэма Гали «Юсуф и Зулейха», широко распространённая и среди татарского населения, известны также исторические поэтические произведения «Хосров и Ширин» Котби, «Мухаббат-наме» Хорезми.

С гибелью Булгарского государства его высокая культура не исчезла, а была унаследована и развита казанскими татарами. Как и прежде, в Казани и в других крупных населённых пунктах при мечетях продолжали функционировать начальные и высшие школы, руководимые мусульманским духовенством. В школах обучали элементарной грамоте на основе арабской письменности. Существовали школы низшего типа — мектебы и школы высшего типа — медресе, где учились преимущественно дети состоятельных родителей. Хотя обучение в этих школах носило богословско-схоластический характер, оно давало учащимся необходимую для своего времени грамотность.

В последние годы существования ханства в Казани действовали два больших медресе, одно из них при соборной мечети, где, по некоторым данным, имелась большая библиотека, в которой хранилось немало ценных татарских, арабских и персидских книг.

После присоединения Казанского ханства к Русскому государству проводилось насильственное крещение татар, строились новые церкви, монастыри, ранее существовавшие мечети и школы разрушались. Царская политика и насильственная христианизация парализовали развитие татарской культуры.

Открытое преследование татарских школ и мечетей продолжалось до середины XVIII века. Но татарские школы продолжали существовать, особенно вдали от городов, где давление и гнёт были слабее. Политика христианизации и гонения татарских школ и мечетей лишь озлобляла население и в некоторых случаях приводила к от-

крытым религиозным восстаниям. Со второй половины XVIII века царское правительство изменило прежний курс открытого гонения и стало на путь укрепления мусульманской религии в России. При Елизавете Петровне была разрешена постройка мечетей в крупных деревнях с чисто мусульманским населением и организация религиозных школ при мечетях. Значительное число школ открывается в это время в Башкирии, среди астраханских татар и татар-мишарей правобережья Волги. Преподавали в школах муллы и учителя - хальфы. В обучении господствовали догматизм и формализм, насаждалась восточно-мусульманская схоластика, проповедовались идеи суфизма. В социальной сфере суфизм с его апологией смирения, аскетизма, отречения от мирских забот ради высшего духовного блага, приобщения к божественной благодати играл консервативную роль, уводя человека от реальной жизни. В суфийской этике возвышаются, прежде всего, нравственные принципы, ведущие к воздержанию от мирских благ, освобождению от земных забот и страстей (сабырлык — терпение, канагат — довольствование имеющимся, покорность судьбе). Некоторые идеалы суфизма проникли в народную педагогику, что объясняется популярностью этой этики среди широких народных масс, которую она завоевала благодаря своему сочувственному отношению к их беспросветной жизни, глубокому психологизму.

Знание занимает почётное место в учении суфиев. Но в содержании знания, особенно его высшей ступени, Учебно-методическое управление «истинных» суфиев на первый план выдвигает не светски-практическую, а религиозно-мистическую сторону. И эта высшая ступень достигается не рациональными способами познания, а интуитивно, внутренним озарением, постижением божественной истины в результате максимального сосредоточения духовных сил на всепоглощающем чувстве любви к Богу.

Суфизм, мистически окрашенное течение, своими идейными корнями непосредственно связанное с религиозным миропониманием, пришёл к татарам вместе с исламом. И вплоть до XIX века просвещение, культура и наука развиваются на основе ислама.

Татарские школы находились в очень тяжёлых условиях: материальная необеспеченность, отсутствие учебников на родном языке, неподготовленность и малограмотность самих учителей. Низшие школы (мектебы) существовали на средства населения. В мектебы поступали дети семи - восьмилетнего возраста, обучение продолжалось

около пяти лет, а некоторые оставались в школах до восемнадцати лет. В этих школах дети получали элементарную грамотность и осваивали основы религии. Ученье начиналось с азбуки. Сначала заучивали арабские буквы в порядке алфавита, затем переходили к чтению по буквослагательному методу арабских фраз. Содержание фраз не понимали не только учащиеся, но нередко и сами учителя. Читали отрывки из текстов религиозного содержания. Обучение проводилось путём повторения прочитанных слов вслед за учителем до тех пор, пока ученики весь этот отрывок не запомнили. Качество преподавания было низким, сроки обучения не определялись точно, отсутствовали программы и учебные пособия.

Каждый ученик занимался самостоятельно, изучая какую-нибудь религиозную книгу. Так как преподавание велось с каждым учеником по отдельности, срок обучения зависел как от прилежания самого ученика, так и от подготовки и желания муллы. На освоение элементарной грамоты, по существу на прохождение азбуки, требовалось от одного до трёх лет.

В редких школах знакомили с основами арифметики. Письму не учили, письменными упражнениями желающие занимались самостоятельно, в свободное от учебных занятий время. На татарском языке писали, применяя арабский алфавит. В большинстве случаев занятия по языку сводились к переписыванию религиозных книг.

Богатые татары и духовенство широко практиковали отpravку своих детей учиться в Хорезм, Бухару и другие среднеазиатские города. Там они получали образование и воспитание в духе средневековой мусульманской схоластики и суфизма, а возвратившись, начинали вводить ту же культуру среди татарского населения. Они проникались уважением ко всему бухарскому и презрением к татарскому.

Полное овладение арабским языком удавалось немногим, поэтому само обучение сводилось к механическому заучиванию наизусть множества отрывков из Корана и других религиозных книг. Изучались некоторые разделы этимологии (сарыф), синтаксиса (нэх) и грамматики арабского языка. Преподавались также персидский, а позднее и турецкий языки. К концу учебного срока шакирды (учащиеся медресе), переходили к изучению так называемых «умственных наук» (акляят): логики, диалектики, метафизики, истории религии, богословия. Кроме основ религии (келям), учащиеся знакомились и с правовой стороной ислама (шариат).

Такие предметы, как физика, химия, история, художественная литература, в старинных медресе не преподавались. Не преподавался и родной татарский язык, так как его считали «подлым», «простонародным», не требующим изучения, стараясь употреблять в разговоре и письменности особый язык «тюрки», пересыпанный массой персидских и арабских слов, который простой народ почти не понимал. Занятия художественной литературой, сочинения на свободные темы, как и сочинение стихов, песен, баитов, не имеющих религиозно-книжного содержания, увлечение музыкой, живописью, татарским национальным искусством ни в мектебах, ни в медресе не разрешались и даже преследовались. Таким образом, процесс обучения был оторван от народных корней, от народных традиций воспитания: изгонялся татарский язык, при обучении не использовалось народное творчество, из татарской школы изгонялся татарский «дух».

Среди татарского населения постепенно росло стремление к светскому образованию и недовольство системой обучения в религиозных школах. С развитием капиталистических отношений татарская буржуазия выдвинула идею «европеизированного» просвещения и реформированной школы, которая получила название от арабского «джадид», т. е. «новая». Зачинателем и идеологом джадидизма был И. Гаспринский, который в 1883 году в Бахчисарае открыл первую джадидскую школу. В этих реформированных школах, кроме религии, стали преподавать общеобразовательные дисциплины на родном языке.

На почве начавшейся перестройки старых мусульманских школ и быта татар джадидисты столкнулись с кадимистами (от арабского слова «кадим» - «старый»), сторонниками мусульманской феодальной идеологии, защитниками старой схоластической школы с её старым содержанием и методами. Они фанатично отстаивали соблюдение всех религиозных обрядов и обычаев, были сторонниками схоластических форм обучения и воспитания детей в религиозных школах. Эти споры продолжались на протяжении нескольких десятилетий XIX века.

В реформированных школах преподавание шло на татарском языке. Русский, арабский и другие языки изучались как самостоятельные предметы. Кроме языков и религиозных дисциплин, в школах много внимания уделялось изучению общеобразовательных предметов: математики, истории, географии, физики, естествознания.

Новым явлением в татарских школах было введение уроков чистописания. По-новому было поставлено прохождение предметов. Если в старых школах отсутствовала программа и каждый ученик мог, не дожидаясь товарищей, самостоятельно изучать религиозные книги и переходить из одного класса в другой, то в реформированных школах было организовано групповое прохождение предметов по известной программе и расписанию.

В новометодных школах существовало четыре (в полной высшего разряда медресе) отделения, или разряда. Самый низший — ибтидаия, соответствующий начальной школе, здесь обучение продолжалось четыре года; вторая ступень обучения — рошдия (три года), третья — игодаия, подготовительный класс к высшему разряду с трёхлетним обучением, и четвёртая — галия, высший класс с трёхлетним обучением, где готовили мулл и мударисов. При некоторых медресе были подготовительные классы — тахзирия.

Таким образом, обучение в медресе продолжалось двенадцать — тринадцать лет, но не везде это деление строго выдерживалось.

В большинстве случаев реформа конфессиональных школ на джадидский лад имела половинчатый характер, реформированные школы как бы занимали переходное положение между старыми кадимистскими школами и школами обычного общеобразовательного типа.

Одновременно с джадидизмом среди татарской интеллигенции возникает другое, чисто просветительское движение. Здесь следует признать тот факт, что на культуру и просвещение татарского народа большое влияние оказала русская культура и передовая педагогическая мысль.

Вместе с русскими учёными Казанского университета, сделавшими большой вклад в изучение Казанского края (И.Ф. Эрдман, И.И. Березин, К.Ф. Фукс и др.), передовые люди татарского общества стали заниматься сбором и опубликованием произведений устного народного творчества — татарских народных песен, поговорок, загадок и сказок. Подъём своей национальной культуры они видели в разработке татарского народного языка, в создании на нём светской литературы, в развитии искусства, науки, в коренной реформе семьи, воспитания. Так, адъюнкты восточной словесности Казанского университета Ибрагим Хальфин и Хусаин Файзаханов первыми выступили как сторонники изучения своего родного языка, а также необходимости усвоения русского языка.

И. Хальфин, занимаясь вопросами изучения родного языка и литературы, первым составил татарский букварь, словарь древнетатарских слов, хрестоматию. Х. Файзханов положил начало изучению памятников обучения древней письменности и истории, написал грамматику татарского языка, составил словарь и хрестоматию по тюркским языкам.

В становлении светской педагогической литературы татар известную роль сыграл учебник Мартиниана Иванова «Татарская хрестоматия» (1842 г.). В 1859 году появился учебник преподавателя Салихджана Кукляшева «Диваны хикэяте татар». Оба учебника были написаны с широким использованием произведений устного народного творчества татарского народа на общепринятом языке.

Видным татарским просветителем был Мухаммедгали Махмудов. В 1855 году он опубликовал рукопись «Практическое руководство для изучения татарского языка». Этот учебник отличается чистотой народного языка, в нем много ценного материала о народных играх, празднествах, увеселениях.

Татарские педагоги-просветители выступали за возрождение национальной культуры и родного татарского языка, очищение его от засилья арабских и турецких слов. С другой стороны, они были сторонниками изучения татарами русского языка, но это вовсе не означало, что они поддерживали политику обрусения, считая, что изучение русского языка откроет татарам доступ к знакомству с богатой культурой русского народа при сохранении своих народных традиций.

Ведущим представителем этого течения был великий татарский педагог и просветитель Каюм Насыри (1825-1902), который родился в семье муллы. Первоначальное образование он получил по старой системе в мектебе своей деревни и продолжил его в одном из медресе Казани. Насыри знал персидский и арабский языки, самостоятельно изучил родной язык и достиг в этом совершенства, изучил русский язык. Он преподавал в школах, в семинарии, но, не довольствуясь одной преподавательской работой, занимался собиранием материала по татарскому фольклору, татарской этнографии и истории. С 1871 года Насыри начал выпускать ежегодные календари, в которых помещал общедоступные статьи по анатомии человека, гигиене, космографии, законоведению, педагогике. С 1876 года он печатает важнейшие свои труды по татарскому языкознанию (грамматику татарского языка, правила татарского правописания, словари татарского языка),

публикует материал по татарскому фольклору («Плоды для собеседования»), татарской истории и этнографии, с увлечением занимается переводной литературной работой.

Широкое общее умственное образование Насыри мыслил на основе родного татарского языка. Никто из татарских учёных, писателей и педагогов второй половины XIX века не ставил вопроса о роли и значении родного языка для татар с такой силой и остротой, как Насыри. Он решительно стал на защиту народного татарского языка, создал грамматику татарского языка (правда, эта грамматика в известной степени написана под влиянием арабской грамматики в логико-формальном духе), написал его историю, составил словари, правила татарской орфографии.

Наряду с защитой родного татарского языка, Насыри отстаивал необходимость изучения татарами русского языка. Он составил учебники и пособия для преподавания русского языка в татарских школах. Но основой изучения чужих языков он считал родной язык.

Насыри уделял внимание и проблеме эстетического воспитания подрастающего поколения. Он видел духовную мощь своего народа, пронесшего сквозь века прекрасные песни, сказания, своеобразную музыку и танцы: «Музыка и пение доставляют радость, подвижность, вдохновение» [9, 76].

Во многих произведениях Насыри встречаются высказывания по важнейшим вопросам нравственного воспитания. Особого внимания в этом отношении заслуживает «Книга о воспитании» («Китаб — эт-тэрбия»), где даётся ряд наставлений, построенных в форме притч с выводом — моралью в конце.

В предисловии к книге подчёркивается, что «воспитание нельзя понимать лишь как хлопоты о кормлении и росте ребёнка, а это... и забота о его нравственном совершенствовании, и развитие прекрасных, благородных манер, и... обучение его наукам, и развитие понятий приличия» [12, 77].

Физическому воспитанию Насыри придавал большое значение. Для хорошего физического развития ребёнка требуется достаточное питание и хороший воздух. Баловать ребёнка, удовлетворять все его желания нельзя. Органы чувств должны упражняться, а не находиться в бездействии. Основой физического воспитания Насыри считает труд, изучение ремёсел. В первом наставлении он пишет: «О милые дети

мой, послушайтесь моего совета — учитесь ремеслу. Имущество и деньги так ненадёжны на этом свете... Ремесло неиссякаемо, как источник» [12, 78].

Насыри требует воспитания детей с малого возраста, повторяя известную народную поговорку: «Дети как молодые деревья. Как бы криво ни было молодое деревцо, его легче выпрямить». Изучив богатый фольклорный материал, Насыри даёт великолепные наставления и поучения о воспитании детей. В «Книге о воспитании» в тридцать девятом наставлении Насыри обобщает качества, присущие нравственному человеку, и показывает детям качества отрицательные: «Когда одного мудреца спросили: «Как ты понимаешь счастье доброе и счастье злое?», он ответил: «Доброе счастье бывает воздержанным, всегда помнит друзей, оно благочестиво, малословно... безгрешно, учтиво, щедро, милосердно. А злое счастье? Это стяжательство, невоздержанность, болтливость... лукавство, бессердечие, жадность, оно забывает, что жизнь не вечна. О сын мой, это хороший урок для тебя: стремись к доброму счастью и берегись злого».

В книге «Русская азбука для первоначального чтения» встречаются коротенькие отрывки нравоучительного характера, затрагивающие такие вопросы, как отношение к людям, к имуществу, к труду: «Обращайся хорошо со всеми, говори ласково, делай добро, расточай милости и не медли в исполнении добрых дел, чтобы оставить по себе доброе имя в мире...» Или: «Человек никогда не должен оставаться без заботы и труда. Если ты хочешь испытать наслаждение в жизни, живи своим трудом, знанием, наукой...» [9, 75].

На педагогические взгляды Каюма Насыри, как и на взгляды других татарских педагогов-просветителей, большое влияние оказала русская педагогическая мысль и, прежде всего, идеи К.Д. Ушинского, хотя он об этом не пишет. В их педагогической деятельности много общего: они отстаивали значение родного языка в обучении детей, ценили умственный и физический труд, видели в нём источник человеческого счастья и высокой нравственности. Насыри, как и Ушинский, защищая наглядность в обучении, высоко ставит значение учителя и предъявляет к этой профессии большие требования: «Учитель обязан закрепить в душе ребёнка любовь к родителям, родственникам и всему обществу, любовь к труду и знанию, уберечь его от праздности и безделья».

К. Д. Ушинский отводит значительное место в своей книге «Родное слово» фольклорным материалам, широко использует пословицы, сказки, загадки. К. Насыри также интересуется народным творчеством, собирает его, изучает, стремится использовать эти материалы в учебниках. За образец в этом отношении он взял книгу К. Д. Ушинского «Детский мир».

Другой великий татарский просветитель, поэт Габдулла Тукай, также в своих педагогических исканиях опирался на К. Д. Ушинского. Такие его идеи, как народность, гуманизм, любовь к родному языку, вооружение учащихся подлинно научными знаниями и подготовка их к труду, звучат в унисон с идеалами учителя русских учителей. В учебниках Г. Тукая «Новое чтение» («Яна кыйраэт») и «Уроки национальной литературы в школе» («Мәктәптә милли әдәбият дәресләре») чувствуется влияние К. Д. Ушинского. Г. Тукай считает родной язык важнейшим средством воспитания и обучения. Если К. Д. Ушинский обвинял русских дворян в том, что они предпочитали своему родному языку французский или немецкий, то Г. Тукай критикует попытки высших слоёв татар обучать своих детей на арабском, персидском или турецком языках, игнорируя свой родной язык.

Просветительские идеи Каюма Насыри были восприняты многими татарскими педагогами и писателями, которые считали себя его последователями. К их числу следует отнести Габдрахмана Ильяси, Таиба Яхина, Ибрагима Терегулова, Шакирджана Тагири и др.

Габдрахман Ильяси вместе с Насыри собирал этнографический и фольклорный материал. Фатих Хамеди продолжил издательское дело К. Насыри, печатая настенные календари на татарском языке.

Таиб Яхин издал книгу «Рассказы и пословицы, желательные для мальчиков и девочек, также удивительные относительно вразумления взрослых примеры». Этот сборник был составлен в духе принципов Каюма Насыри, соответствовал его взглядам на детскую литературу и носил исключительно светский характер. Чтобы укрепить нравственное воздействие рассказов, Таиб Яхин подкрепляет их в конце педагогической афористикой татарского народа. Далее автор приводит свод татарских пословиц и загадок. Усвоив идею Насыри о народности воспитания, Т. Яхин большое значение придавал использованию устного народного творчества в учебных и воспитательных целях.

Знаменитым последователем взглядов Каюма Насыри был известный татарский писатель и педагог Г. Г. Ибрагимов (1887 — 1938).

который занимался педагогической деятельностью: работал учителем в медресе, преподавал в татарских школах в Киеве, Дагестане, в аулах Казахстана, обучая детей кочевников, а также в различных высших учебных заведениях и средних школах после революции. Многие его художественные произведения имеют педагогическое содержание, например, романы «Молодые сердца», «Наши дни» («Безнен кон-нэр») и др. Под влиянием идей Насыри, передовых идей русской литературы Г. Ибрагимов воспринял идею народности воспитания: «Все дела нации — её писатели, поэты, учителя, школы — связаны с народностью, с особенностями данного народа». Он признавал большую роль народных масс в создании духовной культуры и систем воспитания, поэтому высоко оценил воспитательно-образовательное значение устного народного творчества, призывая учителей внимательно изучать произведения народного творчества: «Они — единственные богатые источники национального языка и литературы... Они — единственные средства для изучения психологии народа... зеркало народной души...» [17, 90].

Наряду с другими прогрессивными мыслителями татарского народа, Галимджан Ибрагимов отстаивал светскость школы и научное содержание обучения в ней, разрабатывал учебные планы, программы и учебники, требуя коренной реформы татарской школы на основе европейской системы с изучением таких предметов, как русский и родной языки, история, география, химия, физика. Он ратует за связь школьного дела с жизнью татарского народа, за воспитание, отвечающее потребностям его культурного развития. Народный дух, народное творчество, родной язык должны пронизывать все ступени просвещения, а народное творчество должно войти в учебники: «Если мы включаем произведения народного творчества в книги для чтения, то тем самым возбуждаем в детях любовь и понимание своего народа, невольно вовлекаем их в круг жизни татарского народа». На него оказали влияние взгляды русских педагогов и просветителей К.Д. Ушинского и Л.Н. Толстого, отводивших большое место произведениям русского народного творчества. В статье «Мы - татары» он отстаивает самобытность татарского языка, утверждая, что татар, имеющих свою культуру, традиции, нельзя считать разновидностью турок, как это утверждали пантюркисты. Он отстаивал фонетический принцип правописания

сания, требовал обозначения каждого звука татарского языка соответствующей буквой, составляя школьные учебники, он, прежде всего, имел в виду складывающийся в те годы литературный татарский язык, опираясь на живую разговорную речь. В его книге «Теория татарской словесности» («Эдэбият кануннары») изложены теоретические и практические стороны методики преподавания литературы.

В своих рецензиях Г. Ибрагимов восторженно отзывался об учебнике «Уроки национальной литературы в школе» татарского народного поэта Г. Тукая, где содержатся значительные образцы родной литературы, возбуждающие у детей чувство любви к родному языку.

Хотя ведущее место в своих трудах Г. Ибрагимов отводил умственному воспитанию и разработке проблем дидактики и методики, он нисколько не умалял значения и других сторон воспитания, придерживаясь принципа народности воспитания, критикуя оторванное от жизни воспитание молодёжи в татарских медресе и мектебах, для соединения обучения с трудом считал особенно удобным сельскохозяйственный труд, который даёт ребёнку радость и наслаждение. Подчёркивая большую роль примера старших, Г. Ибрагимов в то же время резко осуждает единственный ведущий принцип педагогики ортодоксального ислама — преклонение перед старшим, безусловную авторитарность воспитания. В ряде своих статей Г. Ибрагимов призывал татар к обучению детей живописи и музыке (статья «Живопись» - «Рэссамлык»), так как эти виды искусства оказывают огромное воспитательное влияние в сфере эстетического воспитания.

Высоко ставя народную систему физического воспитания с подвижными играми, для старшего школьного возраста, отчасти и подростков, он рекомендует татарскую народную борьбу, скачки, конно-спортивные состязания, положительно оценивает татарские народные праздники сабантуй и джиен (жиен), эстетика и физическая культура которых оказывали большое влияние на развитие молодёжи. Г. Ибрагимов подчёркивал большую воспитательную роль семьи, считая, что мудрые бабушки и дедушки, хотя и не получившие систематического научного образования, владеют эмпирическими знаниями и могут положительно влиять на молодёжь. Образ такого народного мудреца и наставника Г. Ибрагимов вывел в романе «Молодые сердца» («Яшь йорэклэр»)- это старик Ярми.

Народная педагогика в современной школе

Сегодня национальную школу характеризует, прежде всего, обучение детей на родном языке. Без языка нет нации, в нём отражена душа народа, его самобытность, многовековая мудрость народа. Национальная школа передаёт детям нравственные устои, традиции, духовные ценности, историческую память своего народа. Традиции, фольклор, национальный эпос, музыка и живопись, художественные промыслы и ремёсла, педагогика и народная медицина, философия и религия — всё это входит составной частью в программы национальной школы. Но национальная школа не является закрытой системой, она открыта другим культурам, особенно культурам народов-соседей.

Татарские школы существуют не только на территории Татарстана. Функционируют они в Башкортостане, Сибири, Поволжье. Из истории Самары известно, что в 30-40-е годы в городе было несколько татарских школ, издавалось семь татарских газет. Для подготовки учителей национальных школ открывались в педагогическом институте факультеты.

Система национального образования Самарской области имеет достаточно развитую сеть: почти 220 школ в сельских районах, национальные отделения по подготовке кадров в Самарском педагогическом колледже № 1, где с 1993 года готовят учителей начальных классов для национальных (татарских, мордовских, чувашских, башкирских) школ и в Государственном педагогическом университете. Главным управлением образования утверждено несколько вариантов учебного плана для национальных школ, разработанных специалистами межнационального учебно-методического центра СИПКРО, где изучению родного языка и национально-культурного компонента отводится максимально возможное количество часов, причём без ущерба для других предметов.

История создания татарской школы в Самаре начинается в первые годы двадцатого века. В 1907 году по ходатайству самарских магометан началось строительство мечети со школой. Координатором строительства был выбран будущий член Самарской Думы Махмуд Хусаинович Баишев. От лица всех татар города на заседаниях Думы он требовал просвещения для детей мусульман. После открытия мечети и школы в 1913 году по просьбе татар он поехал в Казанскую губернию и привёз оттуда учителей — супругов Тинбековых,

которые долгое время жили в Самаре, обучая татарских детей. В школе дети изучали родной язык, географию и другие науки.

В настоящее время в Самаре действует татарская школа «Яктылык», которая была открыта в 1997 году при содействии губернатора, городской администрации и татарского культурного центра «Туган тел». Это светская школа. Школа даёт среднее образование в сочетании с углубленным национальным курсом. Учебный план основывается на изучении родного татарского языка, истории татарского народа, истории религии. Со второго класса начинается изучение английского языка, с пятого класса — арабского языка, изучается русский язык. Дети в этой школе воспитываются в атмосфере равноправия двух языков, например, таблички на кабинетах написаны и на татарском, и на русском языках. На уроках музыки разучиваются татарские песни, при школе действуют кружки с национальным уклоном: танцевальный, литературный, где детей приобщают к татарской поэзии; драматический, где ставятся спектакли на родном языке. Цель школы — сохранить язык и историю своего народа. В школе, помимо татар, учатся и башкиры, и дети от смешанных браков. Действует воскресная школа, в которой всех желающих обучают основам ислама, татарской письменности на арабской графике.

В основу обучения в современной татарской школе положена мудрая народная педагогика: дети приобщаются к корням, к истокам своего народа, знакомятся с его обычаями и традициями, праздниками и этикетом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Я.Г. Абдуллин. Татарская просветительская мысль. — Казань: Татар. книжн. издат., 1976.
2. Р.М. Амирханов. Татарская социально-философская мысль средневековья. Кн. 1. Кн. 2. — Казань: ИЯЛИ, 1993.
3. В. Бащын, М. Кузьмин. Интересы этносов и государства: на пути к возрождению // Народное образование. — 1994. — № 4. — С. 6-9.
4. Л. Буслаева. История развития школы и просвещения народов СССР с 10 в. по октябрь 1917. — Горький: ГГПИИЯ, 1974.
5. Т.И. Ведерникова. Этнография и праздничная культура народов Самарского края. — Самара, 1991.
6. Г.Н. Волков. Этнопедагогика. — Чебоксары: Чуваш. книжн. издат., 1974.

7. Н. И. Воробьёв. Казанские татары. — Казань: Таткнигоиздат., 1953.
8. Ш. Галимов. Светлый день знаний / Азан, 1998, 3 сентября. — С. 1-4.
9. В. М. Горохов. Каюм Насыри как педагог // Советская педагогика. — 1947. — № 2. — С. 66-78.
10. А. Каримуллин. Татары: этнос и этноним. — Казань: Татар. книжн. издат., 1988.
11. Насыри Каюм. Книга о воспитании. — Казань: Татар. книжн. издат., 1992.
12. С. И. Раимова. К вопросу использования татарских народных традиций в эстетическом воспитании / Из истории педагогики Татарии. — Казань: КГПИ, 1972. С. 85-97.
13. М. Сафин. Во благо Самары и её жителей / Азан. — 1997 — № 3, № 4.
14. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. — М.: Наука, 1967.
15. Р. Хайруллин. Учебники нового поколения // Народное образование. — 1994. — № 4. — С. 112-116.
16. Я.И. Ханбиков, Э. Х. Галеев. Татарские народные традиции физического воспитания / Из истории педагогики Татарии. — Казань: КГПИ, 1972. - С.73-85.
17. Я.И. Хинбиков. Общественно-педагогическая деятельность и взгляды Г.Ибрагимова (1887-1938) / Из истории педагогики в Татарии. — Казань: КГПИ, 1967. - С. 75-148.
18. Я.И. Ханбиков. Последователь Ушинского / Учительская газета. — 1975. — 13 февраля.
19. Я.И. Ханбиков. Русские педагоги Татарии и их роль в развитии просвещения и педагогической мысли татарского народа. — Казань: КГПИ, 1968.
20. Я.И. Ханбиков. Татарские педагоги-демократы конца XIX и начала XX вв. // Из истории педагогики Татарии. — Казань: КГПИ, 1976. С. 37-56.
21. Н. Целищева. Социальный институт нации / Народное образование. — 1994. — № 4. — С. 2-3.
22. М.О. Чеков. Зарождение и функционирование системы частных и общественных заведений Поволжья (19 — 20 вв.). — Самара: СГПИ, 1994.
23. О. Чечурина. «Здесь все свои...» / Волжская заря. — 1998. — 14 февраля.
24. «Яктылык» значит свет / Волжская коммуна. — 1997. — 18 июня.

*Что толку восхвалять богатства,
В них лишь невежды видят прок.
Хвалы достойны труд и братство -
Добра и мудрости исток.*

Амир Хосров Дехлеви

Узбекская нация сложилась из многочисленных племен и народностей, однако лишь карлуки, чигиль, халадж, аргу, тухсы, ягма специально изучались этнографами (М.В. Сазонова, Г.П. Снесарев, К.Ш. Шаниязов и др.).

Узбекский национальный характер сложился под влиянием исторических условий, которые сохранились благодаря национальной системе воспитания и претерпели эволюцию вместе с условиями жизни узбекского народа.

Узбекская семья

До конца XIX века основной и преобладающей формой семьи была большая патриархальная семья (катта оила), наряду с которой существовала индивидуальная семья (оила). Разновидностью полигамной семьи у узбеков-карлуков была большесемейная община, состоявшая из отца, матери, сыновей и их жен и детей. Нередко членом такой общины являлся брат (братья) и его (их) жены и дети, а также дети умерших родителей. Численность таких семей доходила до 25-30 и более человек. Главенствующую роль играл отец, а в его отсутствие - мать или один из старших сыновей.

Отношения между членами семьи носили характер патриархальный, положение женщин было неполноправным. Во главе семьи стоял не старший по возрасту, а наиболее авторитетный из ее членов. Все сельскохозяйственные работы вели мужчины, а женщины, кроме домашней работы и воспитания детей, принимали участие в сборе урожая. Таким образом, в семье был строгий порядок распределения труда. Деньги в семье узбеков были общие — ни у кого не было обособленного источника дохода.

Большая патриархальная семья как звено в эволюции форм семьи от полигамной к моногамной укрепилась в VII-III в.в. до н.э. Для неё характерны: замкнутый характер жизни, косность и консерватизм, отсутствие нововведений, подавление воли членов семьи со стороны старших, унижение чувства человеческого достоинства, непререкаемый авторитет старшего.

Экономической основой являлись земельные угодья и скот, раздела которого старались не допускать. Семья жила в большом доме-усадебке по 3-4 поколения. Пища готовилась в общем котле, хлеб (лепёшки) пекли в общем очаге (тандыре).

Начало перехода от господства патриархальных семейных общин к малой семье у кочевников Средней Азии может быть отнесено к середине первого тысячелетия нашей эры. Этот этап завершился к X-XII в. (местами община дожила до XIX-XX вв.).

В процессе распада большой патриархальной семьи и перехода в малую, моногамную, сложилась переходная форма семьи (состоявшая не из 3-4, а из двух поколений: женитьба внука приводила к выделению новой семьи). Большую роль в распаде патриархальной семьи сыграло присоединение Средней Азии к России и проникновение товарно-денежных отношений. Решающим фактором также является развитие форм собственности (от общественно-родовой к частной), тесно связанное с переходом хозяйства от натурального к товарно-денежному. Однако выделившиеся в результате распада малые семьи ещё долго продолжали сохранять между собой хозяйственные и родственные отношения — возникли семейно-родственные группы, так называемые «бироды» — «дети одного отца».

Малая индивидуальная семья в конце XIX - начале XX в. была господствующей формой семьи в Узбекистане. Она состояла из 4-6 человек и сохранила много черт, присущих её предшественнице, например, патриархальность, многоженство, что было санкционирова-

но не только обычаем, но и шариатом, хотя не носило массового характера. Прежде всего оно было связано с экономическими возможностями и поэтому встречалось, как правило, в зажиточных семьях, у крупных баев (такие семьи были очень недружными из-за постоянных ссор между женами).

В семьях средней зажиточности положение детей и, главным образом, мальчиков, ничем не отличалось от положения работников. Почтение к отцу в семье выражалось в определённой этике: при входе его в комнату все, даже его мать, вставали с места и не садились, пока он сам не сядет или не разрешал им сесть; ему подавали воду для умывания и полотенце, а за столом ему первому подавалась еда. Отношения между супругами ярко отражали неравноправное положение жены. Муж был хозяином и по требованиям хорошего тона не должен был оказывать ей внимания, старался её не замечать. Напротив, жена должна была проявлять к мужу всемерное внимание, выполнять все его приказания.

Одной из важнейших проблем в развитии семейно-брачных отношений является соотношение экзогамии и эндогамии. У узбеков наблюдается отсутствие экзогамных норм и очень близкие в отношении степени родства браки: невеста выбиралась из среды своих родственников (за исключением случаев, вызванных нищетой). Брачным возрастом у узбеков-карлуков считался для девушек 14-15 лет, для юношей 17-18. Часто девушку выдавали в более раннем возрасте — 10-12 лет. Девушки не были свободны в выборе жениха и подчинялись в этом отношении власти отца и матери. Получение жен из другого рода и от других народностей тоже практиковалось, что является признаком смешения карлуков с другими группами узбекского народа, а также с другими народами Средней Азии. Излюбленными являлись кузенные браки (женидьба на двоюродных братьях и сестрах). Таким образом, определились формы брака: кузенный; левират (женидьба на вдове умершего брата практиковалась у узбеков-кунградов); сорорат (после смерти жены вдовец часто женился на ее младшей сестре или племяннице); колыбельный стовор (помолвленные дети растут вместе, а затем вступают в брак, не уплачивая калыма, денежного выкупа за невесту, но жених мог и отказаться от своей невесты); брак отработкой (бедняки приобретали себе жену путем отработки у ее родных или же, женившись, оставались у тестя в работниках); брак обменом родственниками, чтобы избежать калыма

(распространен у узбеков-кунградов); брак покупкой (уплатой калыма: так, у узбеков-карлуков в калым входили деньги, продовольствие, одежда и материя); брак похищением (если родители девушки не соглашались на брак или слишком оттягивали время свадьбы, с согласия жениха девушки ее похищали, а после примирения с родителями и уплаты калыма устраивалась свадьба). В 1921 году был издан указ и декрет о запрещении калыма — института купли-продажи женщины. Уплата и получение калыма признавались уголовным преступлением [7,23]. Законным стало только единобрачие.

Для народов Средней Азии стремление иметь большое потомство было одной из частных особенностей их национального характера. Истоки этого следует искать в особенностях социальных отношений, в наличии еще в недавнем прошлом родо-племенных пережитков, при которых столь важное значение придавалось кровно-родовому моменту, обилию родни и родственным связям, что было критерием почетного положения человека среди окружающих. К человеку, не имеющему родственных связей, - бегону («чужому»), относились с презрением, а отсутствие детей вызывало скорей не сожаление, а осуждение. Бездетность считалась не физическим недостатком или недугом, а роком, результатом воздействия злых сил, порчи (чилл) [17,138].

Таким образом, бездетность является до настоящего времени одной из основных причин разводов, а рождение ребенка, особенно мальчика, отмечается большим праздником. Женщина, родившая сына, пользовалась уважением мужа и его родителей. В честь рождения мальчика устраивались неоднократные угощения, а рождение девочки почти ничем не отмечалось. По случаю рождения ребенка собирались близкие, гости, соседи. О таком доме в народе говорили: «Болалик уй-бозор, болазис уй-мозор», т.е. «Дом с детьми - смех, кутерьма, без детей дом, что тюрьма».

Детями дорожили, с ними обращались всегда мягко, баловали их. Только с семи-восьмилетнего возраста воспитание становилось более строгим, ребенку начинали прививать правила поведения, уважения к взрослым, приучать к труду. Хотя уже к 5 годам дети приобретали первоначальные навыки в труде: убирать игрушки, кормить домашних птиц и животных, поливать цветы. Девочки с 9-летнего возраста считались уже взрослыми, на выданье, поэтому должны были владеть навыками ведения домашнего хозяйства.

Воспитание детей разного возраста было различно: к маленьким детям относились исключительно мягко, нередко обращались на «Вы», прививая им с раннего детства вежливость. Детей в семье ласкали все, в том числе и мужчины, особенно отец и дед ребенка. Они часто гуляли с детьми, завернув их в свои халаты.

В большинстве семей детей до 6 лет неразумно баловали, разрешая им слишком многое: не останавливали, когда они шалили за едой, во время которой в узбекских семьях принят строгий этикет. Считалось, что строгость может огорчить ребенка, отравить ему детство. Резкий перелом происходит в воспитании детей 7-8 лет: прививается дисциплинированность трудолюбие. Традиционно взрослые дети в узбекской семье находились в полном подчинении отца, хотя сыновья пользовались заметно большим его вниманием, чем дочери. Девушка, достигшая девятилетнего возраста, считалась по шариату (мусульманскому закону) достигшей совершеннолетия, поэтому ей полагалось вести себя сдержанно перед старшими мужчинами, особенно перед отцом. Она не осмеливалась даже смотреть ему в глаза. В свою очередь не было принято, чтобы отец приласкал свою дочь, поцеловал ее. Родители мужа занимали главенствующее положение в семье и требовали от остальных безусловного подчинения.

У узбеков-карлуков брак был преимущественно патриархальным, жена переходила жить в дом своего мужа, хотя не исключены и пережитки матрилокальности. Главную роль в выборе невесты играла мать: для сына воля матери была законом.

Обряды узбекского народа

Каждый взрослый человек стремился иметь много детей и сохранить потомство, что нашло отражение в обрядах, традициях, дошедших до наших дней несколько видоизмененными. С этой точки зрения интересны свадебные отряды и ритуал ухода за матерью и новорожденным.

Центральное место во всех случаях занимал ребенок, обычно мальчик, как символ будущего потомства. Во время свадьбы его сажали на колени невесте, когда свадебная арба въезжала во двор усадьбы жениха. Смысл обряда ясен: он должен обеспечить в будущем рождение сына и гарантировать обильное потомство.

Система магических приемов, применяющаяся на свадебных церемониях, преследовала цель не только охранить невесту от возможного колдовства со стороны враждебно настроенных лиц, но и обеспечить будущее потомство молодой четы. Для этого использовались различные магические приемы:

- обереги, амулеты, фетиши (лук, чеснок, хлеб, нож);
- очищение огнем (разжигали костер перед входом в юрту, через который сначала должны были перешагнуть на лошади, сидя верхом, а потом жених невесту на руках обносил вокруг него 2 раза);
- обрядовая занавеска в юрте для новобрачных (чумилдык) от злых духов и дурного глаза;
- ружейная стрельба на свадьбах, похоронах и при рождении ребенка;
- прикрепление к свадебной арбе веток плодовых джиды или тутовника;
- качание невесты на качелях после праздника Рамазан как имитативно-сексуальный прием магии, чтобы вызвать плодородие;
- использование в обрядах яиц, петуха или курицы (любой домашней птицы) как олицетворение плодородия;
- обряд сохранения пуповины и последа хорезмскими женщинами, а также срезанных у ребенка волос, которые заворачивались в кусок ткани или пришивались к шапочке ребенка или привязывались к колыбели.

Так как во время свадьбы родные опасались злых духов и дурного глаза, невесту и жениха старались оградить от всех дурных незнакомых людей, сопровождали их повсюду. Страх перед бездетными женщинами был настолько велик, что их не только не допускали на свадьбу, но и всячески оберегали от них молодых. С культом плодородия связано участие в свадебном обряде множества многодетных, здоровых женщин (они пекли лепешки, одевали невесту). Большой страх у узбеков вызывали завязанный узел веревки, платка, одежды и запертый замок, как колдовские приемы. Около года проходил процесс сватовства у узбеков: семейный совет по этому поводу (масла-

хат), помолвка (потиха), оформление брака (никох) и сама свадьба (туй). Сватовство сопровождалось ритуалами и обрядами:

- калым кести — уплата калыма была равна затратам на свадьбу;
- нон синдириш — дядя невесты по материнской линии ломал лепешку на две части, крошил ее и раздавал всем родственникам;
- тавок кайтармок (возвращение блюда), когда родители жениха отправляли в дом невесты плов, 10-15 лепешек, патир, сладости (ширини), ткани, головные платки и туфли, то же самое делали родители невесты, добавляя халат, тибетейку и поясной платок для установления прочных родовых связей;
- келин салом (приветствие невестки), когда молодая знакомилась с родственниками мужа.

Пережитком матрилокального брака (когда молодые поселялись у родителей невесты) были тайные свидания жениха с невестой (кан-нык) у нее в доме. В этот период женщина должна была забеременеть, иначе она считалась бесплодной.

Среди семейных обрядов важное место занимают те, что связаны с рождением и воспитанием детей. Их главной целью было во что бы то ни стало сохранить жизнь ребенку, так как смертность детей в прошлом в Средней Азии была велика. Семьи, в которых из 10-12 детей выживало 2-3, были обычным явлением, что объяснялось бессилием народных целителей, табибов, лечивших болезни огнем, избиением, заговорами.

Во все четыре угла комнаты, где рожала женщина, прикреплялось по куску ваты; в Южном Хорезме от злых духов и дурного глаза охраняла трава рутаиспанд, которой окуривалась комната [13,77]. Под подушку роженицы клали обереги, чтобы она не видела плохих снов.

Сразу после рождения ребенка купали в теплой воде, куда клали кусочек соли, глины со стены, скорлупу от яйца, серебряные или золотые кольца, которые, по преданию, обладали магической силой и способствовали тому, чтобы ребенок рос крепким и здоровым. Комочек земли символизировал богатство, достаток, здоровье и счастье. Новорожденного заворачивали в халат пожилого человека, что, якобы, сопутствует долголетию. О рождении ребенка полагалось сообщать в первую очередь дедушке, а уж потом отцу. Первой пищей роженицы было яйцо (культ плодородия), вареные и копченые бараньи

ноги (чтобы ребенок быстрее начал ходить). Особое внимание уделялось ребенку в период чилля (40 дней), когда никого к нему не допускали, кроме матери. Чтобы известить других о рождении ребенка, на самом видном месте прикрепляли чаман (цветник) — срубленное деревце со сладостями, чтобы сделать мать плодovitой. Спустя сорок дней разрешалось родственникам и гостям прийти и посмотреть на ребенка (юз горим), поздравить мать.

Далее каждое событие отмечалось праздником (туй): первое купание ребенка; дыштой, когда прорезался первый зуб (гостей кормили супом из бараньей головы — калла шурпа); соч-той (кокиль-той), когда ребенку стригли волосы; бенник-туй (той) — ребенка клали в люльку; суннат-той (обрезание).

Когда ребенка клали в люльку, к его шапочке прикрепляли турмача (от злых духов и завистливых глаз, сшитый из ткани с заложенным внутрь текстом благословений). К шапочке прикрепляли бусину (гюзмунжик) или маленький мешочек с семенами перца, солью, мукой. После того как ребенок начинал ходить, к его шапочке пришивались перья филина (ипар) или когти птицы (куштырнак). Подол у ребенка не подшивали до 6-7 лет, «чтобы он нормально рос». Существовал обычай посвящения детей какому-либо святому или шиану, как обет родителей, долго желавших ребенка (назр). Имела место символическая «продажа» ребенка, чтобы обмануть злой рок, когда его относили к почтенной женщине, а затем выкупали. Все эти ритуалы и обряды свидетельствовали о беспредельной любви узбекского народа к детям.

У всех народов всегда считалось, что дружная семья — ключ к счастью, но, чтобы добиться счастья, нужно приложить большие усилия. Проблема любви и счастья всегда была важна для педагогики семейного воспитания. Любовь — неподвластное человеку чувство, поэтому узбеки говорят: «Любови не купишь, сердце не продашь». Несмотря на обычай выдавать девушку без ее согласия замуж, народ всегда ратовал за чистую и искреннюю любовь, основанную на добровольном союзе, взаимной симпатии и уважении (хотя любовь не всегда являлась веской предпосылкой брака). Для того чтобы любить человека, надо его знать, понимать, видеть: «Глаза не видели — сердце не полюбит». Существовала определенная культура поведения влюбленных, например, обычай знакомиться с родителями, род-

ственниками, близкими любимой как дань уважения к ним и способ лучше узнать свою избранницу: «На мать смотри, на дочери женись». Хотя существовал обычай платить за невесту калым, узбеки считали, что «если найдется ровня, отдай девушку бесплатно». В Узбекистане, как и во всей Средней Азии, была традиция ранних браков. Однако народная педагогика советует не торопиться, т.к. нужно время, чтобы проверить свои чувства [15].

При выборе невесты огромное значение имела репутация девушки, общественное о ней мнение. Однако учитывалось и то, что девушку могли оклеветать злые языки. Узбекский народ осуждал наговоры и напраслину: «Каркнет ворона — день себе скрасит, арба остановится — пыль догонит». Интересно, что, вопреки многовековой традиции приумножать состояние, узбекский народ отвергает брак по расчету: «Лучше лечь в холодную землю, чем выйти замуж ради богатства». В невесте ум ценился гораздо больше, чем красота: «Красота нужна на свадьбе, а ум каждый день». Резко осуждалась неискренность не только в любви, но и в жизни: «Утром посеял, что-то соврал, к вечеру враки возами собрал». О чистой, нежной, благородной и преданной любви писал Алишер Навои, узбекский народный поэт и прозаик, на чьих произведениях воспитывались целые поколения молодежи.

Народная мудрость советует молодым беречь любовь всеми силами. Даже в самой хорошей семье бывают ссоры, но в афоризмах они единодушно рассматриваются как естественные закономерные явления: «Дом без еды бывает, а без ссоры никогда». Узбекские мудрецы утверждают, что «любовь без ссор — еда без соли». Однако когда ссоры затягиваются и перерастают в перебранку, то «лучше дом без обеда, чем в доме - обида». Поэтому узбекский народ говорит: «В хорошей семье — как в райском саду, во вздорной семье — как в черном аду». Иногда родители, соседи пытаются вмешаться в спор между женой и мужем, что почти никогда не дает желаемых результатов: «Между мужем и женой встанет только глупец». А своим поведением ссорящиеся ставят себя перед соседями и близкими в смешное положение: «Приятно слушать ссору в доме соседа». К тому же повод для разногласий, как правило, ничтожный: «Поссорились куры из-за петушиного крика». Поэтому народные педагоги советуют избегать ссор: «Уступив один раз, выиг-

раешь десять раз». А если муж и жена любят друг друга, то «ссора между мужем и женой кончается быстрее, чем кисейный платок на солнце высохнет».

Считается, что главенство в семье — важная предпосылка семейных конфликтов. Поэтому народный идеал — гармоничная семья, где «муж-работник, жена-каменщик, муж кирпич носит, а жена строит», «муж-голова, а жена-шея, куда шея повернется, туда голова смотрит». Таким образом, муж — опора, сила, фундамент семьи, а хорошая жена — залог счастья (соответственно, плохая жена — залог несчастья): «Конь плох — желание уйдет, дети плохие — сила уйдет, жена плохая — гость уйдет». Недаром осуждается ленивая, сварливая жена, что часто наблюдалось в случае многоженства: «У многоженца в семье каждый день скандал». Таким образом, с помощью народной мудрости происходило осмысление и определение признаков хорошей семьи как источника счастья. Народная мудрость провозглашает равноправие мужчины и женщины в семье, защищает права женщины, осуждает необдуманные разводы, многоженство: «Избавилась от мужа, который бил больно, да попала к мужу, который бьет часто».

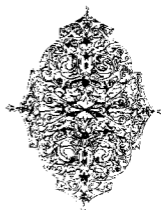
Главная задача семьи — воспитание детей — достойной смены старшего поколения. И здесь решающая роль принадлежит матери и отцу, поэтому узбекская речь так изобилует нежными эпитетами: ота — отец, отажон — мать, онажон (матушка).

Мать — единственный человек, чья любовь к детям бескорыстна, благородна, мудра, безгранична и мужественна. Однако слепая материнская любовь допускает много ошибок в воспитании. Народная мудрость предостерегает и советует: «Коли любишь сынка, нагрузай как ишака, а хочешь сыном гордиться, приучай трудиться». Огромна в воспитании роль отца, его личный пример: «Что на печати, то и на оттиске». Народ приходит к выводу, что достоинства человека не передаются по наследству, все зависит от воспитания: «Дети одного отца, а нравы разные». В идеальной семье дети уважают старших, а взрослые заботятся о младших: «Младших — хвали, старших — храни».

Большое значение имеют отношения детей между собой. По этому поводу узбеки советуют «в детскую ссору не вмешиваться, если в доме тепло — и снаружи не почувствуешь стужи».

Афоризмы узбекского народа

- Учтивость — лодка в море, ярость — шторм,
А мудрость — рулевой на судне том.
- Невежество есть ураган, гроза,
Что засоряет мудрости глаза.
- Есть время для игры, а есть для дел,
Гордись собой — ремесла твой удел.
- Постичь науку торопись,
Развеять скуку торопись.
- Ремесел и наук опора — знание,
Ключ к любым запорам — знание.
- Постигни знаний и науки суть,
А от невежества подальше будь.
- Цена твоя не в золоте и серебре,
А в знанием накопленном добре.

Абдурахман Джами (1414 – 1492)

- Трудом не пренебрёг и чист душой,
В почете он, хоть и халат простой.
- Лицо от жадности души всегда желтеет,
Кто трудится в поту лица, тот богатеет.
- Для всех держи ты стол накрытый свой,
Но не стремись поесть за счет чужой.
- Все, что имел, уйдет, и сам уйдешь,
В делах хороших лишь бессмертие найдешь.
- При жизни так поставь себя,
Чтоб после смерти прославлять тебя.
- Коль хочешь в мире ты и в счастье жить,
С родными связан должен быть.

Хосров Дехлеви (1253 – 1325)

Народная педагогика

Большой педагогический интерес представляет отношение узбекского народа к детям, как объекту и субъекту воспитания. Здесь внимание привлекают такие вопросы, как любовь к детям, отношение к своим и чужим детям, усыновление, особенность воспитания девочек.

Свое отношение к роли воспитания узбекский народ выразил в пословицах: «Дитя — драгоценность, но большая драгоценность — его воспитание»; «Ребенок мил, а воспитанный вдвойне».

В народных воззрениях воспитанию отводилась решающая роль. Узбекская педагогика отмечает как положительное влияние хорошо поставленного воспитания и благоприятных условий и среды, так и отрицательное влияние плохого воспитания, неблагоприятных условий и среды: «Дыня от дыни перенимает цвет и плесень»; «Ум не имеет цены, воспитание — предела». Основы воспитания закладываются в семье уже в раннем возрасте, когда ребенок наиболее восприимчив как к положительным, так и отрицательным воздействиям: «Ум — с годами, воспитанность — с детства».

Хамза Ниязи [3,55] подчеркивал, что «если бы родители с раннего детства хорошо воспитывали своих детей, удерживали бы наш язык от обмана, руку от преступления, сберегали бы наше ухо от клеветы и сплетен, они охранили бы нас от всякого зла и несчастий. Не потакали бы нам, не обращали бы внимание на наши капризы, которые обычны для единственных в семье детей, тогда мы не были бы испорченными. И они тоже бы из-за нас не страдали бы».

«Учи дитя с первого дня — жену с первой ночи».

«Учи сына сызмала, а жену — со свадьбы».

«Отец — сыну наставник».

Однако Навои советует ребенку: «Главу перед отцом склоняй, а сердце матери отдавай», он подчеркивает, что невнимательное отношение матери к воспитанию детей может привести к трагическим последствиям. Это ярко иллюстрируется им в дидактическом стихотворении «Наказание матери, плохо воспитывающей своих детей»:

Однажды поймали мальчика-вора.

Его приговорили к повешению.

Мальчик обратился к палачам с просьбой

Разрешить ему в последний раз

Прикоснуться к груди матери.
Когда мать выполнила его просьбу,
Сын откусил ей грудь и выплюнул.
Свой поступок он объяснил тем,
Что с раннего детства он занимается воровством,
Мать же ни разу не указала ему,
Что этого нельзя делать, а даже хвалила его.
За это он теперь наказан!
Если сын плох, в этом виноваты родители.
После этого шах сначала велел повесить мать,
А потом сына.

По мнению Ибн Сины, матери по природе мягкосердечны и лаской портят характер ребенка, поэтому роль главного воспитателя в семье он отводит отцу, который может использовать и физические методы воздействия: «Слово отца — нож, матери — катышек». В многодетных семьях к воспитанию младших братьев и сестер привлекались старшие дети, поэтому «воспита́й старшего, а младшие сами научатся».

Помимо родителей, огромную роль в воспитании играли бабушки и дедушки, родственники, а также уважаемые старые люди-аксакалы и акыны, народные педагоги, сельская община, махалля.

Махалля — это образ жизни, пришедший из далекой старины, когда по микрорайонам разделялись жилые кварталы и назывались по основному занятию жителей, мастеров-ремесленников: кузнецы, плотники и т.п. В Узбекистане махаллинская общественность обустроивала жилой участок, организовывала хошары, свадьбы, следила за порядком. Население здесь было традиционно связано нормами общегития и коллективной взаимовыручки. Махалля имел свой общественный центр, где находились чайхана, ремесленные мастерские, мечети, небольшой базар. В 1865 г. в Ташкенте насчитывалось 140 махалля, которые уделяли особое внимание подросткам.

Одним из основных правил узбекской педагогики было воспитание детей в среде своих сверстников. В детском коллективе происходит взаимовоспитание, развиваются такие черты, как дружелюбие, настойчивость, упорство (в коллективных играх), выносливость, вырабатываются навыки согласованных действий, подчинения общим нормам и правилам. Словом, окружающая среда становится средством воспитания. А.К. Миноваров утверждает, что эта традиция сохрани-

лась до нашего времени: «Мальчики и девочки выражали традиционную почтительность, вставая и прикладывая руки к груди при поклоне, когда входили старшие. Не принято было отвечать излишне громко. Предосудительным считалось хмуриться, морщиться, ходить с «кислым» лицом» [9,20]. Всякий раз при встрече со старшим младший, по обычаю, поздороваётся первым, а если нужно, предлагает свои услуги. Если мимо дома проходит пожилой человек, хозяин дома поручает детям довести его до места. А. Навои писал: «Долг уважения к людям не забудь, с ровесниками своими умеренным будь».

Узбекская педагогика славится воспитанием в детях не только уважения к старшим, но и чувства гостеприимства: «В узбекской семье исторически культивируется гостеприимство, вежливость, уважение к старшим по возрасту. При приеме гостей или в гостях детей учат соблюдать правила поведения, держаться скромно, с достоинством» [8,20]. Узбеки смысл гостеприимства видят не в обильном угощении, а в теплоте приема гостя: «Хотя у тебя нет пшеничного хлеба, пусть лицо твое будет открытым».

В системе воспитания в узбекской семье особое внимание уделяется воспитанию девочек: нельзя резко двигаться, много говорить, свободно общаться с подругами, беседовать с юношей. Бытовой труд в семье, вышивание, кулинарное дело, уход за младшими способствуют ее сознательному взрослению. С точки зрения полового воспитания девочка-подросток должна иметь определенные знания о правилах личной гигиены. Воспитание хорошей матери (ласковой, заботливой, умной, женственной) — одна из важных нравственно-эстетических задач. В процессе воспитания девочки в семье учитывается ее стремление к попечительской деятельности, точности, аккуратности, исполнительности в выполнении бытовых обязанностей, впечатлительность, ранимость и нерешительность. Важным считается в узбекской педагогике воспитывать у девочки сознательное, дружеское отношение к сверстникам, чувство девичьей чести, достоинства, а у мальчиков — мужскую сдержанность, чуткость, уважение к девочкам.

Еще одна народная традиция — усыновление детей, малышей многодетных родственников и друзей, а также сирот. Узбекская педагогика богата методами воздействия на детей: показ способов выполнения различных сельскохозяйственных работ, ремесел, кузнечного, столярно-плотничных работ, разъяснение и убеждение использовались с целью формирования положительного отношения к

туду; назидание используется старшими по отношению к младшим. Узбекские народные воспитатели включают в свои афоризмы различные педагогические категории: предупреждение, наставление, упрек, приучение, которые детерминируются словом «если»: «Если дурной человек откажется от зла, мир станет цветком»; «Если родина спокойна, лицо твое не пожелтеет»; «Вещи моют водой, ребенка воспитывают приучением».

Для стимулирования детей применялись поощрение и одобрение, так как узбеки уверены: «Дети и боги любят бывать там, где их хвалят»; «Ученика хвалят в глаза, учителя хвалят за глаза»; «Подчиненного хвалят после работы».

Прямой или косвенный намек использовался как средство «воспитания» невесток, понятливых детей: «Умному — намек, глупому — палка». Самым радикальным, действенным средством являлся личный пример воспитателя, его нравственный облик, труд, общественная деятельность, взаимоотношения в семье, отношение к другим людям, вещам, искусству. Чаще всего в узбекской педагогике применялось словесное осуждение плохих поступков. «Палочное воспитание» применялось реже: узбеки считали, что с помощью побоев не приучишь к труду. Укор относился к редким методам воспитания, еще более редким явлением было родительское проклятие [6,161].

Пословицы и поговорки, которые дают ценные сведения по многим важным отраслям эмпирических знаний, охватывают почти все области человеческих взаимоотношений. На них училось и воспитывалось не одно поколение людей. Они создавались всем народом на основе жизненных наблюдений и опыта, исходя из потребностей материальной и духовной жизни общества. Народ высоко ценит эти педагогические миниатюры, так как «в полой воде нет рыбы, в пословице нет лжи». Народные афоризмы создавались с определенной дидактической целью: конечная цель пословиц и поговорок — воспитание. С одной стороны, они содержат педагогическую идею, с другой — оказывают воспитательное влияние. Эти педагогические средства сжаты, лаконичны, назидательны. Например, узбеки свое отношение к труду выражают таким образом: «Взялся за дело — делай хорошо»; «Всякое дело середины боится». В этих миниатюрах заключены нравственные нормы: «Знатный стал — не кичись, не скупись». Насмешка, ирония становятся основным педагогическим оружием: «Раздобыл глупец корову — и родню не признает».

Через пословицы узбекский народ выражал свои патриотические чувства: «Родная земля — золотая колыбель»; «Родина лучше, чем трон Сулеймана» (библейский царь Соломон, обладавший, по преданию, властью над миром духов). В композиционном построении афоризмов видна их педагогическая целесообразность, рассчитанная не только на усвоение истин, но и на то, чтобы они стали неписаными законами жизни.

Помимо родителей, бабушки, дедушки и других родственников, безымянные народные педагоги (аксакалы, акыны) также активно участвовали в воспитании подрастающего поколения. Узбекский народ питает к ним глубокое уважение: «Мудрецы великолепнее жемчуга»; «Слава дедам, источникам разума»; «Что знает старик, не знает и пэри» [15].

Выборочный анализ 655 узбекских пословиц и поговорок показывает, что 450 из них имеют ярко выраженный нравственно-поучительный характер: «Бойся подарков от врага»; «В человеке цени не красоту, а разум»; «В поте лица потрудиться — из земли золото вырастет».

Сказки — сокровища народной педагогики — являются первыми учебниками жизни в семье. Это педагогические сочинения. В сказках в художественной форме отражается окружающий мир, быт, нравы и обычаи народа, его национальная культура, прошлое, жизнь народа в целом. В светлых образах узбекских сказок отражаются мечты простого народа, его трудолюбие, стремление победить темные силы.

Узбекские сказки, как и сказки других народов, имеют свои характерные особенности:

1. Народность, как воплощение народных нравственных черт (любовь к Родине и ее защита; отвага в борьбе со злом; трудолюбие и мастерство; справедливость, верность любви и дружбе).

2. Наличие элементов фантастики (например, в узбекской народной сказке «Волшебный цветок Гулирайхон» цветок исполняет все желания юноши). Оптимизм, образность, увлекательность сюжета, фантастика пробуждают целую гамму ощущений у ребенка. В сказках синонимом истины является добро, которое в народном представлении разумно, а зло глупо (хотя и не всегда).

3. Дидактический характер (поучительные, назидательные сказки развивают творческое воображение детей). Педагогическое зна-

чение сказок состоит в эмоциональной силе их воздействия на детей, в их занимательности.

Узбекские сказки помогают воспитывать у детей любовь и уважение к труду. Например, в сказке «Молодцу и семидесяти искусств мало» народ своеобразно выражает идею воспитания всесторонне развитой личности. Добродушный отец хотел своего единственного сына Алимджана обучить торговому делу, а тот мечтал научиться какому-либо ремеслу, чтобы жить трудом своих рук. Юноша уходит в люди и постепенно становится отличным шахматистом, музыкантом. Когда он выигрывает право на трон в игре с шахом в шахматы, то восклицает: «Не хочу быть шахом, я хочу вернуться в свой город и учить народ грамоте и музыке».

Труд в Узбекистане был связан, прежде всего, с животноводством, шелководством, хлопководством, земледелием, садоводством и народными ремеслами. Труд рассматривался как источник жизни, бесценный дар природы человеку, а поэтому немного идеализировался: «Труд всему отец»; «Завершенный труд благоухает как роза»; «Человек красив именно в труде». Такова заповедь народной мудрости, поэтому обязанностью семьи было воспитание у детей любви к труду с раннего детства. Участие детей в посильном труде узбекская педагогика всегда рассматривала как одно из эффективных средств эстетического, нравственного и умственного воспитания. Особое значение в воспитании подрастающего поколения имели коллективные виды труда («хашар», «уме», «евар»), которые были общепризнанными и надежными формами безвозмездной коллективной взаимопомощи, применявшейся с незапамятных времен в выполнении срочных, ответственных и связанных с большими усилиями и расходами работ и игравшей весьма важную роль в жизни узбекского народа. Они имели большое воспитательное значение: «Душу не вложишь — стену не сложишь»; «Не учись нежностям, учись трудностям».

Узбекский народ высмеивает человека, который ищет легкую работу: «В дождливый день много желающих найдется кур понть». Посмешищем был человек, не задумывающийся о результатах своего труда: «Бесполезное дело — все равно, что писать цифры на текущей воде». Узбекский народ всегда ратовал за добросовестный, полезный труд: «В колхозе богатства чьи? Кто трудится — богачи!»; «Честный труд — сочный плод»; «Крылья у беркута крепнут в полете».

Объектом насмешек всегда были лентяи, лежебоки, которые, захотев есть, просят: «Ты созрей, яблочко, упави с облачка!». Пословица предупреждает мудро: «Ленивый работу делает дважды», «Лентяй берется за работу, когда солнце уже идет к закату». Ленивых не щадят, используя очень действенные методы воспитания: «Скакуну — один удар, кляче тысяча», «Будешь угощать лентяя, дураков прибавится». Народные педагоги заботились, чтобы у детей не проявлялось пренебрежения к труду, ибо «мускулистая рука работающего человека милее и лучше, чем белые ручки, которые любят чужой труд».

Время ребячьих игр в Средней Азии тянется недолго. Девочку рано начинают учить прясть, ткать, шить, делать сыр. Уже в 7-8 лет узбекские дети помогают в обработке почвы, уборке урожая, в уходе за скотом, а в 10-13 лет самостоятельно поливают, управляют водоподъемными сооружениями, так как труд является главным фактором создания материальных ценностей. Именно он становится необходимым условием для нравственного развития молодого человека.

Огромной воспитательной функцией в народной педагогике Узбекистана обладают эпосы, дастаны (поэмы), легенды. Замечательный эпос «Алпамыш» в узбекской, казахской, каракалпакской семьях воспитывает патриотизм, дружбу и чувство верности в любви. «Эпос народа отражает всегда героическую эпоху жизни народа, и только те народы имеют героический эпос, которые вели активную борьбу за свою национальную независимость. Поэтому эпос всегда выражает национальную энергию, его волю к победе» [6, 103-104].

Трудно переоценить воспитательное значение дастанов (поэм), составляющих только в узбекском народе более 300 разновидностей, содержащих почти 100 сюжетов, например: «Айсулу», «Айчинар», «Тулгонай», романтические циклы дастанов «Рустам», «Якка Ахмад», любовно-романтические — «Орзыгуль», «Язы и Зебо» и др.

Большое значение в воспитании детей имели легенды, предания, которые рассказывались с большим мастерством. Народные педагоги строго учитывали уровень развития у детей воображения, мышления, использовали методы в сочетании с образным, выразительным изложением, вызывая у слушающего высокое эмоциональное чувство, эстетическое отношение к действительности, чувство симпатии к героям сказок, легенд, преданий. Они играли также роль образца для подражания. В воспитании детей широко использовались произведе-

ния прогрессивных среднеазиатских поэтов (Рудаки, А. Навои, Мухтумкули), анекдоты (латифы), короткие и остроумные рассказы, построенные на комическом эпизоде (об остроумном и находчивом мудреце Насреддине Афанли, Алдаре Косе и др.).

Таким образом, в педагогической мудрости узбекского народа, как и любого другого, наблюдается довольно четкая дифференциация форм воспитания: пословицы — главным образом для социально-эстетического, загадки — для умственного воспитания; песни — для эстетического, патриотического; сказки — для того и другого.

Народы Средней Азии изначально отличались высокой нравственностью, порядочностью, честностью и благородством.

Об этом можно судить хотя бы по тому, что кража в Средней Азии и Узбекистане, в частности, считается более тяжким преступлением, чем убийство. Поэтому содержанием нравственного воспитания является свод этических норм, моральный кодекс, энциклопедия педагогических знаний.

Узбекский народ всегда прославлял преданность Родине, любовь к народу: «Лучше с жизнью распрощаться, чем с Отчиной расстаться»; «Любовь к земле — любовь к Родине». Трудовому народу всегда было присуще миролюбие: «Два слова: мир и спокойствие стоят тысячи слитков золота».

Нравственные качества формируются в тесной взаимосвязи между людьми, поэтому узбекская педагогика стоит за то, чтобы действовать сообща: «Густую листву и дождь не пробьет»; «Сила веревок — в каждой из ниток». Народ всегда стремился, чтобы воспитание, труд, учеба, общение со взрослыми и сверстниками формировали в ребенке чувство доброты. Народная заповедь гласит: «Делай людям добро бескорыстно, уважай их»; «Добро, сделанное втайне, вознаградится явно».

Народная педагогика не гнушалась и телесными методами воспитания: «Умному — мигни, глупого — ударь». Узбеки единодушно считают, что «за дела добра не ждут наград». А. Навои был

Персидско-таджикский поэт и ученый Омар Хайям (1040-1123 гг.)

А. Навои был уверен, что «слово — лишь тогда оно сильно, когда к добру, как лучи, устремлено».

Великий просветитель X-XI в., ученый-энциклопедист Бируни (Беруни) писал по этому поводу: «Нет позора, когда у благородного исчезает недостаток, но позор, когда у него исчезает стремление к добру» [10,81].

Абу Али Ибн Сина (Авиценна) главным моральным критерием считал такое поведение и такие поступки человека, которые приносят людям добро. Важнейшей предпосылкой добродетели, по его убеждению, является трудолюбие. Праздность ведет к обнищанию и разрушению личности, поэтому труд и физическую тренировку он рассматривал как условия духовного развития и вместе с тем как условия—факторы здоровья человека, как принципы медицинской науки.

Основу народного идеала нравственности составляли прямота, правдивость, честность: «Сидеть можешь криво, но говори прямо»; «Лучше смерть от правды, чем жизнь во лжи». Именно эти качества были центром внимания Хамзы Хаким-заде, узбекского народного просветителя и философа, чья педагогическая деятельность направлялась на воспитание высших моральных качеств в человеке и повлияла тем самым на узбекскую педагогику.

В своем стихотворении «Правдивый мальчик» Хамза противопоставил правду лжи:

Однажды некий мальчуган из школы шел домой.

Вдруг два прохожих перед ним: мол, погоди, стой!

«Послушай-ка меня, малыш, - сказал один, - скажи мне слово лжи!

Я дам теньгу тебе за слово лжи».

Подумал мальчик и сказал: «Ака, за деньги кто ж ложь покупает,

Видно, вам самим привычна ложь.

И если много лжи у вас, чем покупать мою,

Не лучше ль будет вам тот час всю распродать свою?

А если мало будет вам, не хватит вашей лжи,

Просите друга своего: «Твою, мол, одолжи!»

Отсюда ясно: тот, кто лжи совсем не признает,

Кто правду говорит всегда — удачлив будет тот [3, 58-59].

Бируни также проповедовал идеи доброго, чуткого, внимательного отношения к людям, сочувствия чужой беде. Много прекрасных строк посвятил он добру, правде и справедливости: «Как справедли-

вость по своей природе вызывает одобрение, своей сущностью снискивает любовь, привлекает присущей красотой, точно так же обстоит и с правдой» [4,58].

В народном представлении ярким показателем внутренней культуры человека является вежливость: «И приветить — долг, и ответить — долг»; «И в распахнутую дверь не входи без спросу». Узбеки считают, что «одно ласковое слово сломит душу скорее, чем десять ударов».

Заботливо учили детей культуре общения со сверстниками и взрослыми. Ибн Сина даже преувеличивал влияние окружающей среды на душу ребенка, которую он считал «чистой доской» (*tabula rasa*). Хамза придавал такое же значение воспитанию. Бируни сделал попытку объяснить потребность людей, детей в постоянном общении друг с другом материальными потребностями: «Потребности же столь неоднородны, что сам человек не в состоянии их удовлетворить, и для этого недостаточен один помощник. Потребности разнообразны и многочисленны, и только сообщество нескольких человек может их удовлетворить» [10, 76].

Диалектику становления товарищеских отношений восточные народы выражают так: «Видел раз — знакомый, видел два — товарищ, видел три — друг». Высшей формой товарищества у узбеков является дружба, общность интересов, убеждений, даже схожесть характеров: «Если твой друг плох, ты сам плох». Поэтому узбеки советуют: «Если хочешь узнать человека, посмотри на его друзей». Большое значение уделяется дружбе, товариществу, «драгоценным дарам жизни». Раскрывая характерные черты дружбы, мыслители требуют воспитывать детей в духе товарищества и взаимовыручки: «Счастье в искреннем друге с похвальным характером, ведущем достойный образ жизни». Узбеки при необходимости советуют прибегнуть и к крайним мерам: «Ради друга яд проглоти».

Взаимная симпатия, верность другу, постоянное общение и, что более важно, готовность оказать помощь в беде — вот черты настоящего друга: «Друг тот, кто вовремя приходит на помощь». Самый страшный враг — это бывший друг, поэтому на Востоке говорят: «Дружба на время — это рабство навечно». Настоящий друг тот, чья дружба проверена годами: «Приобитай нового друга, да не забывай старого — старого друга и старую дорогу легко теряют». Старое, как считает узбекский народ, не стареет никогда, стареет лишь новое:

«Старого друга цени больше брата». Одна из заповедей узбекской педагогики: «Лучше дружбу хранить, чем сокровища копить». Но нет идеальных людей, поэтому народная мудрость советует не искать друга без недостатков: «Не ищи безупречной пищи — останешься голоден, не ищи безупречного друга — останешься один».

В узбекской педагогике существуют противоположные взгляды, в данном случае не терпенье и торопливость: «Медленная утка первой прилетит»; «На доньшке терпенье — золото желтеет». И тут же то, что ставилось в заслугу (терпение, осторожность) превращается в недостаток: «Ожидание хуже смерти».

Народные педагоги ценили такие нравственные качества, как благородство и доблесть. По мнению Бируни, «доблестный человек славен своей обходительностью, милосердием, твердостью, терпеливостью, достоинством одновременно со скромностью; он достигает высокого сана, хотя и не принадлежит по происхождению к таким людям, и возвышается по заслугам, а не по древности рода». Он считает, что следует гордиться не знатностью происхождения, а стремлением к достоинствам.

Нравственные качества уже в IX-X вв. рассматривались учеными-энциклопедистами Востока как приобретенные, т.е. человек мог выработать положительные нравственные качества и отказаться от плохих. Так Фараби, Ибн Сина, Омар Хайям считали, что нравы приобретаются двумя путями: в процессе размышления и выработкой привычки.

Умственное воспитание новых поколений было предметом постоянной заботы народа: «Без знаний работы не добыть, без работы сытому не быть». Представление о том, что знание — это орудие мышления, результат целенаправленного усвоения фактов и понятий, нашло отражение в пословицах: «Хоть тверда земля ученья, урожай — навверняка»; «Главное богатство в умной голове».

Узбекский народ выработал свои собственные дидактические принципы обучения и приобретения знаний, считая, что абстрактные знания не имеют практического значения: «Грамотей без опыта — что пчела без меда»; «Что не сам скопил, не ценишь, что не сам узнал — забудешь». Прочные знания закладывались с раннего детства: «Ученье в детстве — это резьба на камне». Основной источник знаний — книги: «Восход солнца природу пробуждает, чтение книги голову просветляет».

Родной язык выступает важнейшим фактором умственного воспитания детей. С первого родного слова матери, впервые услышав собственное имя, ребенок начинает познавать мир. Узбекский народ уверен, что вместе с нежными словами материнской колыбельной песни ребенок усваивает родной язык, а через него чувства человеческой доброты, нежности, чуткости, красоту жизни. Поэтому учиться никогда не поздно: «Ученье не имеет конца»; «Не бойся, что не знаешь, бойся, что не учишься». Узбекский народ всегда отрицательно относился к невежеству, глупости: «Глупый еду теряет и ту, что уже, было, лежала во рту»; «Дураки не дерева: на малых и больших не делятся»; «Вот и дело у глупца: искать угол у яйца».

Заслуживает внимания отношение узбекского народа к учителю-воспитателю: «Ради учителя следует даже кинжал проглотить». Справедливый и требовательный учитель уважаем: «Строгость учителей лучше ласки отца». Народ готов простить учителю возможные ошибки в работе, но его репутация должны быть безупречной.

Мышление детей развивали загадки, приучали анализировать предметы и явления из различных областей действительности, обогащали ум сведениями об окружающем мире:

«Вращаясь, вращаясь, ханум пополнела» (веретено).

«В темной кибитке тигр рычит» (мельница).

«Молчком лежит, внезапно хватит» (капкан).

Развитию речи детей способствовали скороговорки, цель которых — научить безошибочно и быстро произносить сложные слова. Тот, кто ошибается, должен исполнить какое-либо желание своих товарищей. Широко использовались считалки: «Одно колесо, две коровы, три виноградника, четыре грозди, пять кошек, шесть мальчиков, семь костюмов, восемь корзин, девять преград, десять халатов. Узнай сколько всего?»

Ибн Сина считал, что умственное воспитание должно осуществляться через изучение наук, а нравственное — через упражнения в добродетелях, главные из которых — воздержание, храбрость, мудрость и справедливость. А. Навои проповедовал любовь к учению в своих произведениях: «Учиться нужно 30, 40 лет, чтобы открылся избранному свет». Идея всеобщего обучения детей содержится в книге Ибн Сины «Ва Тадбири манзел»: он предлагает сочетать ум и физические упражнения и игры в обучении детей в школе, а также исполь-

зовать методы беседы. По его мнению, коллективный характер занятий способствует развитию у детей дружбы, уважения друг к другу.

Узбекский народ выработал свои нормы, методы и средства физического воспитания молодого поколения. Забота о здоровье ребенка, его нормальном физическом развитии, воспитание выносливости, ловкости, сноровки — в центре внимания. Физическое воспитание нашло отражение в детских играх, национальных видах борьбы, спортивных соревнованиях. Физическое развитие детей — залог их здоровья: «Две вещи обнаруживают свою ценность после потери их — здоровье и молодость». Узбекский народ выработал ряд разумных методов лечения: «Если болит живот, придержи рот», «Если болят глаза, придержи руки свои»; «Кто курит, у того горят нутро и деньги».

Большое значение придавалось качеству питания: «Тяжелую болезнь хорошая пища лечит». Лечебными свойствами обладают молочные продукты, поэтому предлагалось их использовались в качестве лечения: «И чего отец хотел, и что врач прописал — молоко». Народная медицина имеет богатую историю: об использовании лекарственных растений уже была написана энциклопедия «Канон врачебной науки» и «Книга исцеления» Ибн Сины. Желая видеть потомство здоровым, смелым, сильным, мальчикам давали имена с символическим значением: Куват (сила), Палван (богатырь), Арслан (лев), Мурад (желанный), Камиль (зрелый) и т.д. В узбекских народных эпосах и сказках воспевается народный идеал физически закаленного, смелого и сильного героя.

Национальные игры — важное средство физического развития и воспитания. Теплые климатические условия Узбекистана способствовали проведению подвижных игр на свежем воздухе. Большая часть их приходится на весенне-летний период. Обычно девочки играли отдельно от мальчиков, во время игры старшие следили за игрой, в которой видели особые приметы: «Если дети, выйдя первый раз играть, играют мирно, не ссорятся и игры их носят мирный характер, значит год должен быть спокойным, и, наоборот, год будет не спокойным, если дети ссорятся».

При описании жизни узбеков-карлуков отмечается, что дети 8-10 лет (девочки и мальчики) играли вместе в подвижные игры: «Мехмон-мехмон» (гости-гости), когда разыгрываются разные ситуации угощения, гостеприимства; «опа-ота» (мама-папа), когда дети подражают своим родителям, занимаясь домашними делами; «яшинмачок» (игра в

прятки); «тош-отар» (игра в камешки), когда подбрасываются в воздух камешки один за другим и затем ловятся, постепенно количество камешков увеличивается; «ок сунак» (белая кость), когда в лунную ночь кость закидывает один из игроков, а остальные ищут; «аккол» (игра в чиж); «шиги-уйин» (игра на шариках).

Наиболее яркими были игры с припевами, детские песенки и присказки, связанные с цветением различных растений и прилетом птиц. Когда весной появляется первый желтый цветок («бой чечак» - богатый цветок, т.е. «гусиный лук»), дети собирают букетики, привязывают их на длинные палки и ходят по 8-10 человек по дворам, поют весенние песни. Этот обычай называется в Узбекистане «Гульгардонни» (хождение с цветами). Прилет птиц весной сопровождается песнями, поговорками, поверьями, приметами. Считалось, что птицы приносят весну и счастье, поэтому, заметив первый раз весной аиста, дети кричат: «Аист прилетел, змея, беги!».

В Узбекистане существует много календарно-бытовых праздников и развлечений. Среди них наиболее популярен «навруз» - весенний праздник в день весеннего равноденствия (22 марта). В этот день проводятся национальные игры, соревнования, готовятся ритуальные блюда из ростков пшеницы (сумаллак) и сахара. По ритуалу угощение должно состоять из семи блюд (7 — счастливое число). В хлопкосеющих районах очень популярен «пахта байрам» - праздник хлопка, урожая, сопровождающийся народным гулянием и спортивными соревнованиями.

Совершенный человек в узбекской педагогике — это совершенный человек, обладающий «хорошим нравом и силой ума», сочетающий в себе и проницательность в науках, и твердость в действиях и усилиях делать добро всем людям, приносить пользу человечеству. Стилизованное самодельное изображение лука и стрелы, подаренное новорожденному, означало пожелание стать смелым и здоровым. Придуманная матерью красивые бубенчики на руках ребенка своим звучанием придавали очагу самобытную прелесть. Пестрая, разноцветная веревка для колыбели, погремушки из особого сорта тыквы, имеющие мелодичное звучание, вышитый мяч, различные предметы быта с национальным орнаментом — все создавало определенную эстетику быта, которая входила в жизнь ребенка.

Богатейшим источником эстетического воспитания является музыка. В Узбекистане она характеризуется разнообразием жанров и

тематики, танцевальным сопровождением. Поражают разнообразием народные музыкальные инструменты: струнно-смычковые (кобуз, гиджак); струнно-щипковые (домбра, рубаб, дутар, танбур); струнно-ударные (чанг); духовые тростевые (сурнай); флейтовые (най); ударно-мембранные (дойра, нагора); самозвучащие (софоил, кошук).

В Узбекистане высоко развито прикладное искусство (декор), связанное с изготовлением необходимых в быту предметов: посуды, домашней утвари, одежды, украшений из цветных металлов (браслеты, кольца, амулеты). Изготавливались мелкие терракотовые и керамические изделия, вырабатывались различные ткани из хлопка, шелка.

Стремление узбекского народа жить по законам красоты нашло отражение в афоризмах о красоте человека, где воспевается, прежде всего, внутренняя красота его души, характера, поступков: «Красота — до вечера, доброта — до смерти».

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамзон С.М. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии. — КСИЭ, 1957.
2. Бикжанова М.А. Семья в колхозах Узбекистана. — Ташкент, 1959.
3. Бабаханов А. Педагогическое и литературное наследие Хамзы Хаким-заде Ниязи. — Ташкент, 1978.
4. Бируни, Абу Райхан Мухаммед ибн Ахмед. Собрание сведений для познания ценностей. (Минералогия)/Пер. с араб. А.М.Беленицкого. — Л.: АН СССР, 1963. С.2-20.
5. Волков Г.Н. Этнопедагогика. — Чебоксары, 1974.
6. Измайлов А.Э. Народная педагогика: Педагогические воззрения народов Средней Азии и Казахстана. — М.: Педагогика, 1991.
7. Кисляков Н.А. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. — Л., 1969.
8. Миноваров А.К. Развитие семейного воспитания в Узбекистане. — Ташкент, 1984.
9. Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. — Казань, 1886.
10. Нурутдинова З.Г. Педагогические идеи Абу Райхана Бируни. — Ташкент, 1968.

11. Очерки истории школы и педагогическая мысль народов СССР с древнейших времен до конца XVII века / Отв. Ред. Э.Д. Днепров. — М.: Педагогика, 1989.
12. Сазонова М.В. К этнографии узбеков Южного Хорезма. — ТХАЭЭ, Т.1. — М., 1952.
13. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. — Ташкент, 1984.
14. Талашов Х.Х. Общепедагогические и дидактические идеи ученых-энциклопедистов Ближнего и Среднего Востока эпохи средневековья. — М., 1969.
15. Узбекские народные пословицы и поговорки / Пер. и сост. А. Наумов. — Ташкент: Узбекистан, 1985.
16. Шаниязов К.Ш. Историко-этнографический очерк карлуков южного и западного районов Узбекистана. — Ташкент, 1958.
17. Шаниязов. К.Ш. Узбеки-карлуки. — Ташкент, 1964.

ЧУВАШСКАЯ ШКОЛА И ПЕДАГОГИКА

Чаваш, основное население — чуваш, 907 тыс. человек. Живут в Татарии (134,2 тыс. человек), в Башкирии (118,6 тыс. человек), в Казахстане (22,3 тыс. человек), на Украине (20,4 тыс. человек). Общая численность 1842,3 тыс. человек. Говорят на чувашском языке тюркской группы алтайской семьи.

Народная педагогика старше педагогической науки, образовательно-воспитательных учреждений и первоначально существовала независимо от них; она скорее располагается в сфере искусства, хотя является предметом

науки. Термин «этнопедагогика» полно и точно передает содержание и сущность науки, предметом которой является педагогическая культура рода, племени, народности и нации. Этнические особен-

ности являются результатом этнического воспитания и влияния соответствующей этнической среды.

В каждом народе есть нереализованные внутренние возможности роста, развития и расцвета. Всемирная история воспитания исключает всякую этническую особенность — речь может идти о реализованных и пока не реализованных возможностях нации и расы, педагогики и воспитания.

Народная педагогика есть педагогика масс, которая проникает в самую сущность народной жизни. Педагогическая культура складывается из предметов, чувств, умений, навыков и знаний. Любовь к детям — важнейший компонент педагогической культуры человека. Эволюция общественной жизни расширяет общественный кругозор людей, что влечет за собой повышение уровня педагогической культуры. Многовековой опыт народной педагогической культуры требует широкого использования, так как имеет отношение к духовному обогащению подрастающего поколения.

Традиции народной педагогики

Тесное общение чувашей с русскими, татарами, марийцами и мордвой привело к их педагогическому содружеству. Чуваши в воспитании детей стремились использовать опыт братских народов. Об этом свидетельствуют чувашские пословицы: «Если переедешь Волгу, ума прибавится». Круг использования передового опыта воспитания при благоприятных обстоятельствах постепенно расширялся: семейный опыт становится опытом многих семей данной улицы, опыт улицы становится опытом деревни и т.д. Систематическими были встречи детей и молодежи соседних народов, устраивались общие праздники, например, певческий праздник чувашей и марийцев. Взрослые всегда присутствовали в качестве наблюдателей на праздниках, на играх: ача кетусе — ребячий пастух — наблюдал за детьми в процессе игры. Дети отчитывались перед родителями за проделанную работу: мальчики — перед папой, девочки — перед мамой. Подруги и взрослые соседки родителей осуждали или одобряли поступки детей. Чуваши очень почитали родителей: «Дом отца и матери — золотая колыбель». Мать объявляется началом всех начал: солнце именуется матерью света, Родина — это мать. Детям постоянно внушалась гордость за героическое прошлое семьи, рода и народа.

Чуваши испокон веков считали, что основная цель семьи — рождение и воспитание детей. Любовь чувашей к детям настолько велика, что они готовы вынуть душу и отдать ее детям. «Хочешь узнать радости семьи, узнай, сколько детей», — говорят чувашши. На следующий день после рождения ребенка, после жертвоприношения происходило моление — «ребячий сыр».

Благожелательность чувашей, определяет основную цель воспитания — выработка трудолюбия. Чуваши с детства приучают детей к труду. К 12-14 годам они работают наравне со взрослыми. О чувашах говорят: «У них дети одной ногой — в колыбели, другой ногой — на пахоте (в поле)». Забота о здоровье через труд является у чувашей самой древней задачей воспитания. В народе говорят: «Пусть трехлетний помогает отцу, трехлетняя — матери». Большое внимание уделялось и умственному развитию. Чувашские мудрецы говорили: «Век живи, век учись, все-таки всего не постигнешь». Ум имеет неограниченные возможности.

В воспитании детей большую роль играли бабушка и дедушка. Неслучайно существует ряд поговорок, подтверждающих это: «Старого нужно слушаться, а молодого необходимо учить». В чувашском эпосе «Ухап» проповедуется идея верности заветам предков; подрастающему поколению внушается преданность родине. Благодаря поэтическим словам и красивым мелодиям, пословицы и поговорки оказывают на чувства и сознание детей сильное влияние и надолго сохраняются в памяти, например, колыбельные песни. Чувашским матерям известна особая форма прибауток, в которых неизменным элементом является благожелание.

Чуваши называются народом, у которого 100 000 песен. Песни — это целый поэтический и философский мир. В них — душа народа. Без песни не жил ни один человек, он рождался и умирал, окруженный родными напевами.

Образование в Чувашии

В середине XVI столетия, когда Московское государство разгромило Казанское ханство и в 1552 году штурмом была взята Казань, чувашши, наряду с другими народами Среднего Поволжья, окончательно вошли в состав Русского государства.

В Казани была устроена епархия, появляются первые русские школы при монастырях, в которых обучаются дети татар, чувашей, марийцев, мордвы, а также русских, поселившихся в Казанском крае. Набор в эти школы носил принудительный характер, так как монастырское начальство имело неограниченную власть над крестьянами своих вотчин. Учились в школах азбуке, читали псалтырь, часослов, закон христианский, изучали русский язык. Учителями были монахи, получившие от монастырей содержание. В XVII веке «инородцев» отсылали в Новгородские монастыри для обучения. В целях осуществления русификаторской политики царизм создавал в Поволжье целый ряд специальных миссионерских заведений. Новокрещенская контора занималась и открытием училищ. В 1740 году указом Сената было решено открыть училища в Казани, в Елабуге, Цивильске. В каждом училище полагалось по 30 учеников.

По желанию Дмитрия Сеченова в Свяяжске открыли «Новокрещенскую школу»; возраст учеников — от 7 до 16 лет. Из чувашей в эти школы было набрано до 300 человек. Обучение в «новокрещенских» школах начиналось обычно с азбуки, которая проходила в течение года. В следующие годы переходили к изучению часослова и псалтыря, а потом уже учились писать. В «новокрещенских» школах игнорировался родной язык. Только на шестом году обучения обращалось внимание на письмо, а также на русский разговорный язык. В общей массе учащихся «новокрещенских школ» чувашаи составили 36%. Цель обучения в «новокрещенских» школах — подготовить церковнослужителей из среды коренного населения с тем, чтобы они могли работать над христианским просвещением своих народов. Наиболее способные из учеников по окончании «новокрещенской» школы могли поступать в Казанскую духовную семинарию. Чувашские и другие дети, оторванные от родного языка и семьи, часто не могли выдержать тяжелых условий учения. Епископ Лука Канашевич насильно отбирал детей у татар, чувашей и помещал их в школы [4,54].

В течение всего XVIII века в монастырских и «новокрещенских» школах было обучено несколько сот человек из чувашей, но они не оказали заметного влияния на развитие грамотности среди чувашского населения, а сами затерялись в общей массе неграмотных чувашей.

Чувашские крестьяне в начале XIX века, как впрочем, и после, вплоть до Великой Октябрьской революции, находилось в крайне

тяжелом экономическом и политическом положении. Их насильственно обращали в христианство. По переписи 1829-30 годов некрещенных чувашей в Казанской губернии числилось только около двух тысяч человек, насильственное крещение не давало желательных результатов. Несмотря на формальное крещение, чувашаи не забывали своих языческих обычаев и поверий.

В 1804 году попечитель Казанского учебного округа М.А. Магницкий выдвинул вопрос об учреждении «ланкастерских школ взаимного обучения для поселян мордвы, черемис, чуваш и диких народов Кавказа и Сибири». Но оказалось, что указанные народы вовсе не желали открытия школ. В памяти населения еще были живы монастырские и «новокрещенские» школы, которые чувашаи называли не иначе, как «домами смерти» [5, 64].

Для чуваш открывались приходские училища, но они паходились в жалком состоянии. Преподавали в них на непонятном народу церковно-славянском и русском языках. В августе 1807 года в селе Буртассах Цивильского уезда Казанской губернии было открыто первое приходское училище, с пятью учащимися, которым занимался священник Михеев, диакон и пономарь. Обучение чтению проводилось буквослагательным методом, ученики читали механически, не понимая прочитанного.

В первой половине XIX века на территории Чувашии наряду с церковноприходскими школами существовали удельные. Многие училища, числящиеся в отчетах, пустовали, так как народ не видел от них пользы, смотрел на них как на повинность. Учителя не знали родного языка своих учеников, ученики совершенно не понимали того, чему их учили. Все это рождало ненависть к грамоте, и ученики толпами бежали из училищ, или родители откупали их от обучения.

В 1864 году была проведена земская реформа: в Казанской губернии в 1877 году было 309 земских школ, в 1894 году — 483 и в 1898 году — 559 школ, в Цивильском уезде были открыты для чувашей первые 3 земские школы в 1870 году. В 1864 году вышло Положение о начальных народных училищах, которое давало возможность привлекать к школьному делу внимание общественных организаций. Первые сельские школы открыты в Чебоксарском уезде в 1840 году: церковноприходская, школа министерства государственных имуществ и частная школа. Между тем царское правительство было сильно

озабочено ростом влияния ислама среди нерусских народностей Казанского края. Характерно то обстоятельство, что даже те из чувашей, которые оканчивали русские школы, часто становились фанатичными мусульманами. Под влиянием мусульманской пропаганды группа чувашей во второй половине XIX века эмигрировала в Константинополь и там совершенно отуречилась. «Теперь чувашаи находятся в таком положении, из которого возможно только два исхода: они должны склониться на сторону магометанства или на сторону христианства. Середины нет: скоро настанет и даже настало время, когда старые верования чуваш естественно должны рушиться» [5, 78].

В Симбирске И.Я. Яковлев создает чувашскую школу, которая решала три главных задачи:

1. Приобщить чувашей к христианской культуре.
2. Создать чувашский литературный язык и письменность.
3. Ознакомить русский народ с жизнью и бытом чувашей [6, 67].

Преподавание в школе шло на русском языке, но ученики учились читать и писать по-чувашски. С момента назначения в 1875 году учителем хорошо знающего чувашский язык Д.Ф. Филимонова преподавание чувашского языка было значительно улучшено. В качестве учебных пособий применялись: «Новая азбука» А.Н. Толстого, «Родное слово» К.Д. Ушинского, «Наш друг» Н.А. Корфа. Уже в 1875 году школа не могла принять всех желающих поступить учиться. Отсутствие собственного помещения, не говоря уже об ограниченном бюджете, стало тормозом на пути дальнейшего развития и укрепления школы.

С 1875 года начинается новый период в развитии Симбирской школы: в ней готовят учителей для чувашских школ. В 1876 году И.Я. Яковлев приобретает собственное школьное здание: «Моя квартира занимает третью часть верхнего этажа; остальные 2/3 этого этажа — женское отделение. Средний этаж занимает первый класс (55 мальчиков); второй этаж — два учителя, нижний — столовая и кухня. В школе насчитывается 100 учеников и 49 учениц» [6, 143].

Чувашская начальная школа, созданная И.Я. Яковлевым, была двуязычной. Ученики изучали чувашский и русский языки. Для изучения родного языка требовалось дополнительное время, поэтому вводился четырехлетний курс обучения в начальной чувашской школе. До 70-х годов XIX века чувашского алфавита не существовало. Книги

церковно-религиозного содержания печатались русской транскрипцией на языке, непонятном народу. В 1871 году был подготовлен первый букварь («Тъваш адизене сыртва кнеге»).

Чувашский алфавит просуществовал вплоть до 1938 года, до реформы чувашской орфографии. Создание письменности давало возможность зарождения чувашского литературного языка. Впервые чуваша получили книгу на близком и понятном им языке. Всего И.Я. Яковлевым было издано около 500 названий разных книг на чувашском языке и заложены основы чувашского литературного языка.

В положении 1890 года цель школы была сформулирована следующим образом: «Симбирская чувашская школа имеет целью приготовление учителей для начальных чувашских училищ в видах распространения религиозно-нравственного, православно-русского просвещения среди чувашского населения» [4, 97].

Для получения всестороннего образования преподавались история, естествознание, учение о праве. Пользуясь родным языком учащихся, учитель должен был систематически работать над сближением чувашей с русским народом. Учителя вооружались методикой преподавания. В учебный план школы входили следующие предметы: «закон божий», русский и церковнославянский языки, арифметика, геометрия, история, география, педагогика, логика, физика, химия, естествознание, сельское хозяйство, труд, чистописание, черчение, рисование, пение. Основное внимание после «закона божия» обращалось на преподавание русского языка: «Русский язык необходим для инородцев как воздух при увеличивающемся спросе на труд. Без знания русского языка они осуждены на гибель». С 1878 года в Симбирской чувашской школе открывается женское отделение, превратившееся впоследствии в женскую школу, и женские педагогические курсы. Сначала в ней было всего 19 учениц.

Преподавание педагогики увязывалось с педагогической практикой в начальном училище, существовавшем при школе. Практика начиналась с того, что воспитанники третьего класса (первый год) по очереди посещали начальное училище и знакомились с постановкой обучения. На втором году обучения в третьем классе воспитанники давали пробные уроки и изучали учебно-методическую литературу начальной школы. Результаты этих пробных уроков ежедневно обсуждались в присутствии всех воспитанников и при участии учителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков Г.Н. Этнопедагогика. — Чебоксары, 1974.
2. Волков Г.Н. Чувашская народная педагогика. Очерки. — Чебоксары, 1958.
3. Егоров Н.Е. Сельская школа Чувашии. — Чебоксары, 1986.
4. Яковлев И.Я. Симбирская учительская школа и ее роль в просвещении чуваш. — Чебоксары, 1959.
5. Яковлев И.Я. Письма. — Чебоксары, 1985.
6. Яковлев И.Я. Письма. — Чебоксары, 1987.
7. Иван Яковлевич Яковлев: жизнь и деятельность просветителей чувашского народа. — Чебоксары, 1986.
8. И.Я. Яковлев и его школа: Итоги юбил. науч. сессии, посвященной 120-летию со дня рождения И.Я. Яковлева и 100-летию Симбирской чувашской учительской школы. — Чебоксары, 1971.

РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ЭТНОПЕДАГОГИКА»

Казахский народ

*А.Ж. Атауова, студентка факультета
дошкольной педагогики и психологии*

Моя семья принадлежит к казахскому народу, но так как мои прапрадедушка и прапрабабушка родом из России, а именно из Самары, то мы многих традиционных обычаев не придерживаемся. Бабушка до сих пор старается выполнять традиции нашего народа и учит этому внуков: по вечерам, когда мы собираемся у неё, она поёт на казахском языке, читает книги, которые сохранились от её мамы, - это рассказы, стихи, песни, частушки на казахском языке.

Казахи населяют территорию Казахстана. До Великой Октябрьской социалистической революции их называли «казаками», «казацкой ордой». Они говорят на казахском языке, принадлежащем к северо-западной группе тюркских языков. Их численность в России около 800 тысяч человек (1991). Коренное население Казахстана живет также в Узбекистане, Туркмении, Таджикистане, Китае, Монголии.

Более 9 млн. человек говорит на казахском языке, основа письменности - русско-графическая. Верующие — мусульмане-сунниты.

Этногенез казахов происходил в условиях длительного взаимодействия разнородных кочевых племён. Важную роль сыграли, прежде всего, субстратные индо-иранские племена эпохи бронзы. Традиционное занятие — кочевое скотоводство (овцы, в основном грубошерстных курдючных пород, крупный рогатый скот, козы), в том числе коневодство и верблюводство, базировавшееся на круглогодичном пастбищном содержании скота. Радиус перекочёвок достигал 1000-1200 км. Каждая кочевая группа имела строго определённые пастбища и кочевые пути. Пастбищные угодья разделялись по сезону: зимой располагались в основном на юге — при меридиональном кочевании; в речных долинах и предгорной полосе — при вертикальном кочевании, летом — соответственно в степной и лесостепной зонах и в горах.

Присоединение Казахстана к России с середины XVIII в. до второй половины XIX в. происходило добровольно, что способствовало развитию земледелия (сеяли пшеницу, просо и многие другие зерновые культуры).

Традиционные ремёсла у женщин — пряжание овечьей и верблюжьей шерсти, изготовление ковров и войлоков, вышивание, шитьё золотом и бисером, плетение циновок; у мужчин — ювелирная обработка металла, резьба по дереву и кости, тиснение кожи.

Традиционное поселение казахов — аул. Основной вид традиционного жилища — юрта. Внутреннее убранство жилища носит национальные черты: орнаментированные кошмы, вышитые настенные украшения. При перекочёвках все перевозилось во вьюке в разобранном виде. Были широко распространены жилища и юртообразные постройки из дерева, плетня, дёрна и камыша, а также землянки.

Национальная одежда казахов сочетается с одеждой городского типа. Традиционная мужская одежда состоит из рубахи, штанов и бешмета — узкой наплечной одежды до колен со стоячим воротником. Верхняя одежда — халаты из шерстяной или бумажной ткани, у богатых казахов халат из бархата и расшит золотом или галуном, иногда оторочен мехом. Зимой — меховые шубы или тулупы, непременная часть мужской одежды — кожаный пояс. Головной убор мужчин — тюбетейка, поверх неё надевали войлочную шляпу с разрезными отгибающимися полями, или башлык, или шапку в виде колпака, мехом внутрь с отгибающимися наружу полями, или тымак — зим-

ную шапку, подбитую мехом, с широкими полями, спускающимися на шею и плечи. Многие мужчины носят одежду городского типа: брюки галифе и гимнастёрку, а также шерстяные, вельветовые и суконные костюмы. Традиционная женская одежда — рубаха, платье, штаны, у пожилых — платье тёмное или белое, и цветное — у молодых, а также безрукавка. У молодой женщины — нагрудник из сукна и других тканей, расшитый нитками, галуном и разнообразными украшениями. Женские головные уборы различались в зависимости от принадлежности к племени, возраста и семейного положения — платки или белый головной убор — «кимешек» — с прорезом для лица. Характерен свадебный убор (саукеле) — высокий колпак из красного сукна или бархата, часто богато украшенный подвесками, бусами и цепочками. Женщины носили серебряные, медные и стеклянные украшения: серьги, бусы, браслеты, кольца.

Основу традиционного питания с весны и до осени составляло молоко, в основном в сквашенном виде (катык или айран — из овечьего или коровьего молока, кумыс — из кобыльего), сыр; с ноября — мясные и растительные продукты.

Основу традиционной социальной организации составляет кочевая община, главной ячейкой которой была малая семья с патриархальными устоями. Брак патриархальный, сохранял обычай левирата (архаичный обычай, по которому вдова обязана или имеет право выйти замуж за брата своего мужа) и сорората (обычай эпохи родового строя, по которому мужчина вступает в брак одновременно или последовательно с несколькими родными или двоюродными сестрами. Обычай вторичной женитьбы вдовца на младшей сестре умершей жены). Заключение брака предшествовало сватовство, неоднократное посещение женихом невесты, взаимные одаривания между сватами и выплата калыма.

У казахов сохраняется богатый фольклор (песни, эпические сказания, исполняемые сказателями, — жырмы; творчество поэтов — импровизаторов — акынов). Большую роль в духовной культуре играют генеалогические предания, эпос и сказания, музыка.

В современной жизни казахов стерлось былое неравенство женщин в семье и обществе; новая российская семья основана не экономическом и правовом равенстве мужчин и женщин. Женщины вовлечены в производственный труд, являются активными участницами государственной и общественной деятельности.

Я горжусь своей нацией, стараюсь придерживаться казахских традиций и готова их передавать своим детям, внукам, правнукам.

Мордовский народ

*Балакина Е.В. студентка факультета
дошкольной педагогики и психологии*

Семья моего отца принадлежит к мордовской нации. Они долгое время проживали в селе Селище. Мордва — коренное население Мордовии, хотя значительные группы живут в Саратовской, Пензенской, Ульяновской, Горьковской, Оренбургской, Самарской областях, в Татарии, Чувашии и Башкирии, в Сибири, Средней Азии и на Дальнем Востоке. Мордва делится на 2 основные группы: мордва-эрзя и мордва-мокша. Каждая группа сохраняет особенности в материальной культуре (одежда, жилище, народное творчество). Эрзянский и мокшанский языки составляют особую группу финно-угорских языков и являются литературными языками, на которых издаются научная и художественная литература, газеты, журналы. Почти все мордовское население говорит по-русски. Среди мордвы выделялись еще две более мелкие этнографические группы: терюхане и каратаи. Терюхане еще в XIX веке восприняли русский язык и в настоящее время полностью слились с русским населением. Каратаи живут в трех селах на правом берегу Волги и Татарии, говорят на русском и татарском языках. Верующая мордва — православные. Языки мордовского населения распространены в Башкирии, Татарии, Чувашии, Горьковской, Оренбургской, Пензенской и некоторых других областях. Мордовские языки многодиалектны. В мокшанском языке, в отличие от литературного эрзянского языка, есть фонемы, ударение главным образом на первом слоге. В эрзянском языке ударение фразовое и ритмическое. Морфологический тип мордовского языка — агглютинативный. В значении предлогов употребляются послелоги. У имени свои 10 падежей и 3 склонения — основное, указательное, притяжательное. Категории рода нет. У глагола 7 наклонений, 2 спряжения. В словообразовании играет важную роль суффиксация и словосложение. Препозитивное определение не согласуется с определяемым словом. В лексике много тюркизмов и особенно русизмов. Памятники письменности на разных мордовских

диалектах известны с конца XVII века. Мордовские литературные языки сформировались к середине 30-х годов XX века.

Впервые мордва под названием *Mordens* упоминается у готского историка Иордана (VI в.). Данные языковой и материальной культуры указывают на автохтонность мордвы в междуречье реки Оки и средней Волги. Изучение древних поселений и могильников мордвы дает возможность установить преемственную связь с более древними местными племенами городецкой культуры. Эти связи прослеживаются в орудиях труда, типах жилища, технике изготовления посуды, украшениях. В VII-XII вв. у мордвы происходил процесс распада родовой общины, на смену которой с развитием пашенного земледелия пришла сельская община, однако патриархально-родовые пережитки сохранялись и в последнее время. С развитием феодальных отношений началась постепенная консолидация мордовских племен в народность. На ее формирование оказали влияние славянские племена, а затем древнерусская народность. В советское время мордовский народ добился автономии.

Широкое развитие получил национальный театр, литература и различные виды традиционного народного искусства (резьба по дереву, вышивка), фольклор (исторические песни, лирика). В вышивке преобладают приглушенные красные и темно-синие цвета с вкраплениями черного и зеленого; поле вышивки заполнено преимущественно небольшими, тесно примыкающими друг к другу зигзагами, квадратами, ромбами, крестами. Резьбой покрывают бытовые предметы из дерева. Древнейший жанр мордовского народного песенного творчества — земледельческие песни (веснянки, колядки). Наряду с лирическими и эпическими песнями, распространены частушки, плясовые и хороводные песни. Мордовской народной песне присуще многоголосие. Основной лад — пентатонный. Инструментальная народная музыка включает исполнение народных песен и танцевальных наигрышей. Старинный музыкальный инструмент — тростниковая свирель. Издавна бытуют самодельная скрипка-пила, гармонь, балалайка, баян, гитара. Истоки народного мордовского театра находятся в народных обрядах и играх.

Мордва распространилась по всей России. В поселке Новосемейкино Самарской области часть населения составляет мордва. По данным местного краеведа Ю.И.Михеева, в конце XVIII века в трех километрах от русла реки Сок, в глубине девственного дубового леса,

на большой поляне с множеством родников поселились беглые крепостные. Селище это было названо «Три родника». Отчаявшиеся крестьяне бежали от своих помещиков из Пензенской и Симбирской губерний. Они жили в землянках, промышляли охотой, собирательством и рыбной ловлей. Лес щедро одаривал беглецов ягодами, орехами, желудями и грибами. Часть добычи шла в «общий котел», другая — тайно продавалась или обменивалась в Самаре на хлеб, одежду, домашнюю утварь. Поселенцев объединили общий язык (в основном это была мордва), общие трудности и беды, необходимость скрываться от гонителей. Они были дружными и сплоченными, как единая семья. Так продолжалось почти 90 лет, пока в 1861 г. не было отменено крепостное право. Первой решилась выйти из леса и обосноваться на самом берегу Сока большая семья Тимофея Лаптева, за ней — семья Вдовиных, Жирновых и Мезенцевых. Покинутое лесное селище с тех пор стали именовать «Мордовской поляной», а новое пристанище, по общему согласованию, было названо «Старая Семья», или «Старое Семейкино» (в честь большой старой и монолитной семьи его основателей — Лаптевых).

В начале XX века (в 1901-1902 гг.) из Старосемейкина выделалась группа в 18-20 семей, основавшая в 3-х километрах к востоку новое поселение, названное ими «Новое Семейкино». Впоследствии название трансформировалось в более простое и произносимое «Новосемейкино».

Туркменский народ

*А.С.Агафонова, студентка факультета
дошкольной педагогики и психологии*

После войны мои бабушка и дедушка жили в Туркменистане. Там родились мои родители, позже я и моя сестра. Хотя во мне не течёт туркменская кровь, но так как я там жила до 1999 года, то я знаю туркменский язык, историю образования государства, народа, а также его традиции, быт и фольклор.

Туркмены как народ существуют очень давно. Они произошли от Ахеминидов, которые принадлежали к тюркскоязычным племенам, отсюда и следует происхождение слова «туркмен», то есть «мен» — по-туркменски означает «я», а «тюрк» — принадлежность к тюркско-

му племени, и в общем означает «туркмен», то есть «я-турок». Но в дальнейшем произошло разделение племени ахеменидов на следующие 5 племён: огузы, асыпы, теке, ёмуты, ахалы. Вначале эти племена были кочевыми, но затем они перешли на осёдлый образ жизни. В результате этого образовалось 5 областей (велятов): Ашхабадский, Марыйский, Дашхоузский, Чарджоудский, Красноводский. Разделение областей по племенам существует и по сей день. Именно через Марыйскую область проходил «Великий Шёлковый Путь», а точнее, через Мерв — бывшую столицу Туркменистана, являющуюся главной станцией для проходящих по «Шёлковому Пути» караванов.

До 1880 года у туркмен существовало патриархальное рабство: сохранилось деление на чистокровных, рабов, рабынь, потомков от смешанных браков свободных с рабынями. В 80-е гг. XIX века Туркменистан был присоединён к России, после чего начался подъём хозяйственной и политической жизни.

Семейный уклад был таков: во главе семьи стоял отец или старший брат, а над женщинами главенствовала жена или вдова старшего. Такой уклад сохранился и по сей день.

Национальная одежда туркмен очень своеобразная, особенно женская. Она состоит из широкого длинного платья из национальной ткани, которая называется «китени» (обычно красного или зелёного цвета — это любимые цвета мусульман). На платьях присутствуют национальные вышивки, раньше по ним определяли, к какому племени относится женщина. Под платье одеваются так называемые «балаки» — штаны с такой же вышивкой ниже колена. Сверху халат с такой же вышивкой. Поверх платья одевается большая серебряная брошь, на голову — тюбетейка, расшитая серебром, «гопа». Волосы заплетаются в две косы (если девушка не замужем), замужние убирают волосы под национальный платок. На руки надевают серебряные браслеты. Мужчины носят широкую рубаху, подвязанную поясом, широкие штаны, заправленные в длинные сапоги, на голову надевают телпек — шапку из бараньей шерсти.

Основную национальную еду туркмен составляют мясной суп (чорпа) с различными приправами, жареное мясо (говурма), плов, а также различные молочнокислые продукты (чекизе), в специальных печах (тандыр) пекут лепёшки (чёрек). Из напитков туркмены пьют верблюжье молоко (чал) и зелёный чай (гёк чай).

Каждый праздник проходит по своеобразным традициям. Особенно интересны свадебные обычаи. Когда парню или девушке исполняется определённое количество лет, то родители начинают думать об их замужестве или женитьбе. Они ищут подходящую пару, если только сын или дочь не имеют избранника. Родители ищут такую семью, которая подходит им по племени. После согласия сторон семья невесты предъявляет перечень подарков, входящих в «калым» — это выкуп. Семья жениха выплачивает «калым», после этого играют свадьбу. Бывает, что невеста и жених не видят друг друга до свадьбы и знакомятся только на ней. В день свадьбы, когда жених приходит за невестой, с ним заходят в дом замужние женщины. В комнате невесты сидят её подружки. Женщины пытаются забрать невесту, а девушки сопротивляются. Женщины должны выиграть и забрать невесту. Так происходит переход девушки в семейную жизнь. В конце вечера за праздничным столом все друзья жениха завязывают ему на талии платок с большим количеством узлов. Невеста начинает развязывать эти узлы, а потом делает один большой узел и им выгоняет гостей, чтобы остаться наедине с женихом.

Туркменские семьи в основном многодетны, и практически у них не бывает разводов. Они очень почитают Коран и его заветы.

Нынешний Туркменистан очень изменился по своему социально-экономическому положению. Но многие традиции, обычаи сохранились: девушки носят платья с туркменским колоритом, тубетейки. Даже в тех семьях, где придерживаются европейского образа жизни, по праздникам девушки надевают туркменские платья. Мужчины и юноши редко придерживаются обычаев относительно одежды.

Фольклор сохраняют танцевальные ансамбли. В музыкальных школах изучаются произведения туркменских композиторов, в школах — произведения туркменских поэтов и писателей, туркменский язык. Дети играют на туркменских национальных инструментах (лутар, гопыз, туйдук).

Украинский народ

*Ю.Н. Лёгоньких, студентка факультета
дошкольной педагогики и психологии*

Наш род Рассохиных начался где-то под Курском в одном монастыре, где жила игуменья. В нашем роду есть украинцы: тетя хорошо

знает украинский язык и традиции. Этим вызван мой интерес к традициям украинского народа.

Основой этнонима (первоначально он относился к юго-восточным группам народа, их называли также «казаки», «казацкий народ») стал термин «краина», то есть «край» страны, который к XVIII веку закрепился в официальных документах и восходит к названию «Украина» («край»). Украинцев часто называли черкасами, позже, до начала XX века, малороссиями, малороссами, южнороссами.

Украинцы говорят на украинском языке. В ходе XVIII-XIX вв. сложился современный украинский (новоукраинский).

В IX веке Киевское и Новгородское княжества объединились в древнерусское государство — Киевскую Русь. Формирование украинского этноса происходило на основе части восточнославянского населения, в юго-западных областях этого государства (территория Киевского, Переяславского, Чернигово-Северского, Волынского и Галицкого княжества) в условиях продолжительной иноземной экспансии. Когда Османская империя захватила часть Северного Причерноморья, основным центром формирования этноса стало среднее Приднепровье — правобережные Киевские, Переяславские и Чернигово-Северские земли. В XV-XVI веках этническая территория Украины расширилась вследствие заселения юго-западных окраин беглыми крестьянами (возникновение запорожского казачества) и началом освоения Слободской Украины (современная Харьковская, частично Сумская, Луганская, Курская, Белгородская и Воронежская области).

С провозглашением в 1596 году Брестской церковной унии (православная церковь на территории украинских и белорусских земель Речи Посполитой была объединена с католической в униатскую церковь) еще более усилился социально-религиозный гнет, что вызвало подъем национально-освободительной борьбы украинского народа против иноземцев.

История государства, народа отражается в традициях. Как же они сохраняются последующими поколениями?

С конца 1980-начала 1990-х годов в среде украинских поселенцев в России наметилась тенденция возрождения чувства этнической самоидентификации, интереса к истории и культуре украинского народа. Украинские говоры сформировались в результате многообразия сплавившихся в них особенностей отдельных украинских наречий.

Традиционно-бытовая культура украинской диаспоры в России формировалась в разные исторические периоды. Продолжительные миграции движений украинцев, их расселение на больших пространствах России, этнокультурная взаимосвязь с русскими и другими народами (татарами, башкирами, казахами, немцами и другими), специфика экологических и социально-экономических условий в разных российских районах оказывали прямое воздействие на развитие традиционной культуры. Поскольку украинцы расселялись преимущественно в русской этнической среде, в их культуре сложилось много черт, общих с местными русскими.

Основой экономической жизни украинских переселенцев в XIX–XX веках было земледелие, подсобные отрасли — животноводство, рыболовство, в Башкирии и Сибири — охота. Часть сельского населения занималась промыслами и ремеслами — кожевенно-сапожным, шубным, гончарным, столярным, бондарным, иконописным, винодельным и другими.

Выращивали рожь, пшеницу (озимую и яровую), ячмень, овес, гречиху, просо, горох, фасоль, лен, коноплю, овощи, бахчевые культуры, в европейских районах разводили сады.

Традиционная техника земледелия различалась в разных природных зонах. В степных и лесостепных районах в условиях трудных черноземных почв украинцы обрабатывали землю тяжелым деревянным двухколесным плугом, распространенным на Украине. Одинаковы с русскими были орудия боронования, серп, коса, грабли.

Украинские поселения на территории России основаны в различных естественно-географических и этнических условиях. Особенности заселения оказывают непосредственное влияние на формирование типов поселений и их планировочной структуры. Для большинства лесных и лесостепных районов характерны многодворные поселения — села, деревни, поселки, в казачьих войсках — станицы и хутора. Малодворные и однодворные поселения — хутора, выселки, урочища.

Во многих поселениях сохранилась украинская народная одежда или разнообразные компоненты украинского костюма, характерные для центральных и восточных районов Украины. Украинская народная одежда в XIX–начале XX веков представляла собой сложный комплекс, состоящий из рубахи, поясной, нагрудной верхней одежды, головного убора, обуви и украшений.

Основу мужского и женского традиционного костюма составляла длинная рубаха («сорочка») из домотканого полотна, позднее из фабричных тканей, служивших еще и в начале XX века постельной и одновременно выходной одеждой. Женскую рубаху шили с длинными рукавами, с прямоугольными вставками на плечах, пришитыми по утку или по основе.

Еще в начале XX века кое-где сохранилась дерга, запаска, плаха — старые формы не сшитой или частично сшитой поясной одежды, характерные для Украины. Дерга — будничная одноплатовая запахивающая одежда из грубой шерстяной домотканины, укрепленная на талии поясом.

Поверх рубахи надевали типично украинскую безрукавную удлиненную и приталенную «керсетку». Ярким дополнением к женскому костюму были съемные украшения — браслеты, серьги, кольца, шейные и нагрудные ожерелья из драгоценных камней, сплавов, стекла и особенно бусы или подвески с монетами — «монисто». Традиционный головной убор сохранился лишь в некоторых селах — длинный большой плат, повязываемый поверх шапкоподобного наряда.

Мужская одежда трансформировалась быстрее под влиянием города и местной одежды. Сравнительно долго сохранялись полотняные, позднее ситцевые, туникообразные сорочки с разрезом ворота посередине груди, украшенные орнаментальной вышивкой; их заправляли в штаны или носили навыпуск.

В украинских селах была известна рубаха с прямым разрезом по середине груди, со стоячим или отложным воротником. В XIX веке в Курской, Воронежской губерниях, в некоторых селах Южного Приуралья, на Кубани мужчины еще ходили в типично украинских широких шароварах, каждая колота которых кроилась из двух полотнищ холста, соединенного прямоугольными и ромбовидными вставками. Но уже в то время и позднее преобладали узкие штаны, сшитые по русскому образцу из домотканой и фабричной материи. Во многих украинских селах долго носили традиционную высокую барашковую шапку («кучма»), зимние шапки с удлиненными наушниками, шляпу из войлока и соломы.

В общественной жизни украинцев большую роль играли календарные праздники и обряды, которые складывались на общеславянской основе и в то же время отличались некоторыми особенностями.

Многие обряды и обычаи были приурочены к датам христианского календаря. «Святки» сопровождалась вечерними беседами с ритуальными кушаньями, магическими действиями, с хлебом, зерном, гаданиями, карнавалами, весельем с ряжениями, драматизированными действиями — пели колядки под Рождество, под Новый год, ходили «со звездой», дети засевали зерна в домах соседей. Масленица у украинцев не праздновалась так широко, как у русских. На Пасху устраивали гуляния, хороводы, качели, игры молодежи. Большое значение придавали обрядовой еде, освящали в церкви «Пасху» (кулич), крашеные яйца, колбасы, жареного поросенка, мед. На Троицу украшали хату, ворота, хлева зелеными ветками, травами и цветами.

Украинская народная древняя поэтическая культура многообразна по жанровой структуре и музыкальной выразительности. Лучше сохранилась древняя украинская календарная и семейная обрядовая поэзия. Исполнялись заговоры, пословицы, поговорки, сказки, предания. Наиболее же распространенным и массовым жанром поэзии украинских переселенцев была и остается песня — лирическая, трудовая, военно-историческая. Пели песни на отдыхе, за работой, на вечерах, в военных походах, в будни и в праздники. Пение было сольное и хоровое. Некоторые фольклорные жанры бытуют и в наше время. Широко используются новогодние щедривки, колядки, посивание, пословицы и поговорки. На свадьбах исполняются старинные приговоры, венчальные песни.

Тенденция возрождения национальных культурных традиций усиливается в среде украинской диаспоры в последние годы в связи с обретением своей государственности, переосмыслением опыта прошлого. Среди потомков выходцев с Украины возрастает чувство этнического самосознания, интерес к истории и культуре украинского народа как на основной этнической территории, так и на новой родине, в городах и районах компактного проживания.

Украинцами Российской Федерации создаются украинские национальные культурные общества, организуются фольклорные ансамбли, самодеятельные творческие театральные студии, вечера и праздники украинской культуры, издаются газеты на украинском языке. Украинское культурное движение широко поддерживается: создаются общественные организации культурных связей с украинцами за пределами Украины.

**Численность населения коренных национальностей РФ
на территории проживания (перепись 1989 года)¹**

Национальности	Число лиц (в тыс.)	Проживают (в %)	
		На территории своих автономий	Вне
Башкиры	1449	59,6	39,4
Татары	6649	26,6	73,4
Чуваши	1824	49,2	50,8

Языковая ситуация в России
(данные переписи 1989 года)

- Нерусские – 27 155 923 тыс.
- Считают родным язык своей национальности – 71,01 %
- Свободно владеют языком своей национальности – 5,64 %

Национальный состав населения (в тыс.)

- Башкиры – 1345
- Казахи – 636
- Киргизы – 42
- Таджики – 38
- Узбеки – 127

Национальный состав Самарской области (100 %)

- Русские – 83,4
- Мордва – 3,6
- Чуваши – 3,6
- Татары – 3,5
- Украинцы – 2,5
- Казахи – 0,4
- Евреи – 0,4
- Немцы – 0,3
- Башкиры – 0,2
- Марийцы – 0,1
- Другие – 1,5

¹ Данные: Товадов Г.Т. Этнология. Словарь-справочник. – М., 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
НАЦИОНАЛЬНАЯ ШКОЛА БАШКИРИИ	8
ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ КАЗАХСКОГО НАРОДА	14
Национальная школа в Казахстане	14
Традиции казахского воспитания	18
НАРОДНАЯ ПЕДАГОГИКА И ШКОЛА КИРГИЗИИ	24
Из истории Киргизии	25
Национальная педагогическая культура	27
Киргизская школа	37
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ТАДЖИКСКОГО НАРОДА..	46
Традиции таджикского воспитания	47
Источники воспитания таджикского народа	52
История образования таджикского народа	56
ТАТАРСКАЯ НАРОДНАЯ ПЕДАГОГИКА	62
Традиции воспитания детей	65
История татарской школы и педагогической мысли	71
Народная педагогика в современной школе	82
ТРАДИЦИИ ВОСПИТАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ	85
Узбекская семья	85
Обряды узбекского народа	89
Народная педагогика	96
ЧУВАШСКАЯ ШКОЛА И ПЕДАГОГИКА	111
Традиции народной педагогики	112
Образование в Чувашии	113
РАБОТЫ СТУДЕНТОВ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ЭТНОПЕДАГОГИКА»	118
Казахский народ	118
Мордовский народ	121
Туркменский народ	123
Украинский народ	125

В публикации использованы рисунки и фотографии из следующих источников:

Электронная энциклопедия, созданная Ассоциацией «Поволжье», - «Народы России на территории Самарской области» (www.uic.ssu.samara.ru/~povolzje/).

Омар Хайям. Рубан. Сост Ш. Шамухамедов. Ред. Б. Пармузин. Ташкент, Изд-во ЦК КП Узбекистана, 1977. - 104 с. рис.

Избранная лирика Востока. Агахи. - Изд-во ЦК КП Узбекистана, 1984. 128 с. с илл. Академия наук Узбекской ССР. Институт рукописей им. Х.С. Сулейманова.

Избранная лирика Востока. Надира. Избранные стихотворения. - Изд-во ЦК КП Узбекистана, 1979. 128 с. с илл. Академия наук Узбекской ССР. Институт рукописей им. Х.С. Сулейманова.

Народы и религии мира. Энциклопедия. М.: Научное изд-во «Большая Российская Энциклопедия», 1999. - 928 с.

РУДНЕВА Т.И.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ:
ЭТНИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ.

Москва - Самара: издательство МГПУ, 2002. - 132 с.

Компьютерная верстка - Терещенков Г.Н.

Подписано к печати 21.02.2003. Формат 60x84 /16. Объем 8,25 усл. печ. л. Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам.

Тираж 300 экз. Бумага офсетная. Печать офсетная. Заказ № 211.

Издательство Московского городского педагогического университета: Москва, Второй Сельскохозяйственный пер., 4. Лицензия ЛР №07891 от 8.06.1999. ИПЦ «Жизнь и мысль». Редакционно-издательский отдел МГПУ: ул. Туристская, 19, корп. 5.

Отпечатано в типографии ООО РПЦ «Принтекс». 443022, Самара, Заводское шоссе, 11. Лицензия на полиграфическую деятельность ПЛД № 67-61 от 15 июля 1999 г.